

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Российское общество социологов

Уральское отделение РОС

*Навстречу V Всероссийскому
социологическому конгрессу*

**СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ:
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ И ПУТЬ В XXI ВЕК**

Екатеринбург
2015

УДК 316(470.5)
ББК 60.5(235.55)
С 69

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия
доктор философских наук, профессор **Ю. Р. Вишневский**
доктор философских наук, профессор **Б. З. Докторов**
доктор философских наук, профессор **Г. Е. Зборовский**

Ответственный редактор
доктор философских наук, профессор
Г. Е. Зборовский

С 69 Социология на Урале: второе рождение и путь в XXI век. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 216 с.

ISBN 978-5-7741-0230-3

В книге рассказывается о становлении и развитии социологии на Урале во второй половине XX – начале XXI вв. Значительную часть работы составляют интервью, проведенные Б. З. Докторовым с социологами Урала, представляющими несколько поколений российских исследователей. В интервью отражен их жизненный и профессиональный путь, а также взгляды на развитие социологической науки и практики в стране и Уральском регионе.

Книга рассчитана на широкий круг читателей – преподавателей и научных работников, студентов и аспирантов, а также всех тех, кто интересуется развитием социологии в России и на Урале.

УДК 316(470.5)
ББК 60.5(235.55)

Книга издается в авторской редакции

ISBN 978-5-7741-0230-3

© Ю. Р. Вишневский, 2015
© Б. З. Докторов, 2015
© Г. Е. Зборовский, 2015
© Оригинал-макет.
Гуманитарный университет, 2015

- Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е.*
Социология на Урале: проблемы становления и развития.....4
- Докторов Б. З.*
Социология на Урале:
к построению истории через биографии.....13
- Вишневский Ю. Р., Зборовский Г. Е., Шанко В. Т.*
Л. Н. Коган – основатель Уральской социологии.....22
- Филиппов А. Ф. рассказывает об отце – Ф. Р. Филиппове*
Он чувствовал себя человеком XIX в.,
эпохи революционного прогрессизма.....31
- Вишневский Ю. Р.*
«Нам была присуща надежда,
если правильно “объяснить” мир,
его легче будет “изменить”».....54
- Зборовский Г. Е.*
«Я ощущаю себя в первую очередь профессором».....82
- Кораблева Г. Б.*
«Потребность в переменах и их ветер начинает
чувствоваться в конце 80-х – начале 90-х годов».....115
- Амбарова П. А.*
«Смотри на мир и время реалистично,
думай оптимистично».....138
- Багирова А. П.*
«Скорее нас учила сама университетская атмосфера».....161
- Засыпкин В. П.*
«В итоге, посетившись во Франции около трех месяцев,
я вернулся в Сургут».....185

Ю. Р. Вишневский, Г. Е. Зборовский

СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Роль Уральского региона в развитии отечественной социологии была и продолжает оставаться весьма значительной, особенно в течение двух ее последних периодов – с конца 1950-х до конца 1980-х гг. и с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Между тем, о развитии социологии в Уральском регионе написано очень мало. Опубликованные материалы не дают возможности составить целостное представление об этом процессе. Предлагаемая читателю книга, содержащая интервью известного отечественного ученого Б. З. Докторова с рядом уральских социологов, призвана в какой-то мере восполнить существующий пробел и познакомить читателя с развитием социологии на Урале в течение второй половины XX – начала XXI вв.

Прежде всего, скажем о том, что в рамках этих периодов менялась социально-экономическая трактовка самого Уральского региона. Если вплоть до начала XXI века он включал в себя Свердловскую, Челябинскую, Пермскую, Курганскую, Оренбургскую области и две республики – Башкортостан и Удмуртию, то с появлением федеральных округов в 2000 г. в его структуре произошли радикальные изменения. Сейчас Уральский федеральный округ включает в себя Свердловскую, Челябинскую, Курганскую и Тюменскую области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Это не может не сказаться на состоянии социологии в регионе. Привычные, налаженные десятилетиями связи и контакты не получают естественных предпосылок для своего укрепления. К счастью, сами социологи пока не разрывают этих связей, правильно понимая их значение для развития науки не только на Урале, но и далеко за его пределами.

На рубеже 1950–1960-х гг. произошло то, что мы, по терминологии Б. З. Докторова, называем вторым рождением социологии на Урале. После длительного тридцатилетнего периода ее забвения, вызванного господством в стране сталинского режима, возник качественно новый этап социологии, который означал и ее ренессанс (в стране и регионе), и принципиально новую ступень в развитии. Возрождающаяся или, точнее, рождающаяся вновь уральская

социология заявила о себе сразу и решительно тем, что «ворвалась» в отечественную науку первой серьезной работой – «Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР» (1961). Благодаря своему активному старту социология на Урале изначально заняла свое достойное место в ряду ведущих центров развития этой науки в стране (Ленинград, Москва, Новосибирск), мало в чем им уступая. У истоков социологии на Урале были М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган, М. Н. Руткевич. В этом же ряду свое достойное место занимают Н.А. Аитов и З. И. Файнбург. Значительную роль в становлении и развитии социологии на Урале сыграли: Л. М. Архангельский, Ю. Е. Волков, С. Ф. Елисеев, О. Н. Жеманов, Г. М. Коростелев, Г. В. Мокроносков, В. Г. Мордкович, В. Г. Нестеров, Г. П. Орлов, Ю. П. Петров, Ф. Р. Филиппов, Л. Е. Эпштейн и др. Почти все они ушли из жизни, но оставили глубокий след в социологии своими исследованиями, публикациями и учениками.

В 1960-е гг. шел процесс экстенсивного развития социологии на Урале, который означал, во-первых, вовлечение в него областей и автономных республик Уральского региона (вслед за Свердловской областью – Пермской и Челябинской, чуть позднее – Оренбургской и Курганской областей, Башкирской и Удмуртской автономных республик); во-вторых, в рамках областей, городов и республик – появление вузовских, академических и производственных центров и структур. Однако социологической школы на Урале в 1960-е гг., по всей видимости, еще не было. Ее формирование и развитие падает на 1970-е – первую половину 1980-х гг., ставшие поистине периодом расцвета социологии на Урале. Дадим самую общую характеристику Уральской социологической школы.

Вначале остановимся на понятии социологической школы. С нашей точки зрения, для появления научной школы в социологии необходимо наличие нескольких совпадающих по времени, месту, содержанию и направленности обстоятельств. Речь идет о каком-то конкретном периоде и его определенной продолжительности. Как правило, он занимает 15–20 лет. Это тот срок, когда школа должна сформироваться как некоторое объединенное на основе единых методологических принципов и подходов научно-творческое неформальное сообщество и проявить себя соответствующим образом в социологической деятельности. Школа характеризуется наличием ярко выраженного лидера (лидеров), институционального статуса (к примеру, принадлежности к университету), центра для обмена научными идеями и творческих встреч (теоретический семинар, издаваемый журнал, регулярно выходящие сборники научных трудов), общих профессионально-этических установок ее представителей.

Можно утверждать, что все эти признаки были характерны для того научно-творческого неформального сообщества, которое мы именуем Уральской социологической школой. Ее признанным лидером стал выдающийся отечественный социолог Л. Н. Коган (1923–1997), к которому позднее «присоединились» на этом статусном уровне в Уфе Н. А. Аитов (1925–1999), в Перми – З. И. Файнбург (1922–1990). Центрами, вокруг которых создавались неформальные творческие сообщества социологов, стали: в Свердловске – отдел социологии Института экономики Уральского филиала АН СССР, затем – с переходом Л.Н. Когана в университет – философский факультет и факультет политологии и социологии Уральского государственного университета; в Уфе – Уфимский авиационный институт, в Перми – Пермский политехнический институт. Общим же неформальным творческим объединением стали постоянно проходившие конференции, семинары, школы (на которых обучали будущих «заводских» социологов), но главным образом Уральские социологические чтения, проводившиеся в различных городах – республиканских и областных центрах – Уральского региона, где в среднем раз в два года социологи получали возможность творческого общения и публикаций сборников докладов и выступлений. У истоков Уральских чтений стоял Л. Н. Коган. Первые чтения были проведены в 1976 г. в г. Ижевске.

Будучи созданной в 1970-е гг., Уральская социологическая школа «заявила» о себе целым рядом особенностей.

Во-первых, в ее рамках шло параллельное развитие сразу трех «ветвей» российской социологии – вузовской, академической, производственной (заводской), причем между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали интенсивные творческие связи. Заводская социология на Урале по существу была любимым детищем и вузовской, и академической науки, которые ее взрастили и поставили, что называется, на ноги.

Во-вторых, на Урале достаточно быстро происходил процесс институционализации социологии и ее общественного признания, чему в значительной степени способствовали властные структуры во всем регионе. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, проведении конкретных исследований (часто выступая их заказчиками), конференций и семинаров, Уральских социологических чтений. Такая работа способствовала росту популярности социологии, придавала ей определенное рода «паблисити». В немалой степени этому содействовали местные СМИ, которые пропагандировали работу социологов в печати, по радио, телевидению. Несмотря на отсутствие в стране социологического образования и профессионально подго-

товленных через него кадров специалистов, на предприятиях вводились должности и структуры (лаборатории, секторы, бюро и даже отделы и службы) под социологов.

В-третьих, Уральская социологическая школа, несмотря на широкий спектр исследуемых направлений и проблем, имела явно выраженные приоритеты среди них, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была проблематика социологических исследований в области труда, культуры, образования, молодежи, социальной структуры, политических процессов, свободного времени и др.

Уральская социологическая школа не имеет широкого международного признания, а ее известность не простирается далее российской социологической науки. Но в ней она всегда занимала и занимает сейчас (когда уже нет в живых ни одного из трех ее лидеров) достаточно заметные позиции. Об этом свидетельствуют многие факты: продолжающаяся практика проведения конференций и социологических чтений (в том числе новых – «Коганских», «Файнбургских», «Аитовских»); совместные публикации в виде издаваемых материалов чтений и конференций, а также специализированных выпусков журнала «Социс»; создание ряда диссертационных советов, на заседаниях которых выступают в качестве оппонентов и представителей ведущих организаций, прежде всего, социологи Уральского региона; широкое участие в Российском обществе социологов и его руководящих органах; представительство в редакционном совете журнала «Социс» и др.

Несмотря на достигнутые успехи, во второй половине 1970-х гг., в условиях «застоя», наблюдается некоторый спад в проведении социологических исследований. Сокращается число социологических служб на предприятиях и количество работающих в них сотрудников. Становится все больше запретных для социологических исследований сфер и тем. Практически не исследуются проблемы отклоняющегося поведения, преступности, наркомании, алкоголизма, взяточничества, коррупции. К объективным трудностям работы социологов, связанным с жесткой цензурой, добавляются и субъективные, касающиеся отставания исследований в области методики и техники их проведения и обработки данных. Такая ситуация имела место не только в Свердловске, но и в других областных и республиканских центрах Уральского региона.

Новый период развития социологии на Урале, пришедший на смену застою, был связан с существенными преобразованиями и в стране, и в социологии. Перестройка общества активно стимулировала перестройку в социологии. Появились новые благоприятные условия для ее развития. Они привели к дальнейшей институционализации социологии, строго говоря, к ее принципиально иному этапу.

Также как и во всей стране, социология на Урале оказалась полностью «узаконенной» – и как вузовская специальность, и как научная дисциплина, и как профессия. Подготовка по специальности «социология» осуществляется почти во всех областных и республиканских центрах Урала: Екатеринбурге, Уфе, Перми, Челябинске, Ижевске, Тюмени. Ведется она не только в классических (Уральском, Башкирском, Пермском, Тюменском, Удмуртском, Южно-Уральском), но и технических (Пермском), педагогических (Уральском, Российском профессионально-педагогическом, Сургутском) университетах, Гуманитарном университете г. Екатеринбурга, Челябинской государственной академии культуры и искусства. Общее количество обучающихся по специальности «социология» студентов в уральских вузах составляет около 3 тысяч человек. По этому показателю вузы Уральского региона уступают только московским и находятся на уровне вузов Северо-Западного региона (включая Санкт-Петербургские).

Понятно, что там, где имеются социологические факультеты и отделения, необходима подготовка кадров преподавателей высшей квалификации – кандидатов и докторов наук. Это привело к созданию целого ряда диссертационных советов. Если в доперестроечные времена существовал лишь один такой совет – в Уральском государственном университете, то в новых условиях (с конца 1980-х гг. до нашего времени) появилось еще несколько советов по защитах докторских и кандидатских диссертаций – в Екатеринбурге, Уфе, Перми, Тюмени. Сегодня на Урале можно защищать докторские и кандидатские диссертации по всему спектру социологических специальностей.

Серьезные изменения институционального характера проявились и в области коммерциализации социологии. На Урале, особенно в крупных центрах, как и во всей стране, появились рынки социологических услуг. Возникли коммерческие социологические структуры, целые фирмы, деятельность которых связана с подготовкой и проведением конкретных социологических исследований по самому широкому спектру проблем, в том числе и маркетинговых. Многие из них включают в себя работников вузовских кафедр.

Появившиеся новые возможности социологии, возросшую популярность этой науки в условиях ее активной институционализации стали использовать и государственные структуры, заказывая отдельным коллективам социологов исследования и обеспечивая публикации их результатов. К числу таких структур относятся службы занятости, органы управления образованием, молодежной политикой, спортом, культурой и другие.

Серьезным фактором институционализации социологии на Урале явилось издание переводных трудов, учебников и учебных по-

собий. В дальнейшем оно было сконцентрировано на работах, нацеленных на общепрофессиональную и специальную подготовку студентов-социологов. Это учебники Г. Е. Зборовского по общей социологии и истории социологии, работы Л. Н. Когана в области социологии культуры, социологии духовной жизни, Г. П. Орлова – по социологии свободного времени, Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка – по социологии молодежи, Б. С. Павлова – по социологии семьи, Е. Н. Заборовой – по социологии города, Г. Б. Кораблевой – по социологии профессий, Г. Е. Зборовского и Е. А. Шуклиной – по социологии образования, Г. Е. Зборовского и Н. Б. Костиной – по социологии управления, Е. С. Баразговой по американской социологии.

Институционализации социологии на Урале способствовала активная деятельность ее представителей в рамках Российского общества социологов и его Уральского отделения (председатель отделения – Ю. Р. Вишневецкий). Прежде всего, следует отметить, что в связи с созданием Российского общества социологов некогда единое Уральское отделение разделилось на ряд областных и республиканских отделений. Несмотря на это «отпочкование», социологами региона было принято решение сохранить Уральское отделение Российского общества социологов. Его консолидирующая роль очевидна для всех, и после того как в течение нескольких лет наблюдался «парад социологических суверенитетов», стремление к единству вновь дало о себе знать.

В Уральском регионе оно проявляет себя в виде регулярно продолжающейся практики проведения социологических чтений. В условиях перестроечного и постперестроечного периода было проведено 14 чтений (с VII по XX): VII чтения в 1989 г. (Ижевск), VIII – в 1991 г. (Челябинск), IX – в 1994 г. (Екатеринбург), X – в 1996 г. (Екатеринбург), XI – в 1998 г. (Челябинск), XII – в 2000 г. (Пермь), XIII – в 2001 г. (Екатеринбург), XIV – в 2003 г. (Тюмень), XV – в 2005 г. (Екатеринбург), XVI – в 2006 г. (Челябинск), XVII – в 2008 г. (Екатеринбург), XVIII – в 2010 г. (Челябинск), XIX – в 2013 г. (Екатеринбург), XX – в 2015 г. (Екатеринбург).

Таким образом, чтения «отметили» свой юбилей, во многом оправдав их характеристику, данную Л. Н. Коганом на X Уральских социологических чтениях: «...главной особенностью нашего Отделения стало проведение в различных городах Урала (Ижевск, Курган, Оренбург, Пермь, Свердловск, Челябинск, Уфа) социологических чтений, являвшихся своеобразным отчетом вузовских и заводских социологов Урала о проделанной ими работе. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что именно эти чтения во многом способствовали появлению дружеских профессиональных связей между уральскими социологами, пробудили у многих из них стремление к повышению своей квалификации».

В один из крупных в России регионов, где активно развивается социологическая наука и практика, за последние годы превратилась Тюменская область. Включение ее и двух автономных округов – Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого – в Уральский федеральный округ имело важное значение для расширения уральского социологического содружества и укрепления научного сотрудничества социологов Уральского федерального округа. Основными центрами развития социологии в Тюмени являются два университета – классический и нефтегазовый. С этими вузами связана деятельность социологов, которые заложили фундамент в развитие социологической науки в регионе. Это – Г. Ф. Куцев и К. Г. Барбакова.

Среди молодых и, вместе с тем, быстро развивающихся социологических центров Севера нельзя не отметить Сургутский государственный педагогический университет, где в 2014 г. началась подготовка бакалавров социологии, а теоретические и эмпирические социологические исследования осуществляются в специально созданной лаборатории под руководством В. П. Засыпкина. В качестве примера творческого содружества нужно отметить многостороннее взаимодействие социологов этого вуза с их коллегами из Уральского федерального университета, а также помощь последних, проявляющуюся и в подготовке кандидатов и докторов социологических наук, и в проведении исследований, и в осуществлении педагогического процесса.

Социологическая наука на Урале в последние 25 лет развивалась достаточно активно в целом ряде центров. В данной статье мы ограничимся указанием на основные направления исследований лишь в одном из них – Екатеринбурге – в связи с тем, что подавляющее большинство интервью, опубликованных в книге, взято у екатеринбургских социологов.

Ведущей социологической структурой в городе был и продолжает оставаться департамент (ранее факультет) политологии и социологии Уральского федерального университета (до 2010 г. – Уральского государственного университета, где вплоть до своей смерти летом 1997 г. возглавлял развитие социологической науки Л. Н. Коган). Социология на факультете была представлена рядом известных в профессиональной среде специалистов (Е. С. Баразгова, Г. Б. Кораблева, А. В. Меренков, Г. П. Орлов и др.). Необходимо также выделить кафедру социологии и социальных технологий управления Уральского федерального университета (до 2010 г. – Уральского государственного технического университета) и назвать ее ведущих и широко известных социологов – Ю. Р. Вишневого, В. Т. Шапко (умер в 2009 г.). В течение последних трех лет на этой кафедре собралась и успешно работает большая группа

исследователей, включающая представителей как молодого (П. А. Амбарова, А. П. Багирова), так и более зрелого поколений (Л. Н. Банникова, Ю. Р. Вишневецкий, Е. Н. Заборова, Г. Е. Зборовский, К. М. Ольховиков, Е. А. Шуклина).

В качестве крупных социологических структур Екатеринбурга следует назвать и другие вузы: Уральский государственный педагогический университет (Л. Я. Рубина), Уральский (ныне Российский) государственный профессионально-педагогический университет (до 2002 г. – Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, Г. Б. Кораблева, Н. Б. Костина, А. С. Ваторопин, в 2002 г. все ушли в другие вузы города), Уральский государственный экономический университет (Е. Н. Заборова – до 2010 г.), Уральская академия государственной службы, ныне Уральский институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Е. С. Баразгова, Б. Ю. Берзин, А. С. Ваторопин, Н. Б. Костина), Уральский университет инженеров железнодорожного транспорта (Н. И. Шаталова), Институт экономики УрО РАН (А. И. Кузьмин, Б. С. Павлов, А. Ф. Суховой), Гуманитарный университет (Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, А. С. Ваторопин – все до 2012 г.).

Социологические исследования ученых Екатеринбурга характеризуются большим разбросом интересов – от проблем развития социологической теории на ее различных уровнях и изучения истории классической и современной зарубежной социологии до анализа самых что ни на есть конкретных проявлений общественной жизни в экономической, социальной, политической, духовной сферах. Большое внимание уделяется социологическому анализу человека во взаимосвязи природного и социокультурного. Многие направления исследований предполагают осуществление региональных проектов по социальным проблемам перехода к рыночной экономике, различным аспектам реформирования общества (в политической сфере, в области управления, образования, снижения уровня безработицы и др.). Социологи исследуют социально-экономические условия жизнедеятельности различных групп молодежи, семей, учебной и внеучебной активности учащихся и студентов. Специально следует сказать о таком направлении исследований как изучение процессов включения молодежи в новые экономические, социальные и политические реалии, в том числе и различных форм их девиантного поведения, возможностей социальной реабилитации в связи с ним и предупреждения правонарушений.

Особое направление исследований связано со сферой образования, его различных структур, уровней, подсистем, субъектов, их взаимодействий. Постепенно определяются новые линии интересов в этой сфере – качества образования, самообразования, сравнительно недавно ставшего предметом специального социологичес-

кого исследования, потребностей в образовании различных социальных групп общества.

Особо следует отметить в качестве важного направления социологических исследований то, что екатеринбургские социологи (на кафедре социологии и социальных технологий управления УрФУ) в течение 18 последних лет осуществляли мониторинг социокультурных ориентаций студенчества города и области. По их инициативе был реализован проект федерального исследования под эгидой РОС – «Студенчество России о Великой Отечественной войне» (идуший с 2005 г. по настоящее время), в котором приняли участие социологи 11 регионов страны.

Развиваются и имеют немалые перспективы среди социологов Екатеринбурга такие отрасли социологической науки как гендерная социология, социология глобалистики, социология города, социология труда. Предметом социологических исследований являются корпоративная культура, власть и гражданское общество в России, социальное взаимодействие и социальное партнерство, формирование социальных ориентаций современного российского чиновничества. В центре внимания ряда уральских социологов – социальные общности, которые до недавнего времени не исследовались вообще. Это предприниматели, фрилансеры, менеджеры, волонтеры и др. Набирают активные темпы исследования в области социологии управления, которые еще несколько лет назад были слабо представлены в научной жизни города.

Следует отметить, что социологическая общественность России, достаточно хорошо информированная о вкладе уральской социологии в процесс развития этой науки в стране, на IV съезде Российского общества социологов (Уфа, 2012) приняла решение о проведении V Всероссийского социологического конгресса в Екатеринбурге в октябре 2016 г. на базе Уральского федерального университета.

Здесь были названы лишь основные (да и то, вероятно, не все) направления, в рамках которых в конце XX – начале XXI в. осуществляли свои исследования социологи Урала. Но даже и этот перечень показывает колоссальный научный потенциал большого отряда отечественных социологов, которому в XXI веке, без сомнения, суждено достижение новых высот. Овладение ими – задача не только старшего и среднего поколений уральских социологов, но и молодежи, получающей сегодня профессиональное социологическое образование и готовящейся занять место рядом со своими старшими товарищами и коллегами.

Б. З. Докторов

СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ: К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ БИОГРАФИИ

Настоящая статья – это продолжение рассказа моих коллег Ю. Р. Вишневого и Г. Е. Зборовского об истории уральской социологии. У нас общая главная цель – осветить развитие социологии на Урале в течение второй половины XX – начала XXI вв. Только в фокусе их анализа – прошлое и настоящее уральской социологии, а здесь – описание одного из возможных подходов к познанию этого прошлого и настоящего. Объединяет нас и общая исследовательская установка: показать, что становление науки – это всегда результат деятельности конкретных людей. Рассматриваем ли мы науку, в частности, социологию как социальный институт или как процесс рождения и трансформации идей и методов, невозможно обойти вниманием главных строителей здания науки – ученых. Конечно же, есть сферы развития любой науки, косвенно относящиеся к деятельности конкретных личностей, есть «токи», исходящие из недр общества и замыкающиеся на науку как институт. Но все равно ничто «внешнее», «далекое» не отразится в методологии социологии, в теоретических схемах, в приемах измерения и анализа данных, если оно не затронет интересов того или иного социолога или групп социологов. Социологические концепции, постановки исследовательских проблем, выводы, обобщения, практические рекомендации не являются автоматическим следствием состояния общества, эпохи, но непременно – результатом преломления социологом (профессионалом, личностью) этого общественного, социального.

В последние годы появился ряд серьезных работ историко-социологической направленности, осуществленных Г. С. Батыгиным, Г. Е. Зборовским, Б. М. Фирсовым, В. А. Ядовым и рядом других исследователей. Тем не менее, приходится учитывать тот факт, что в России лишь начинает складываться традиция анализа и изложения истории современной отечественной социологии, постепенно формируется методология, учитывающая как особенности развития самой социологии, так и специфику понимания роли лич-

ности в обществе и в развитии науки. Принимая многое из сделанного российскими учеными в плане анализа становления постхрущевской социологии, мне, однако, кажется, что в этих исследованиях слабо представлены сами создатели социологии, их жизнь и творчество. Исследователи в них присутствуют скорее как индивиды, действующие в заданных (производственных) обстоятельствах, но не как личности, профессиональное и гражданское поведение которых определено конкретными социально-политическими, идеологическими и нравственными императивами, нормами, обстоятельствами. В начале своей работы я смотрел на биографические интервью с советскими/российскими социологами как на «заготовки» для тех, кто через годы приступит к написанию «настоящей истории». Но 10 лет работы изменили мое мнение. Теперь я полагаю, что, с рядом оговорок и уточнений, воспоминания социологов, их рассказы о прожитом, о своих коллегах, учителях – это уже история социологии. Естественно, не исчерпывающая.

Ниже представлены семь текстов интервью, раскрывающих отдельные грани длительного процесса развития уральской социологии, в первую очередь, представителей Екатеринбурга (Свердловска), и знакомящих с биографиями социологов, активно участвовавших и участвующих в ее создании. Эти материалы составляют главное содержание настоящей книги. Вместе с тем, для адекватного понимания приводимой историко-социологической информации представляется оправданным дать краткий рассказ о процедуре интервьюирования и правилах перехода от собственно биографической информации к написанию, реконструкции истории уральской социологии.

Изучение биографий ученых при стремлении к воссозданию прошлого – достаточно распространенный элемент историко-научно-исследовательских исследований. Российские социологи часто обращаются к книге Г. С. Батыгина, в которой собрано 25 интервью (в некоторых случаях – автобиографические эссе) с теми, кто стоял у истоков современной российской социологии. Регулярно интервью с социологами публикуют: «Журнал социологии и социальной антропологии», «Социологический журнал», «СОЦИС», «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований».

Одним из импульсов к проведению мною интервью и было исследование Батыгина, но при всем желании я не мог следовать его схеме беседы с социологами и не мог обсудить с ним его планы по изучению содержания интервью. В проекте Батыгина ведущим методом сбора информации было личное интервью, которое проводил он сам или кто-либо из его сотрудников. Я не знаю, формулировались ли им какие-либо квалиметрические критерии для отбора респондентов, но в целом ему удалось сохранить для

истории биографические данные и «маршруты» прихода в социологию опытных и известнейших социологов, в основном москвичей. После выхода его книги в свет я несколько раз встречался с Батыгиным, с которым дружил многие годы, но его историко-биографические поиски мы не обсуждали, ибо в то время я не думал разрабатывать эту тему. А когда я начал углубляться в нее, к сожалению, Батыгина уже не стало...

Традиционно биографическую информацию собирают в ходе личного интервью, реже – методом почтового анкетирования. Осенью 2004 г., задумывая собственное исследование истории советской/российской социологии, я не мог воспользоваться этими технологиями, ибо к тому времени уже десять лет жил в Америке. Оставалось лишь попробовать общаться с моими будущими респондентами по электронной почте. Однако и мои собственные рассуждения, и мнения моих коллег были весьма пессимистичны в отношении использования такой процедуры для получения интимной, очень личной информации; такой метод интервью представлялся слишком экзотичным, не реализуемым. Не было и специальной литературы по данному вопросу, так как, скорее всего, никто из специалистов в области биографического анализа, тем более в рамках историко-научных поисков, не использовал его, ибо не оказывался в моей ситуации. Сейчас не очень верится, но десятилетие назад существовали серьезные опасения относительно того, что электронная почта хорошо освоена российскими социологами, в том числе представителями старших поколений, и возникнут препятствия для поиска респондентов. Тем не менее, итогом анализа критических аспектов и достоинств этого метода стало мое решение о начале проведения опроса. Другого варианта у меня просто не было.

При конструировании схемы биографического интервью по электронной почте я опирался на значительный собственный опыт проведения в 1970–1980-е годы в Ленинграде почтовых опросов, в которых, благодаря использованию серии приемов *персонализации обращения* к респондентам, удавалось добиваться высокого уровня возврата заполненных анкет. Кроме того, мною были изучены методы онлайн-опросов, которые в конце прошлого века начали применяться американскими полстерами и исследователями рынка. Я сразу отказался от попыток разработки жесткой анкеты и ее массовой рассылки. И даже не потому, что такая анкета не отвечала бы цели изучения столь сложного, многослойного конструкта, каким является биография ученого, но потому, что формализованное анкетирование и массовая рассылка опросного листа не соответствовали моему представлению о персонализированном обращении.

Первые интервью были проведены в 2005 г., сначала я старался спрашивать моих петербургских и московских коллег, которых знал десятилетиями. По сути то было продолжение моей неформальной переписки с друзьями, которые согласились стать моими первыми «респондентами». Наше общение было сугубо персонализированным, и позже некоторые из найденных и отшлифованных здесь приемов общения стали базовыми для становления действующей сейчас процедуры интервью.

Можно было бы описать составляющие используемой схемы проведения интервью и показать ее работоспособность при сборе биографической информации. Но отмечу лишь тот факт, что к середине апреля 2015 г. было проведено около 120 бесед с социологами. Более половины из них имеют степень доктора наук (в том числе: три академика и два члена-корреспондента РАН), треть – кандидаты наук, есть несколько опытных специалистов без степени. В совокупности этими учеными опубликовано около тысячи книг, десятки тысяч статей, под их руководством выполнены десятки докторских и сотни кандидатских диссертаций. Большая часть социологов в момент беседы с ними жила в Москве или Санкт-Петербурге, около трети – в других городах страны. Интервью проведены с учеными Дальнего Востока (Хабаровск и Комсомольск-на-Амуре), сибирскими и уральскими социологами (Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Иркутск, Красноярск), с исследователями из Поволжья (Самара и Саратов); представлен и Калининград.

Мои первые респонденты были сложившимися специалистами, принадлежность которых к социологическому сообществу не вызвала бы ни у кого и доли сомнений. Вместе с тем, продумывая организацию процесса интервьюирования, я сразу ввел три критерия для отбора респондентов. Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием оказалось наличие у потенциальных респондентов электронной почты. Некоторые из тех, с кем я тогда хотел побеседовать, не пользовались электронной почтой, но все же, как показала практика, это не был слишком жесткий критерий. В начале нового века электронная почта подавляющим числом социологов старших поколений уже была освоена.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Ведь именно они могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был принципиально расширен, я стал опрашивать значительно более молодых социологов.

Третий критерий – успешность деятельности ученых. Понятно, «успешность» – трудно формализуемая категория. В моем пони-

мании она не задается напрямую наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. д. Речь идет скорее о признании потенциального респондента профессиональным сообществом, его известности в кругу специалистов. В первые годы, зная лично многих социологов и хорошо представляя их роль в нашем сообществе, я не испытывал сложностей в поиске компетентных респондентов. Вскоре сложился круг моих консультантов, знавших лучше меня, кто из социологов активно, плодотворно работает. По сути выборка «раскручивалась» по методу «снежного кома»; в поисках респондентов я постоянно обращался (и обращаюсь) к тем, кого знаю многие годы, кому доверяю и кто, как правило, сам прошел через процедуру интервьюирования.

В 2007 г., когда количество завершенных интервью приближалось к десяти, заявила о себе задача объединения в группы, кластеры социологов, «близких» друг другу по жизненному опыту и периоду пребывания в профессиональном сообществе. Так возникло представление о *поколенческой структуре* советских/российских социологов, анализ которой позволил бы перейти от собственно биографической (т. е. индивидуальной) информации к общению историко-научно-ведческого плана. Под поколениями я стал понимать достаточно однородные по возрасту группы ученых, удовлетворяющие двум условиям: 1) первичная социализация членов одного поколения происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах и 2) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование – очевидно, оно отвечает мангеймовской традиции включать в одно поколение совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях. Это требование стало универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе проистекает из того, что в создаваемой системе *профессиональных* поколений необходимо учитывать особенности становления постхрущевской социологии в СССР и своеобразие личной деятельности ученого. Замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление (т. е. дороги в социологию) ровесников нередко проходило в различных обстоятельствах, и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Итак, поколения российских социологов – это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь было связано с определе-

нием их *хронограниц*, с нахождением их временной протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как чисто «арифметическую». Однако, это не так, профессиональные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии и соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

После долгих попыток определения хронограниц поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «Монблана» частностей – сделать все поколения *равной* продолжительности. Затем на основе ряда общих положений шкалирования и правил построения теоретико-эмпирических типологий была определена продолжительность поколенческого образования – 12 лет. Валидность этой типологии подтверждается двумя положениями. Первое, 12-летние (или подобного порядка продолжительности) поколения в структуре населения СССР/России, выделяемые по разным содержательным основаниям, достаточно распространены в социологической и демографической литературе. Второе, выделенные социологические поколения имеют достаточно простую социо-хронологическую интерпретацию. Процесс построения поколенческой стратификации и анализ ее обоснованности рассмотрены мною в ряде работ¹. Сама же схема поколений представлена в таблице 1.

Таблица 1

Лестница поколений в постхрущевской российской социологии

Поколение	Годы рождения	Социо-хронологическое название поколения
Первое	1923–1934	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	1920-е – 1934	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	Военное
Четвертое	1947–1958	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	Дети перестройки

¹ Докторов Б. З. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013; Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [Электронный ресурс]. – 4-е изд., доп. / ред.-сост. А. Н. Алексеев; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – М. : ЦСПиМ, 2014. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>

Я счел необходимым привести хотя бы краткое описание типологии поколений советских/российских социологов, потому что она лежит в основании структуры данной книги, в опоре на нее упорядочены приводимые здесь биографические материалы: эссе Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского и В. Т. Шапка о Л. Н. Когане, а также проведенные мною интервью.

Лев Наумович Коган (1923–1997) и по году рождения, и по обстоятельствам вхождения в советскую/российскую социологию принадлежит к узкой группе ее создателей. Доминантной функцией деятельности представителей *первого поколения* отечественных социологов было конституирование социологии как самостоятельной науки. Вклад Когана в решение этой задачи неоспорим, и он же заслуженно признается одним из основателей уральской школы социологии. Это зафиксировано во вводной статье, и это четко обозначено в воспоминаниях его младших коллег, учеников, последователей.

На год младше Л. Н. Когана был Фридрих Рафаилович Филиппов (1924–1990), который, по воспоминаниям его сына, учился в одной школе с Коганом. Ф. Р. Филиппов участвовал в войне, закончил исторический факультет Уральского госуниверситета и долгие годы работал в Нижнем Тагиле в системе школьного образования. В 1963 г. он защитил кандидатскую диссертацию по проблемам образования и после этого стал заниматься социологическими исследованиями. На его формирование как ученого большое влияние оказал один из создателей уральской социологии М. Н. Руткевич.

Путь в социологию Филиппова типичен для представителей *второго поколения* социологов. Хотя они – одного возраста с учеными «первого призыва», но в силу жизненных обстоятельств пришли в социологию несколько позже этой когорты ученых и стали их первыми учениками. Главная функция второго поколения – расширение предметного поля социологических исследований. И в этом плане биография Филиппова типична для социологов его профессионального поколения.

Парадоксальность возрастной неразделимости социологов двух первых поколений – это следствие того, что долгие годы в СССР социология была вне закона. Все следующие профессиональные поколения четко разделяются на временной оси.

Юрий Рудольфович Вишневецкий и Гарольд Ефимович Зборовский – представители старшей части социологов *третьего поколения*. Они – ровесники, и их движение в социологию во многом сходно. Оба – историки по базовому образованию, оба учительствовали в школе, обоим нравилась их работа, при этом они испытывали интерес к науке. Становление обоих происходило, прежде

всего, в поле влияния Л. Н. Когана. В силу понятных причин социологов первых двух поколений было мало, третья когорта – более многочисленная, и поэтому пути представителей этой группы в социологии весьма различны. Так получилось, что на протяжении длительного промежутка времени моими собеседниками были московские и петербургские социологи этой когорты, работавшие в основном в академических институтах. Вишневский и Зборовский всегда совмещали и совмещают преподавательскую и исследовательскую работу, и это во многом отличает их от чисто академических ученых. Прежде всего, я имею в виду их высокую включенность в подготовку кадров. Знакомство с их биографиями, во-первых, дает мне основания относить их к создателям уральской школы социологов и, во-вторых, открыло мне новое лицо третьей профессиональной-возрастной когорты. До бесед с ними оно не было мне известно.

Четвертое поколение социологов представлено здесь лишь Галиной Борисовной Кораблевой; эту когорту я изучаю давно, и в моем архиве интервью эта группа – самая наполненная: 26 человек. Кораблева училась на философском факультете Уральского государственного университета, когда деканом был Руткевич, а с социологией студентов знакомил Коган. Затем она работала под руководством Вишневского и Когана, ее научным консультантом по докторской диссертации был Зборовский. Кораблева формировалась в рамках традиций екатеринбургской научной школы и продолжает их. И в этом плане ее деятельность в полной мере отвечает доминантной функции четвертого поколения – сохранять достигнутое и испытывать новое.

Ознакомление с биографиями Вишневского, Зборовского, Когана, Кораблевой и Филиппова помогает узнать прошлое-настоящее уральской социологической школы, следующие три интервью – это уже и шаг в будущее.

Полина Анатольевна Амбарова, Анна Петровна Багирова и Владислав Павлович Засыпкин представляют *шестое* поколение отечественных социологов. У них впереди еще десятилетия исследовательской и педагогической деятельности, им предстоит участвовать в определении характера постсоветской российской социологии и в подготовке социологов XXI в.

Восемь биографий социологов, причастных к созданию и развитию уральской социологии, в принципе не способны дать достаточно представительной картины ее прошлого и настоящего. Но это лишь начало погружения в столь сложную, многоаспектную тематику.

Каждое биографическое интервью содержит информацию о личности социолога, о его пути в социологию и о его вкладе в социологическую науку.

Беседы с социологами одного поколения в совокупности позволяют понять научные приоритеты этой страты нашего профессионального сообщества и определить его функции в развитии социологической науки. Тема функций социологических поколений, их ролей в развитии науки стала обсуждаться мною в 2010 г., но тогда в поле анализа находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений, а количество опрошенных не достигало и полусотни. Сейчас накоплен биографический материал о социологах семи поколений, и после уточнения функций каждого из них *функциональный анализ* может стать главным инструментом изучения истории советской/российской социологии. В этом случае история социологии должна трактоваться как система знаний о механизмах формирования доминирующих функций деятельности поколений, о смене поколений и динамике функций.

Целенаправленное изучение истории уральской социологической школы, одной из старейших и известных в России, может дать богатейший материал не только для анализа функционирования региональных социологических структур, но также для создания всеохватывающей истории советской/российской социологии.

Ю. Р. Вишневский,
Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко

Л. Н. КОГАН – ОСНОВАТЕЛЬ УРАЛЬСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Трудно переоценить роль Льва Наумовича Когана в развитии отечественной социологии в целом, уральской социологии в особенности. Если считать датой второго рождения уральской социологии конец 1950-х – начало 1960-х гг., то без малого 40 лет, вплоть до своей смерти в 1997 г. он находился у ее «руля». Сначала зарождение, потом «детство», взросление, быстрый рост, выход на передовые рубежи отечественной социологической науки и практики – все эти этапы уральская социология проходила вместе с Л. Н. Коганом и под его руководством. Организация и проведение первых эмпирических исследований, создание социологических академических структур, возникновение заводской социологии, громадная армия учеников, новые кафедры, формирование творческих научных коллективов, многочисленные конференции, семинары, симпозиумы, наконец, уникальное творение Л. Н. Когана, предмет его бесконечной гордости – Уральские социологические чтения – вот далеко не полный перечень того, что делалось им в течение 1960–1990-х гг.

Жанр этой книги, где представлены интервью уральских социологов, требует восполнить естественный недостаток – отсутствие интервью с Л. Н. Коганом, кратким рассказом о его жизни и деятельности, составленном на основании воспоминаний о нем жены З. Н. Шукстовой, его учеников, друзей, соратников. Как писала Зинаида Николаевна, самый верный друг всей его жизни, «к Л. Н. приложимы известные слова: “Ненавижу всяческую мертвечину, обожаю всяческую жизнь!” Л. Н. был очень разным – серьезным, глубоким, но и легкомысленным. Самое главное – с ним никогда не было скучно». Во многом Л. Н. воспитала семья его родителей. Родители – крупные медики – много работали, были заняты с утра до вечера. Отец уделял большую часть свободного времени чтению, сформировав эту привычку у сына-школьника. В 1929 г. семья получила большую, просторную квартиру, в которой Л. Н. прожил без малого 70 лет. Главной мебелью в квартире были книжные шкафы и полки.

Сам Л. Н. с детства обладал мощным лидерским началом, организаторским талантом. Во многом сказалось влияние матери – известнейшего детского врача в городе. Он был одним из самых активных мальчиков в школе, всегда был в кругу друзей, товарищей, много времени уделял художественной самодеятельности, общественной работе. Интерес к литературе и театру Л. Н. воспринял от отца. Они не пропускали ни одной премьеры в драмтеатре. Любовь к искусству, поэзии, театру сохранилась у Л. Н. на всю жизнь.

Он получил хорошее историческое образование в Уральском государственном университете, где слушал прекрасных лекторов (Н. П. Руткевича, Н. Е. Застенкера и др.). Учиться у кого было. А осенью 1949 г. в Свердловск, в Уральский госуниверситет приехал заведовать кафедрой М. Т. Иовчук (в этой должности он проработал 4 года, потом вернулся в Москву). У них с Л. Н. Коганом была настоящая дружба, может быть, даже взаимная любовь. Эта дружба продолжалась с 1949 г. до 1990 г., когда Иовчук умер. Л. Н. полагал, что начало социологии на Урале следует связывать с именем М. Т. Иовчука. Важно отметить, что Л. Н. считал Иовчука своим единственным учителем. Вместе с тем, он прекрасно видел всю противоречивость его личности и писал о нем как о драматической фигуре. Он характеризовал Иовчука как человека поистине феноменального трудолюбия, хотя эти слова в такой же, а может быть, и в большей степени могли бы быть отнесены к нему самому.

Особое место в жизни Л. Н. занимало общение с искусством и деятелями искусства – актерами, режиссерами, художниками. Со многими из них он дружил, причем не только с теми, кто жил и работал в городе, но и с московскими и ленинградскими «людьми». Часто они бывали в доме Л. Н., когда приезжали на гастроли со своими театрами (С. Юрский, И. Смоктуновский и др.). На их спектакли он писал рецензии – как в местной, так и в центральной печати. Л. Н. безумно любил спектакли БДТ, он часто бывал в Ленинграде, где жила с семьей его старшая дочь Татьяна (младший сын Евгений с семьей жил всю жизнь с родителями в одной квартире). Л. Н. бесконечно любил поездки и путешествия, причем лучшего экскурсовода, чем он, найти было невозможно. Каждый, кому хоть раз удавалось побывать с ним в поездках, получал от такого общения непередаваемые ощущения.

В памяти тех, кто жил и работал рядом с ним – его многочисленных учеников, друзей, коллег – он остался абсолютно неординарным человеком. Мы бы рискнули даже сказать – «сверхчеловеком», этаким «глыбой». Он был крупным мужчиной, но не только, и даже не столько физически. Главным был его интеллект и фантастический талант ученого, педагога, человека. Не случайно его называли энциклопедистом. Сколько наук – социология, философия,

культурология, политология, этика, эстетика, журналистика и театроведение – по праву считали и считают его своим! И насколько широк диапазон его научных интересов и публикаций!

Опираясь на разнообразные исследования политической, художественной, экономической культуры, культуры производства, Л. Н. Коган писал о красоте труда и подъеме культурно-технического уровня советского рабочего класса. В последние годы жизни из-под его пера вышли философско-обобщающие книги о судьбе, цели и смысле бытия, преходящем и непреходящем в жизни человека, о зле, серьезной и веселой философии, философии Шекспира.

Но главное, почему он воспринимается как «человек эпохи Возрождения» в советские времена, – это даже не многообразие его талантов и научных интересов, а гуманизм, человечность. Первая и самая важная его ипостась – быть Человеком, Личностью. И хотя сам себя он никогда не считал гармоничной личностью, самокритично осознавая свои недостатки, он был Личностью, сложной, противоречивой, но, несомненно, харизматической.

Проблематика личности, ее развития, наряду с проблематикой культуры, была важнейшей и, можно сказать, любимой в творчестве Л. Н. Когана. Об этом свидетельствуют посвященные данной проблеме его многочисленные публикации. В наиболее обобщенной и концентрированной форме проблемы развития личности в различных аспектах рассмотрены им в фундаментальной монографии «Цель и смысл жизни человека» (1984). В ней он разрабатывает категорию «сущностные силы человека». Использование именно ее существенно обогатило анализ развития личности: «Сущностные силы человека формируются, реализуются и развиваются только в процессе практической деятельности. Развивая и опредмечивая их, человек тем самым «творит» самого себя. Социальные силы человека поистине универсальны: они обеспечивают власть человека над стихийными силами природы и общественного процесса, их развитию нет пределов и границ. Социальные (сущностные) силы личности не тождественны ее сущности, они есть деятельное проявление этой сущности – совокупности общественных отношений. Их нельзя отождествлять с деятельностью людей, поскольку они характеризуют возможность осуществления такой деятельности»².

С проблемой личности в творчестве Л. Н. Когана оказалась тесно связанной и не менее глубоко и широко исследованной проблема культуры. Особенность его творчества в сфере ее изучения состояла в том, что он стремился в анализе культуры органично соединить два подхода – социологический и культурологический.

² Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. – М., 1984. – С. 20.

И, хотя он не использовал термин «социокультурный подход», связь названных выше подходов в исследовании конкретных проблем культуры была очевидной.

Во многих работах в рамках анализа культуры он обращается к рассмотрению функций культуры как социального института. Одна из его любимых тем, которая, что называется, «красной нитью» проходит через многие работы Л. Н. Когана, – человекотворчество как главная функция культуры. А отсюда выход на рассмотрение культуры как важнейшего механизма социализации индивида, личности. Чрезвычайно плодотворным представляется понимание культуры как мира социального опыта, социальной памяти.

Исследование личности и культуры не могло не вывести Л. Н. Когана на целый блок проблем, связанных с творчеством. Главным и определяющим в его подходе был акцент на то, что критерием творчества, его масштабов и эффективности являются не только и не столько ценности и достижения культуры, но и степень развития творческого потенциала человека – субъекта творчества. Центр тяжести в исследовании творчества тем самым переносится на человека, его способности и потребности, их реализацию в самом творческом процессе.

Постепенно складывается и утверждается качественно новый подход к культуре – деятельностный. В рамках его культура стала рассматриваться как мера (степень) реализации сущностных сил человека в процессе его деятельности. Это позволило по-новому подойти к пониманию структуры культуры. В ней стали выделяться и изучаться (в том числе и многочисленными учениками Л. Н. Когана) такие ее компоненты, как духовное производство, духовное потребление, духовное распределение.

Своеобразным синтезом размышлений Л. Н. Когана о развитии личности и культуры является идея о том, что с первых лет сознательной жизни человека формирование его личностных качеств связано с освоением им определенной системы культуры. Человек одновременно и субъект, и объект культуры. Именно благодаря овладению культурой развиваются сущностные силы личности. Сама неповторимость личности является следствием активного освоения культуры. Отсюда очевидно, что о культуре личности правильно судить не столько по культурному багажу, сколько по ее реальной социальной деятельности и поведению, по полноте самореализации сущностных сил человека.

Л. Н. Коган является одним из основателей отечественной социологии образования. Его вклад в ее развитие определяется, во-первых, собственной теоретической разработкой ученого этой отрасли социологической науки, во-вторых, богатейшими эмпирическими исследованиями образования, выполненными под его ру-

ководством. Несмотря на то, что он не оставил после себя отдельных книг, непосредственно посвященных социологии образования, большое количество статей и специальные работы по теории и социологии культуры не оставляют сомнения в постоянном внимании и не ослабевавшем научном интересе к образованию на протяжении последних трех десятилетий его жизни и творчества (1967–1997). Особенное значение в этом плане приобретает глава седьмая его работы «Социология культуры» (Екатеринбург, 1992), имеющая название «Социология культуры и социология образования». Ее объем – всего 11 страниц, но зато каких! Без всякого преувеличения можно утверждать, что по постановке проблем, способу их анализа и предлагаемому решению это краткий конспект, тезисное изложение большой и серьезной книги по социологии образования.

Он сформулировал пять основных вопросов, на которые должна дать ответ социология образования. Самое любопытное состоит в том, что они, эти вопросы и проблемы, по-прежнему остаются такими же важными, как и четверть века назад. Вот они: 1) в какой мере существующая система образования удовлетворяет общественные потребности в образованных, подготовленных людях, в том числе в специалистах в разных отраслях народного хозяйства; 2) в какой степени эта система удовлетворяет потребности и интересы самих обучающихся; 3) что является стимулом образования: практические, инструментальные нужды или же превращение потребности в знаниях в самоцель личности; 4) влияние образования на все системы общественной жизни; 5) перспективы и тенденции развития образования, пути достижения оптимальной взаимосвязи всех элементов этой системы.

Существенно обогатилось и исследование традиционно выделявшихся компонентов культуры – ценностей художественной культуры, образования. В рамках нового понимания культуры особенно стало подчеркиваться, что чтение научной или художественной литературы, восприятие музыки, театрального спектакля или фильма – тоже творчество. Проводившиеся под руководством Л. Н. Когана эмпирические социологические исследования читательской и театральной, кино- и телеаудитории, художественной самодеятельности были нацелены на то, чтобы выявить и зафиксировать, каким сложным и противоречивым (и одновременно каким важным для культурного развития человека) является это творчество. Тем самым эти исследования, как и многие другие его теоретические изыскания, имели огромное практическое значение.

Еще об одном важном аспекте разработки Л. Н. Коганом нового подхода к теории культуры хотелось бы сказать. Она, как и

все, что он делал, не проходила кулуарно – в тиши кабинетной работы над очередной книгой или статьей. Сформулированные идеи широко обсуждались им со своими учениками, аспирантами, студентами, с участниками разнообразных научно-практических конференций, семинаров, симпозиумов. Все они как бы вовлекались в сотворчество – в разработку новой теории, в обоснование новой концепции. И это было весьма поучительно. Именно с такого сотворчества начиналось его интеллектуальное воздействие на коллег, на всех, кто с ним работал и общался.

Вообще же он, как магнит, притягивал к себе людей, всегда был душой любой компании – научной, творческой, дружеской. Без преувеличения можно сказать: он слыл фигурой легендарной. Его знали или хотя бы слышали о нем многие не только в Свердловске, но и далеко за его пределами. Каждый из нас, бывая в командировках, в первую очередь сталкивался с вопросом о том, как поживает Коган.

Если бы Лев Наумович не стал ученым, то он, говоря его собственными словами, «самореализовался» бы в художественном творчестве. Причем и здесь поражает широта и яркость поэтического дара, сочетание легкости (сколько его стихов, дружеских эпиграмм, шаржей писалось быстро, на первых попавшихся под руку бумажках, салфетках и т. д.) и необычайной глубины, строгой аналитичности.

Артистизм пронизывал и его научное творчество. Поражала и поражает его способность импровизировать, «фонтанировать» разнообразными (чаще всего нетривиальными) идеями и та щедрость, с которой он делился (а порой разбрасывался) этими идеями. Он был подлинно артистической натурой, даже в науке. Его привлекал процесс творчества, создания и придумывания научных идей. А ремесленная часть – доведение той или иной идеи до требуемых кондиций, ее детальная разработка, что составляет значительную долю научной деятельности, – ему нередко была скучна и неинтересна. При этом в нем парадоксальным образом сочетались блестящая легкость, полет научной фантазии и фундаментальность, даже педантичность, в работе с книгами, текстами, материалами. Его многочисленные тетради с конспектами и комментариями по поводу прочитанного, написанные мелким, четким, специфическим, узнаваемым «когановским» почерком, и сегодня могут быть образцом для молодых ученых.

Память о крупном ученом не может и не должна ограничиваться признанием его заслуг перед отечественной и мировой наукой. Не менее важно и то, как живут, развиваются, обогащаются, углубляются его идеи в творчестве многочисленных учеников, друзей, коллег. Причем происходит кумулятивный эффект: сколько но-

вых кандидатов и докторов наук сегодня подготовлено под руководством тех 180 кандидатов и 20 докторов наук, чьим руководителем официально был Лев Наумович Коган! А тех, кому он так или иначе помогал в научном росте, вообще невозможно подсчитать. И в этом – еще одна грань таланта Когана – Ученого и Педагога. Многие годы он был поистине кумиром студенческой и научной молодежи. Его отзывчивость сочеталась с требовательностью. Отличаясь удивительной работоспособностью, он и от других ждал полной самоотдачи и не желал входить ни в какие обстоятельства. Важная грань деятельности Когана – его роль как организатора науки.

Лев Наумович был и продолжает оставаться легендой университета. Он проработал в нем всю жизнь, лишь на несколько лет, временно переходил на работу в Уральское отделение АН СССР. Он был и остался культовым персонажем, факультетским божеством. «Бандерлоги», «кандибоберы» и «обезьяны вы недовоспитанные» (так Л. Н. обращался к студентам) обожали его и взаимно награждали прозвищами: «Лев-себе-на-умович», «Вещь вне себя» (обыгрывая философское понятие «вещь в себе» и характеризуя страшного во гневе Когана). Его байки, притчи (устные рассказы) и университетские легенды хранятся в видеозаписях и продолжают ходить по университету.

Нельзя сказать, что Льву Наумовичу удалось избежать влияния и воздействия стереотипов своего времени. Но сегодня на это можно посмотреть и иначе. Разве идея единства труда и красоты (и это в условиях господства рутинного, неквалифицированного труда) не обосновывала необходимость качественных изменений в сфере труда? Разве уже в те годы она не была созвучна размышлениям зарубежных философов и социологов о «гуманизации технологий»? Не так ли идеи о культуре как о мере реализации существенных сил человека противоречили официальным представлениям о ней как о сумме ценностей, богатств, которые человек должен усвоить? Вспомним о статье «Не хочу быть объектом!», раскрывавшей основной порок тогдашней системы коммунистического воспитания. А разве можно обойти его «широкий» подход к культуре, во многом содействовавший выходу отечественной культурологии и социологии культуры за узкие рамки духовной культуры, переходу к исследованиям материальной культуры, культуры производства, политической культуры?

Своеобразным ключом к пониманию сложности и противоречивости гуманистической ориентации социолога, философа и культуролога Л. Н. Когана в условиях тоталитарного и авторитарного общества могут, на наш взгляд, служить размышления известного польского социального мыслителя А. Шаффа: «Когда сегодня я

критикую некоторые аспекты коммунизма, то делаю это не как его враг. Я вовсе не отрекаюсь ни от своих коммунистических корней, ни от своего понимания глубинного содержания коммунизма. Я иду на это как человек, который сожалеет о допущенных извращениях и о понесенном в результате этого поражении. Моя критика – это критика сторонника идеалов демократического социализма. Подвергая критике движение, ставшее колыбелью моих идей, не собираюсь зачеркивать того, что было в нем справедливого, героического и даже прекрасного»³.

Прошедшие после ухода Льва Наумовича Когана годы показали, что многие его идеи и научные работы по-прежнему актуальны и продуктивны: они порождают желание продолжить научный поиск, пойти дальше по очерченному Коганом пути. Небезынтересно отметить, что во всех без исключения интервью ныне живущих и работающих уральских социологов, приведенных в этой книге, он предстает как Ученый, Учитель, Человек.

В конце нашего очерка не можем не привести мнений о Льве Наумовиче некоторых его друзей. В своих воспоминаниях о нем профессор Г. П. Орлов писал, что обнаруживаются хронологические сопоставления, исторические сравнения. Они порой удивительны. 20 марта родился Л. Н. 20 марта родился Н. В. Гоголь, сказавший «Мелкого не хочется, великое не выдумывается». 20 марта родились С. В. Рахманинов и С. Т. Рихтер – значит, шутил Л. Н., это день «музыки жизни». 20 марта совершил свой подвиг Иван Сусанин... Лев Наумович хорошо знал, кто родился в «его» день рождения, и неоднократно шутил по этому поводу. Он шутил очень часто, и по многим поводам. У немногих людей было так развито чувство юмора, как у него. А юмор – это одно из высших проявлений ума, которого у него была «не одна палата».

Но перед уходом из жизни он не шутил. Он понимал, что тяжело болен, хотя, видимо, надеялся... За две недели до смерти он попросил одного из авторов этого очерка переслать короткое письмо меццо Г. С. Батыгину, главному редактору «Социологического журнала», написанное тут же им уже не знаменитым «ровным коганским почерком», а корявыми, расплывающимися буквами и словами. В нем, в частности, было написано: «Я тяжело болен, но ум все еще ясный. Заказывайте мне статьи».

15 июля Л. Н. ушел из жизни. В этот же день скончались великий князь Владимир Святославович – Креститель Руси, историк и философ Василий Татищев, поэт Федор Тютчев... 15 июля был убит на дуэли Михаил Лермонтов. Но этого хронологического совпадения Льву Наумовичу знать было уже не суждено.

³ Шафф А. Мой XX век // Свободная мысль. – 1994. – № 5. – С. 7.

В одном из своих стихотворений Ф. Тютчев писал:

«О, великая душа моя!
О, сердце полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия».

Вот это «чувство пропасти», на краю которой находится каждый человек в каждое мгновение своего бытия, придавало жизни Л. Н. головокружительную остроту.

Лев Наумович всегда будет с нами – и до нашего «конца». А конец, как известно, это всегда что-то начало.

**А. Ф. Филиппов рассказывает
об отце – Ф. Р. Филиппове**

ОН ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ XIX В., ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОГРЕССИЗМА

Саша, я Вам весьма благодарен за согласие рассказать о Вашем отце – Фридрихе Рафаиловиче Филиппове. Он активно и плодотворно работал в разных направлениях социологии, им много опубликовано, но биографической информации о нем крайне мало. В сентябре этого года исполняется 90 лет со дня его рождения, и у нас есть прекрасный повод поговорить о нем. Замечу сразу, я понимаю, насколько сложно рассказывать о жизни и исследованиях отца... и в информационно-фактологическом плане, и в этическом отношении... но стараемся.

Прежде всего, что Вы знаете о его родительской семье, он родился на Урале или судьба забросила его туда? И какова история его нечастого в России имени?

Отец, Фридрих Рафаилович Филиппов, оказался на Урале в результате типичной для того времени истории. Но есть еще и предыстория! Пару лет назад меня разыскал дальний родственник с Украины, увлекшийся составлением генеалогий. Совместными усилиями нам, кажется, удалось идентифицировать фотографию благообразного старца, которая досталась мне в наследство без подписи и комментариев. Это мой прадед, Зейлик (Захар Ефимович) Лящ. Его дочь, моя бабушка, родилась в Николаеве, но выросла в Одессе, и я до сих пор, примерно, могу показать двухэтажный дом с балконом на задах оперного театра (одесситы называют этот садик «Пале-Рояль»), где она, по словам отца, прожила первые годы. Впрочем, мои воспоминания о воспоминаниях отца – не очень достоверный источник, и кое-что не сходится. Я помню, что бабушка рано осиротела. Она осталась без матери еще младенцем, а потом, лет через десять, и без отца. Что-то не до конца ясно с ее происхождением: про ее мать, кроме имени, неизвестно ничего. Прадед Захар прожил почти всю жизнь в Ни-

колаеве, там же и умер в 1910 г. Он был богат, держал *хлебную ссылку* и сотрудничал с крупной немецкой фирмой, торговавшей зерном, был несколько раз женат, и младшие сестры бабушки учились в гимназии. А вот она настоящего образования не получила, закончила Фрѐбелевские курсы (названные так по имени немца-педагога), которые готовили воспитательниц для платных детских садов и домашних воспитательниц для маленьких детей в богатых семьях. На семейном сайте есть воспоминания о ней, пожилая родственница говорит, что бабушка работала в Днепропетровске экономистом, но это сомнительно, вряд ли она годилась на что-то большее, чем делопроизводство. Зато она была красавица и вообще, как мне кажется, *барыня*.

Ее муж, мой дед, происходил из совершенно иного круга. Документальных подтверждений у меня нет, и найти я ничего не смог, но рассказы отца, в двух словах, сводились к тому, что дед, Рафаил Посецельский, родился в семье рабочего-печатника. В сети я нашел биографию его младшего брата, так что предполагаю, что вначале они жили в Березовке (Ново-Александровке) под Одессой. Учился он, видимо, в реальной школе и учился настолько хорошо, что попал в какую-то, кажется, пятипроцентную квоту для евреев в Одесском Политехническом институте. Там дед проучился совсем недолго, не больше года. Началась гражданская война. Прадед, тот самый рабочий-печатник, говорил отец, участвовал в революционном движении, после революции 1905 г. был сослан, а в 1918 г. стал членом Одесского ревкома. Его казнили петлюровцы, дед вступил в партию в 1919 г., был комиссаром продотряда и после войны двигался по партийной лестнице. В детстве я очень гордился такой революционной биографией деда, а теперь рассказываю об этом безо всякого удовольствия, но что было, то было. Никаких свидетельств его деятельности я найти не смог, только несколько официальных документов, вроде пропуска на один из съездов Советов или направления в отпуск в 1926 г. в связи с нервным истощением. Недавно я нашел его детскую фотографию, он в форме реального училища, самый маленький среди товарищей. В 70-е гг. одна родственница пересылала нам групповую фотокарточку, которую я неумело скопировал, на ней дед с маузером, маленькими чаплинскими усиками и какими-то, как мне всегда казалось, бешеными глазами. Когда и как прадед Фишель превратился в Филиппа, я не знаю, но брат и сестра деда по отчеству Филипповичи, правда, лишь он один переименовал также и фамилию и стал Филипповым.

Отец мой родился 28 сентября 1924 года в Одессе. По семейному преданию, два месяца имени у младенца не было, а 28 ноября – день рождения Фридриха Энгельса, так что называли его по революционным святцам. Отец в детстве дружил с двою-

родным братом двумя годами моложе его, и звали мальчика тоже Фридрих. Рафаила Филиппова направляли в разные города, я запомнил Харьков и Днепропетровск, где он занимал в обкоме партии приравненную к секретарской должность заведующего отделом. Я много лет пытаюсь найти хоть какие-то упоминания о нем, но нет практически ничего – ни хорошего, ни дурного, словно бы и не было такого человека. О младшем его брате, Леониде Филипповиче Посецельском, можно прочитать, что он был моряком и директором Мурманской судоверфи, младшая сестра, Елизавета, стала инженером-гидрографом (ее сын, известный искусствовед Вадим Знаменов, был хранителем Петергофского музея), а вот здесь – полный провал. Родственница, о которой я упомянул, рассказывает, как в 1934 или 1935 гг. побывала с матерью в гостях у Филипповых в Днепропетровске. Ей запомнилось благополучие, из поездки они привезли продукты, а еще Рафаил подарил им талон на покупки в книжном магазине. За 15 рублей они купили две книги и глобус. Отцу тогда сравнивать свое необычное благополучие было не с чем. Из его рассказов я помню, что квартира была служебная, еда простая, мебель с инвентарными номерами, библиотека, которая пополнялась по списку хорошими изданиями, вроде знаменитой «Academia», абонемент в театр и «партмаксимум» – предельный оклад для номенклатуры на разных должностях. Дед много курил (и однажды взял с отца обещание не курить до 40 лет), много играл по ночам в карты и, несмотря на боевое прошлое, падал в обморок в зубоврачебном кресле. Отец говорил мне, что ему помнится, будто видел он однажды Бухарина и что за бабушкой на каком-то курорте пытался ухаживать Тухачевский. Наверное, надо было более настойчиво выпросить его о быте средней номенклатуры, но, к сожалению, я не догадался. Да и воспоминания эти ценны не сами по себе. Я думаю, что история и семейная история были для него в некотором роде одно, он сформировался именно таким, каким я его знал, в событиях большой истории, близко затронувших его лично.

Скорее всего, одним из тех, кто двигал Рафаила Филиппова по карьерной лестнице, был известный партийный деятель той эпохи Мендель Хатаевич. Хатаевич погиб в 1937 г., дед был расстрелян за несколько месяцев до того. Есть опубликованное письмо Сталину от обиженного партийца, в котором тот говорит, что Хатаевич привез с собой в Днепропетровск несколько функционеров, которые потом оказались врагами народа, среди них назван и Р. Ф. Филиппов. Сталин наложил резолюцию «разобраться», видимо, это была большая интрига. Тут не сходятся воспоминания отца и документальное свидетельство, которое мне удалось откопать. Отец говорил, что в 1937 г. деда перевели на работу в Киев, в Наркомат сельского

хозяйства, начальником зернового управления (как раз в начале года Хатаевич стал вторым секретарем ЦК компартии Украины). На этой должности он пробыл пару месяцев, потом его направили в командировку в Харьков и там арестовали. Незадолго до того он получил телеграмму от Ежова с предложением сотрудничества и, видимо, повышения. Теперь известно, что это входило в обычную технологию подготовки ареста, как, в общем, ясно и то, что он попал под общий каток чистки партийных кадров и, скорее всего, не представлял другого интереса, кроме как для того, чтобы ликвидировать Хатаевича. Могу предположить, хотя дома мы этого не касались, что получил он те самые пресловутые «десять лет без права переписки», потому что еще после войны отец надеялся увидеть его живым, а в справке о реабилитации говорится «умер в заключении в 1939 г.». Догадывался ли отец, что эта справка – тоже филькина грамота, я не знаю. Но в публикациях «расстрельных списков» «Мемориала» есть однозначное указание: Р. Ф. Филиппов проходил по делу так называемого «параллельного центра», попал в списки первой категории и был расстрелян еще в конце августа 1937 г. Нестыковка состоит в том, что, по воспоминаниям отца, дела происходили в Киеве, а публикация «Мемориала» показывает Днепропетровск. К этому же времени относится эпизод, который я много раз продумывал и значение которого пытаюсь осмыслить до сих пор. Когда деда арестовали, бабушка зачем-то поехала в Днепропетровск, почему-то именно там надеясь найти поддержку или какие-то документы. Впрочем, быть может, его как раз отвезли в Днепропетровск, и она пыталась увидеться с ним? Или что-то ему отвезти?

Так или иначе, не преуспев, она возвращалась в Киев, при этом чудом села на уходивший глубокой ночью поезд. Той же ночью в Днепропетровске арестовали всех жен проходивших по этому процессу функционеров. Она спаслась и вскоре перебралась обратно в Одессу. Но и там становилось беспокойно. Она уехала с Украины на Урал в Свердловск, где, если не путаю, жила ее родная сестра. Ее оставили в покое, перед войной она снова вышла замуж. Конечно, из виду ее не потеряли. Есть следственная анкета ее брата, военного летчика (того самого, чей сын был тоже Фридрих). Его арестовали в 1938 г., местом проживания бабушки назван Свердловск. Он, кстати говоря, уцелел, вышел живым из заключения после войны и скоро умер. Ближайшие родственники деда не пострадали, но затаились от ужаса и дали знать о себе только в 60-е годы. Родители говорили о том, как они предлагали им помощь в это время – когда никакая помощь была уже не нужна. Отношения с ними, впрочем, были хорошие.

До ареста деда отец получал «барское» воспитание: его учили музыке и, если не ошибаюсь, приватно, дополнительно к школьным занятиям, немецкому языку. Он даже и в зрелые годы помнил немецкий и немного обижался, когда я, с моей спецшколой за плечами, находил ошибки в его письмах. В Свердловске жизнь переменялась, он помогал матери подрабатывать перепечаткой на машинке и с тех пор не доверял машинисткам, печатал все сам, неправильно (четырьмя пальцами), но быстро и очень грамотно. Несмотря на все трудности, он учился очень хорошо, интересовался историей дипломатии, любил музыку. Чуть ли не единственный эпизод его школьного детства, который я помню, – это рассказ о том, как они с другом достали ноты «Евгения Онегина» и, сидя в школе под лестницей, распевали на два голоса. В той же школе, кажется, классом старше, учился Лев Наумович Коган, впоследствии известный социолог. Его все помнят блестящим, искрящимся человеком. Таким он был и в школьные годы. Школу отец окончил с так называемым «Сталинским аттестатом», что заменяло медаль, его сочинение об историческом значении открытия Америки Колумбом заняло первое место в городском конкурсе, он готовился к поступлению в университет, но тут началась война. Ему было неполных 17 лет. Он пошел поступать в университет и его не приняли. Я нашел ответ из приемной комиссии: оказывается, отец не попал в квоту для отличников! В армию его не призывали по возрасту, да и зрение было откровенно плохим. Он пошел работать на завод, учеником токаря, а потом все-таки оказался в Уральском университете на историко-филологическом факультете. Видимо, либо места появились в связи с войной, либо помог хотя бы небольшой рабочий стаж. От работы на заводе осталось важное свидетельство солидарности: как-то ему случилось потерять продуктовые карточки в начале месяца, на помощь пришли товарищи по цеху.

В 1943 г. его призвали в армию с третьего курса, на военной фотографии этого года он без очков, но страшно косит одним глазом. Это, впрочем, уже не было помехой, один глаз видел плохо, зато другой прилично, без очков. Очки появились позже. У него был хороший слух, что и определило военную специальность. Он служил радистом, потом начальником радиостанции в дивизии ПВО. В партию он тоже вступил в армии, по-моему, в самом конце войны, пришел из армии кандидатом, а членом партии стал уже в университете. Дивизия, в которой он служил, вошла в Резерв Главного командования, стояла сначала под Москвой, в Зюзино, а потом ее перебросили в Крым. Впоследствии оказалось, что они с воздуха прикрывали Ялтинскую конференцию. В точном смысле слова отец не воевал; когда в поздние брежневские времена стали проявлять демонстративную заботу о ветеранах, ему разъяснили, что вете-

раном войны ему считать себя не положено. Впрочем, он и раньше говорил, вспоминая об однокурсниках, вернувшихся с фронта, что не может себя с ними равнять. И все-таки война есть война. Однажды отца чуть не накрыло осколком случайно разорвавшейся мины, пробившим крышу землянки за мгновение перед тем, как он вошел. Под конец войны его дивизию разделили на два полка, один отправили в Югославию, и там он погиб весь, а вот отец выжил, потому что служил в другом, оставшемся в резерве полку. Я думаю, что само его существование, а значит, и мое, оказывается в такой ретроспективе случайным.

В 1945 году отцу удалось сразу же демобилизоваться, был приказ о демобилизации недоучившихся студентов, если они могли показать документы о прерванной учебе. Он вернулся на третий курс и через год женился на моей матери, своей однокурснице. Почти сразу же стало ясно, что студенческой семье не выжить (напомню, высшее образование было тогда платным), мама ушла из университета и работала, чтобы дать отцу возможность доучиться. Она закончила его лишь в середине 1950-х гг., заочно. Отец был лучшим студентом на факультете и по выпуску в 1948 г. получил лучшее распределение. Учился он на историческом отделении. Кстати говоря, как-то среди студентов обоих отделений провели проверочный диктант. Он один, среди историков и филологов, написал его без ошибок. Это не просто врожденная грамотность, как говорят. Он очень любил всякие справочные издания, словари, энциклопедии и т.п. Выбор кафедры отец сделал вопреки своим детским планам. Конечно, в конце 1930-х знаменитый трехтомник по истории дипломатии сделал свое дело, а здесь уже в 1945–46 гг. отцу стало ясно, что никакая история дипломатии ему не светит. Хотя тучи еще не сгущались, он выбрал карьерно, как ему казалось, самую надежную дорогу, стал специализироваться по истории партии. Это была, собственно, не история, а такое идеологическое конструирование. Позже, у мамы это было не так, у нее дипломная работа была, кажется, о становлении профсоюзных организаций на Урале, но вот дипломная работа отца называлась «Учение Сталина о фазах и функциях социалистического государства». Руководил ею, кажется, Г. А. Курсанов, известный московский философ, оказавшийся в те годы на Урале. При всех отличных оценках за учебу и несмотря на вполне идеологически выдержанный диплом, остаться в Свердловске отец все равно не смог. Конечно, во всем этом было много неправды, однокурсники с более низкими оценками оставались, ему же на выбор предложили два города: Нижний Тагил и Новую Лялю. Выбор пал на Тагил, где было место директора школы рабочей молодежи и где обещали жилье (впрочем, первое время жильем был кабинет директора, где родители спали на столе, за неимением другой мебели). Роди-

тели рвались в Свердловск почти всю жизнь, но ничего не получилось. Тоска по Уралу, по Свердловску сохранилась у них, особенно у мамы, навсегда. Она, кстати, тоже была дочерью «врага народа», ее отца, портного, обвинили в том, что он собирался взорвать Урал-маш. Он выжил в лагерях, но вернулся уже в 1950-е гг. Возможно, им было лучше уехать в те годы из Свердловска. Во время антисемитской кампании конца 1940-х – начала 1950-х из Свердловска в Тагил приезжал какой-то партийный инспектор, но тогда ничего не нашел, не подкопался, а вскоре Сталин умер, кампания прекратилась.

В Тагиле отец быстро стал известным человеком. В те годы учителя с университетским образованием были редки (у многих за плечами были только так называемые учительские институты, а у некоторых и того не было), он к тому же был хороший лектор, начитанный в классической и марксистской философии, владевший иностранными языками (кроме немецкого, отец выучил в университете французский, довольно хорошо, и английский, скорее неважно). Через несколько лет, побывав директором двух или трех школ, он стал заведовать тагильским горно (городским отделом народного образования, подразделением горисполкома) и пробыл на этой должности семь лет. К делам относился с большой ответственностью и едва не заработал инфаркт. Ему приходилось инспектировать школы не только самого города, но и всего района. В районе же находились многочисленные лагеря. Вот объезжая лагерь (ради инспекции лагерных школ), он думал иногда, что, может быть, встретит в одном из них своего живого отца. Запрос о его судьбе он подал только после 20 съезда партии, а справку о реабилитации показывал последний раз, когда устраивался на работу в Институт социологических исследований АН СССР, в 1974 г. Номенклатурная должность имела, конечно, свои приятные стороны, но только целью своей такую карьеру отец никогда не ставил. А может быть, просто понял, что физически не выдержит напряжения. Он решил уйти, чего так и не смогли понять его сослуживцы. Вроде бы, все шло к тому, что ему светил уже перевод в Свердловск, но тут он перешел на должность преподавателя в Нижнетагильский пединститут.

На каком факультете, какой кафедре он начал работать? Наверное, вскоре он задумал писать кандидатскую диссертацию?

Отец руководил горно с 1956 по 1963 гг., уходил в Нижнетагильский пединститут простым преподавателем, еще без степени, хотя, скорее всего, с расчетом быстро защититься, либо же сразу после защиты, но еще до утверждения.

Вернемся к защите. В 1963 г. в Свердловске он защитил диссертацию, посвященную проблемам образования. Диссертация называлась «Повышение общеобразовательного уровня рабочего класса в СССР в период развернутого коммунистического строительства и социальное значение этого процесса». Это еще не была социология в точном смысле слова, хотя становление отечественной социологии должно было оказать на него большое влияние, ведь именно на рубеже 1950–1960-х гг. случился этот важный поворот. Я недавно смотрел некоторые ранние публикации наших социологов, оказывается, в Нижнем Тагиле в 1962–63 гг. проводили большое исследование, одно из первых в нашей стране, но отец был не при чем, во всяком случае, никаких свидетельств его участия я не знаю. Скорее всего, он был в курсе, может быть, даже с кем-то тогда познакомился и даже мог помогать в организации, если дело затрагивало образовательные учреждения. Некого спросить, увы. После защиты диссертации, как я сказал, он в скором времени уже был заведующим кафедрой, а потом долгое время был проректором. Так получалось везде: он хотел заниматься исследованиями, но через некоторое время оказывалось, что он опять начальник чего-то.

Я перечитываю то, что до сих пор рассказал, и вижу, что получается какая-то очень однобокая картина: вырос отец в семье партийного работника, сам был убежденный коммунист и на протяжении всей карьеры, хотя и не дослужился до больших номенклатурных чинов, всегда кем-то руководил. В общем, так все и было, но я бы именно здесь хотел добавить несколько, лично для меня очень важных, психологических деталей. В нашем доме всегда было много книг, строго говоря, кроме книг, почти ничего и не было, совсем неплохие по тем временам зарплаты родители – и это было именно желанием отца – тратили на путешествия. Он любил, так сказать, базовый комфорт, но был равнодушен к роскоши. Он очень любил географию, каждый год мы куда-то отправлялись на все лето, а когда открылась возможность ездить за границу (ему тогда было без малого пятьдесят лет, он впервые поехал на социологический конгресс в Болгарию), он пользовался этим не просто охотно, но прямо-таки страстно. Впрочем, я хотел сказать о книгах. В молодости родители часто переезжали, во время одного из переездов грузчики, тащившие очередные пачки книг, спросили, когда же, наконец, будут вещи. Но, повторю, вещей, кроме минимума, не было, собственно, так было и до конца жизни, разве что к книгам добавились туристические сувениры. Среди множества книг была одна, так сказать, семейная Книга с большой буквы. Сейчас ее мало кто помнит, а дома у нас она разошлась на цитаты, которыми отец охотно перебрасывался со своим младшим братом.

Приохотили они и меня. Это книга Леонида Соболева «Капитальный ремонт». В ней описана ситуация на флоте перед началом первой мировой войны, по идее, книга должна была завершаться в революционный 1917-й год, но Соболев ее не дописал, так все и осталось в довоенной Финляндии и Петербурге. Отец так ее любил, что, когда пожилой уже Соболев приехал в Тагил на какие-то писательские гастроли, он ходил на встречу и спрашивал, когда же будет продолжение. Там две ключевых фигуры: молодой гардемарин и его старший брат, лейтенант флота, который младшего учит жить, по видимости цинически, а на самом деле – как человек долга, видящий все безумие бюрократической машины, но сделавший из служения этому абсурду некоторого рода добродетель. «Зачем чистить медяшку до блеска, если собираются тучи и вот-вот пойдет дождь? – Потому что на медяшке флот держится». Я как-то усваивал всегда только одну сторону этих поучений: что абсурдом не надо тяготиться, что без его повторения не было бы вообще никакого порядка. И не задумывался над тем, что, значит, в том, что это – абсурд (в книге, кстати, и ведущий Россию к катастрофе) сомнений не было. Никакого искреннего почтения к поздним советским партийным вождям у него не было, просто прорывалось это редко, к концу жизни – чаще. Так или иначе, ему нравился порядок во всем, в том числе все внешнее, правильное. Он с удовольствием вспоминал, как кто-то из столичных профессоров, приехавших в Свердловск в эвакуацию, несмотря на жуткий холод в аудитории, всегда снимал пальто и читал лекции в пиджаке, в белой рубашке с галстуком. Он с удовольствием цитировал то ли реальные, то ли выдуманные дневниковые записи какого-то офицера времен еще первой мировой: «Заметил, что N. небрит. Вынес ему порицание». Это продолжалось и в ученых занятиях. Поэтому, уже позже, он был отличным редактором, не пропускавший не только пропущенных запятых, но и ошибок в таблицах. Я помню, как он вечерами сидел над корректурами статей в «Социологических исследованиях»: никаких даже калькуляторов тогда не было. Считал сам и пересчитывал сомнительные таблицы в чужих статьях на счетах и логарифмической линейке. Находил ошибки в расчетах, находил ошибки в цитатах, в библиографических описаниях. Это, по идее, не работа для заместителя главного редактора, но, помимо того, что он чувствовал свою ответственность, ему такая работа нравилась. В науке для него желание понять означало: привести понятия в порядок надежной концептуальной схемы. Но когда схема уже была сконструирована – и, желательнее, надолго, – важнее всего оказывалось надежное установление фактов. Этим его и привлекала социология.

Похоже, что уже в своей кандидатской диссертации Ваш отец почти вплотную приблизился к социологии. А когда и как он начал заниматься социологическими, исследованиями?

Его социологическая карьера в более узком, точном смысле слова началась так. Однажды на трамвайной остановке в Тагиле (а точнее, на той самой знаменитой теперь «Вагонке», то есть в районе, отделенном от города, где располагается Уралвагонзавод и где начиналась его тагильская жизнь) он встретил заехавшего в командировку, с лекциями, Михаила Николаевича Руткевича, декана философского факультета УрГУ. Они были уже знакомы, конечно, мало того, мои родители учились у отца Михаила Николаевича – доцента-историка Николая Паулиновича Руткевича, кажется, оказавшегося в Свердловске в эвакуации. Вообще эвакуированные из центра страны крупные фигуры сыграли большую роль в жизни отца. Так, например, он всегда помнил известного византиниста Сюзюмова, хотя и не собирался заниматься этим предметом.

Вернемся, однако, к Руткевичу. Можно считать, что тогда между ним и отцом состоялся исторический разговор. Именно Руткевич предложил ему обратить внимание на социологию социальной мобильности, именно с этого времени начинается их длительное сотрудничество. Руткевич и в научном плане, и по-человечески очень импонировал отцу, который считал его интеллектуальным лидером, очень долго доверял ему в решении важных методологических вопросов, да и в более широком плане. Но именно своей заслугой отец считал то, что на известной конференции 1966 года в Минске, посвященной социальной структуре советского общества, он говорил о теориях социальной стратификации и мобильности. Вероятно, на соответствующую литературу одновременно обратили внимание сразу несколько исследователей, но я в данном случае говорю именно о том, что сам отец считал важным, что говорил мне, даже если и не видел проку в публичном подчеркивании своей роли.

Есть, конечно, важное свидетельство того, что они тогда сделали с Руткевичем вместе: это изданный ДСП сборник (в двух частях) с переводами и рефератами почти всех основных на тот момент (1968 г.) источников по теориям стратификации и мобильности. Роль отца, как я могу судить уже по позднему, была именно ролью рабочей лошади, вытащившей на себе этот труд. В 1970 г. вышла их книга «Социальные перемещения», которая попала в хорошую компанию. В этот год вышли и «Социологические опыты» В. Н. Шубкина, и «Социальная структура рабочего класса в СССР» О. И. Шкаратана. Бывают такие годы в науке, когда все лучшее выходит почти одновременно. С этого времени, я думаю, уже не только Руткевич, но и отец стал заметной фигурой в социологии.

По-видимому, эта книга стала основой его докторского исследования?

Да, так и есть. В 1971 г. он защитил докторскую диссертацию. Я хорошо помню, как мама обеспокоенно говорила ему накануне защиты, чтобы он особенно ни во что не ввязывался, а он отвечал, что когда речь идет о докторской защите, не ввязываться в принципиальные вопросы невозможно. Он сильно нервничал. Не доверял никому перепечатку диссертации, но и сам уже выбивался из сил. Как-то мне пришлось поддиктовать ему страницу, перепечатанную уже несколько раз. Я от волнения сбился, но это не навредило, все уложилось так, как было должно. Обстановка дома была тяжелая. Как я теперь понимаю, желающих его провала было достаточно, но все обошлось. К сожалению, я не знаю особенных подробностей тогдашних интриг, но одна из несомненных сложностей состояла в том, что как раз в это время Руткевича переводят в Москву и защищаться приходится без него. Руткевич после отставки Румянцева и известных решений по ИКСИ возглавляет Институт социологических исследований. Это время сейчас описано многими и, в основном, единодушно. Я хорошо знаю, по меньшей мере, часть этой истории со слов моих добрых коллег, с которыми я работал в секторе Ю. Н. Давыдова. Они пережили все эти тяжелые годы, и я, таким образом, видел все это в юности в двух перспективах: сначала с точки зрения отца, который до переезда в Москву и первые годы в Москве стоял на позициях Руткевича, а потом мне многое рассказывали те, кто в то время работал в ИСИ.

У событий в ИСИ есть идеологический и есть персональный аспект. Идеологически в ретроспективе дело выглядит так, что коммунисты усмотрели в социологах опасное свободомыслие и учинили разгром, для чего мобилизовали Руткевича, который задание партии выполнил, после чего был уволен. Это правильно, если не считать того, что уволенные тоже были коммунисты, но нуждается в дополнительных уточнениях. В Москве Руткевича и всех, кто был с ним, называли «уральскими догматиками», и, сколько мне известно, никакого огорчения это не вызывало ни у него, ни у его сторонников. Однако, что значит быть «догматиком» в социологии? Как мне кажется, с точки зрения истории идей здесь существует определенный перекосяк. Несомненно, Руткевич был приверженец того, что называют «советским марксизмом» и, кстати говоря, автором учебника «Диалектический материализм» для философских факультетов. Но – искренне или неискренне – на позициях марксизма-ленинизма стояли тогда все заметные советские социологи. Если мы хотим понять различия между ними, по этому критерию их различить невозможно, во всяком случае, в конце

1960-х – начале 1970-х гг. Была в то время догматическая анти-социологическая точка зрения. В партийном аппарате, например, она была представлена одиозной фигурой Ягодкина, сначала работника Московского горкома партии, а потом – замминистра высшего и среднего специального образования СССР. Именно Ягодкин, если не путаю, был инициатор кампании против социологов в конце 1960-х гг., в частности, в связи с «Лекциями по социологии» Ю. А. Левады. Именно Ягодкин не давал ввести в номенклатуру специальностей социологию и вообще был против нее. К Ягодкину мой отец относился с отвращением, я это хорошо помню, как помню и то, какой серьезной угрозой для науки он считался. В ученой среде был тогда и такой известный деятель, как Ц. А. Степанян, член-корреспондент АН СССР, заведующий отделом научного коммунизма Института философии АН СССР. Он был против социологии как прикладной науки и считал, что исследования не нужны, поскольку все необходимое уже содержится в научном коммунизме. Конечно, он был не идиот и выражал все это более аккуратно, но смысл был именно такой, это была явная и непосредственная угроза. А если мы посмотрим, чем занимались социологи уже после ухода Румянцева и разгона старого состава Института, то окажется, что исследования были, в том числе, продолжалась и методологическая работа. Таким образом, и здесь нельзя найти точный критерий разграничения. У меня есть одно предположение, которое я несколько раз высказывал в печати, но я не могу обосновать его в достаточной мере. Ниже я о нем скажу. Но пока что скажу об аспекте персональном.

В общем, ни для кого не является секретом, почему Руткевичу довольно быстро пришлось оставить свой пост. Он, кажется, был всерьез уверен в том, что наступило время иной, правильной науки, перессорился с влиятельными московскими кланами и, наконец, совершил, как я помню, непростительную ошибку, уволив из Института В. С. Семенова, автора известной в то время книги «Капитализм и классы. Исследование социальной структуры современного капиталистического общества». (М., 1969). О причинах увольнения я сказать не могу, а последствия были предсказуемы, потому что Семенов был лично очень близок к всесильному в те годы академику и вице-президенту АН СССР П. Н. Федосееву (говорили, что он очень дружил с его сыном, трагически погибшим, и в каком-то смысле заменил ему сына). Но даже и без этого Михаил Николаевич был, конечно, не только идейно, но и лично совершенно чужд коллективу, у которого, как это часто бывает в Москве, связи были многообразные и серьезные. Он видел себя лидером дисциплины, он был необыкновенно работоспособен и разносторонне образован и, как я думаю, считал себя не только стар-

шим по должности, но и заслуженно старшим, имевшим право на пренебрежение чужой точкой зрения и человеческим достоинством. Не раз и не два я слышал, правда, в передаче, как тех, с кем он расправлялся, называл он «шпаной». Повторю, это было не просто идеологическое пренебрежение, но еще и человеческое пренебрежение, связанное с высокой самооценкой. Из этого иногда происходили характерные коллизии. Со слов Руткевича отец рассказывал мне, что через некоторое время после начала увольнений тот схлестнулся с В. Н. Шубкиным, знаменитым социологом, заведовавшим сектором социологии молодежи и образования. Якобы Шубкин решил ему высказать внятное несогласие с кадровой политикой и, придя на прием, стал рассказывать, как в 1943 г. к ним, опытным бойцам, прибыл в окопы Сталинграда молодой необстрелянный лейтенантик, которого быстро поставили на место. – Горький юмор ситуации заключался в том, что Руткевич, ко всему еще и чрезвычайно вспыльчивый, сам воевал чуть ли не всю войну, был награжден орденами, вообще, был боевой, а не тыловой офицер. – «Он это говорит мне, мне!» – кипятился Михаил Николаевич. Шубкина он скоро уволил, как уволил, например, и тишайшего И. С. Кона, к тому же безупречного профессионала. Это потрясло тогда очень многих, и мне даже и через десять лет об этом так и рассказывали: как о чудовищной и неожиданной несправедливости. Но я лишь недавно узнал, что когда Руткевич передумал увольнять Кона, тот не согласился остаться. Он был тихим, но твердым.

А вот, например, моего учителя Ю. Н. Давыдова, с его строгим выговором с занесением в учетную карточку (хуже было только исключение из партии), он увольнять сначала не стал, попробовал «дожать» и отправлял каждое утро на овощную базу перебирать капусту в порядке шефской помощи. Он рассчитывал, что Давыдов сам уйдет. Но тому уходить было некуда, зато в один прекрасный день Руткевичу позвонили из ЦК, и после этого он Давыдова оставил в покое. А вот насчет того, не звонили ли ему, чтобы он конкретных людей непременно уволил, ничего сказать не могу. Эта тема ждет своего исследователя. Не могу не сказать и о том, что мне в детстве передалось отношение отца к Михаилу Николаевичу. Что бы я ни узнавал впоследствии от разных людей, поменять свое отношение на прямо противоположное я не могу и не хочу.

Так или иначе, место Шубкина освободилось, некоторое время его обязанности исполнял Ю. Н. Козырев, а потом именно на это место Руткевич перетащил в Москву отца. Это был конец 1974 г., сразу после того, как ВАК утвердил его докторскую степень. Я хорошо помню, что утверждение затягивалось, отец начинал нервничать, потому что затянулось оно немного сверх меры. За несколько лет до того у него, о чем родители не очень любили гово-

ритель, случился карьерный облом. Он должен был избираться на должность заведующего кафедрой в Уральском политехническом институте в Свердловске, все, казалось, было налажено. Даже в школе моей считали, что мы переехали, и страшно удивились, увидев меня первого сентября в классе. А дело было в том, что отец не прошел конкурс. Кто сыграл против, я не знаю, почему – даже не догадываюсь, хотя, в общем, все влиятельные люди Свердловска того времени известны. Конечно, он не мог не думать о том, что и сейчас могло что-то не сложиться. Но вот – это было летом 1973 г. – пришла телеграмма от Руткевича, я даже сейчас ее помню: «Поздравляю с утверждением, срочно оформляйте профессорство». Отец оказался первым доктором наук и первым профессором в Нижнем Тагиле. Мы им очень гордились. Через год ему исполнилось пятьдесят. Отмечали с большим провинциальным размахом и, вроде бы, один наш местный художник собирался даже писать его портрет. Но на торжествах уже лежала тень расставания. Руткевич добился его перевода в Москву. Он уехал, а мы остались. Ждали жилья.

Как складывалась жизнь отца в Москве?

Отец приехал в Москву, кажется, в октябре или ноябре, поселился у своей двоюродной тетки, которая когда-то сберегла во время войны его документы о незаконченном высшем образовании. Тетка, вдова богатого адвоката, жила в одной комнате в огромной, составленной когда-то из двух, коммунальной квартире прямо напротив Института иностранных языков (ныне Лингвистический университет). Потолок комнаты терялся в вышине, размерами она была со всю нашу нынешнюю московскую квартиру. Отец там несколько месяцев жил без нас, а потом еще мы приехали, и все уместилось. Он писал там первую индивидуальную московскую книжку «Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы» (М.: Мысль, 1975). Мы приехали к нему в самом начале февраля 1975 г. Началась новая жизнь. В Москве отец, я думаю, остро ощущал свою провинциальность, он не принадлежал к московскому кругу социологов и никогда, что называется, по-человечески в него и не вошел. Все вкусы, связи, круг общения были вокруг новые и непривычные. Ездить в Москву в командировки и жить здесь – совсем разные вещи. Все отношения были только рабочие, тех теплых дружеских связей, к которым он привык на Урале, здесь не было. Вообще столичный стиль – это штука очень специфическая. Я сам это почувствовал только через полгода после переезда, когда стал учиться в университете. В Тагиле я учился в одной из лучших школ, а в Москве кончал обычную, рядом с домом.

Первое движение школьной администрации было поместить меня в девятый класс, вместо десятого – «мальчик приехал из провинции». И уже через пару месяцев они же выражали сожаление, что я раньше у них не учился, был бы золотой медалист. Это потому, что в Тагиле учили лучше, да и весь наш класс был сильнее, по сравнению с Москвой – небо и земля. А вот в университете, где культурный багаж важнее оценок, я себя чувствовал безнадежным провинциалом еще долго, но у меня было достаточно времени вписаться и приспособиться. Или упереться, если меняться не хотел, не заботясь о последствиях.

А здесь, у отца в его 50 лет, все было сложнее. Грубо говоря, он любил симфоническую музыку XIX в., а не камерную XVII–XVIII вв. Он себя чувствовал во многом именно человеком XIX в. и часто об этом так и говорил. Наверное, не столько настоящего XIX в., сколько выдуманного, но все же именно века революционного прогрессизма. Поэтому – тогда я ничего не понимал, а сейчас для меня очевидно – на книжных полках у нас стояли полный Золя и полный Фейхтвангер. Сочувствие трудящемуся классу, победа разума в исторической борьбе с силами невежества. Не представляю себе, с кем бы из коллег он мог говорить об этом в 1976 г. То есть люди-то были, только в таком возрасте и обстоятельствах душу не открывают. И в походах у костра под гитару отец тоже не пел. Не могу не рассказать один случай, только без имен. Как-то уехал в те еще первые московские годы один социолог в США. Уехал обычным образом, по еврейской линии, когда ребенку его заблокировали поступление в МГУ. В Институте устроили по этому поводу положенное в таких случаях мероприятие. На нем заметно суетился один из коллег, типичный московский интеллигент с гитарой, душа всех компаний. «Я всегда знал, – говорил он, – что N двурушник!». Отец, вернувшись домой, рассказывал об этом с чудовищным презрением. «Ну, и чего ты молчал, если знал? И чего теперь высказывать?». В общем, этих тонкостей он так и не постиг.

И психологически, и карьерно выручала, конечно, работа. Уже через несколько лет, когда образовался отдел социальной структуры советского общества из нескольких секторов, он возглавил отдел, а когда возник журнал «Социологические исследования», стал заместителем главного редактора, А. Г. Харчева. Кажется, именно с ним его связывали более похожие на дружеские отношения, его кончину отец очень переживал. Конечно, первым важным испытанием на прочность стал уход Руткевича, никаких оснований предполагать, что его это не коснется, у отца не было. Но получилось все по-другому. Четыре директора сменились при нем, и со всеми у него были добрые деловые отношения. На него всегда можно было положиться, интриговать и подкапываться он не умел, а на-

писать в срок внятную бумагу мог. Никаких заблуждений на свой счет в этой части у него не было. Уже в 80-е гг. он мне говорил: «Держат меня как хорошего писаря. А если не будет нужды, выкинут». «Писарь» – это, понятное дело, значило «изготовитель докладных бумаг». Объемы экспертизы, как мы бы сейчас это назвали, уходившей из ИСИ наверх не только по прямой линии, то есть в качестве ответа на официальный запрос к дирекции, но и по линии простого, скажем, телефонного обращения одного из инструкторов ЦК КПСС к тому или иному ученому, видимо, еще предстоит оценить. Это было никак не формализовано, не нормировано, и, в общем, у меня нет никакой уверенности, не получалось ли так, что под видом служебных заданий там процветала обычная эксплуатация научных кадров, и множество бумаг эти бюрократы просто выдавали за свои. Впрочем, это был конечно, взаимовыгодный симбиоз крокодилов и маленьких птичек, которым хватало на пропитание. Насчет интеллектуального и культурного уровня этой публики отец тоже не заблуждался. По поводу одного из инструкторов, человека в те годы влиятельного, но очень уж неотесанного, он вспоминал, кажется, из Симонова, сравнение такого рода людей с чемоданами, которые возвращаются из заграничных путешествий своих владельцев сплошь в наклейках зарубежных аэропортов, но так и остаются чемоданами.

Теперь, если можно, расскажите об основных направлениях исследований Ф. Р. Филиппова по социальной структуре и по социологическим проблемам образования.

Однако надо, наконец, перейти к существу того, чем он занимался. Возможно, спорам о трактовке социальной структуры советского общества надо посвятить отдельное исследование. Сегодня многое может показаться искусственным и схоластическим. Существенную роль в схлопывании дискуссий сыграла, конечно, перестройка и реакция на нее наших социологов. Я как бы начинаю с конца, но это лишь предупреждение. Мы ведь помним, как сильно повлияла перестройка на трактовку социальной структуры. Появились статьи, в которых доказывалось, что партийная (прежде всего) бюрократия – это особый слой, который социологи раньше боялись трогать, а между тем, распределение власти, доступ к привилегиям и т.п. явственно указывают на особый характер этой социальной группы. Ну и, конечно, вывод о недоброкачественности прежней социологии напрашивался сам собой. У меня по этому поводу, как у Маугли, довольно много колючек под языком, но, говоря максимально отстраненно, этот критический подход для конца 1980-х – начала 1990-х был отчасти оправдан. При других обсто-

ятельствах с ним случилось бы то же, что с известной работой Ч. Р. Миллза о властвующей элите, который, при всем уважении к автору, не привел в момент появления к крушению структурно-функциональной социологии. Оно произошло позже и по другим причинам.

Ну, а у нас под шумок как раз и случился переворот в социологии – как продолжение той перестройки, которая происходила в стране и при поддержке той самой партийной элиты, которую предполагалось разоблачать. Но глубокому внутреннему единству советской социологии это повредить не могло. Просто времена изменились. Хочу вспомнить о случае, который знаю со слов отца, очень показательном именно в данной связи. В первой половине 1980-х гг. одним из самых влиятельных направлений в нашей социологии стало развивавшееся в пику иностранцам изучение «образа жизни». Концептуально это было довольно бедное направление, зато можно было проводить массовые обследования по всей стране, захватывающие десятки тысяч человек. И вот однажды в Алма-Ате, тогда столице Казахской ССР, в адресную выборку попала квартира чуть ли не первого секретаря горкома партии. Как уж так получилось, что его жена вообще пустила социологов в дом, я не знаю, но только пришли они и стали расспрашивать про доходы и расходы. Умная и, в общем, не вредная женщина довольно быстро выпроводила их, но тем дело не кончилось. Она поведала мужу, муж пожаловался в Москву, руководителя исследования, И. Т. Левыкина, далеко не новичка и вообще человека очень дисциплинированного, пришедшего в Институт из Академии общественных наук при ЦК КПСС, вызывали на ковер. Очень неприятно получилось. Так что реальность, в общем, пыталась просочиться даже в исследования Левыкина, но соединенными усилиями ей был поставлен заслон. Все прорвалось именно в перестройку. А в 1970-е была именно реакция, в частности, на Пражскую весну, на ту самую критику социализма, которая, говоря попросту, к тому и сводилась, что номенклатура уже замкнулась в особый класс. Книга Руткевича и Филиппова – это как раз реакция на такого рода идеи. У них там довольно много данных по формированию низового и среднего звена советских управленцев. Между прочим, они там довольно откровенно говорят об отсутствии статистики, о необходимости вычислять проценты выходцев из рабочего класса и проценты имеющих высшее образование среди этой группы по косвенным данным. И хотя я представляю себе, примерно, как можно поставить под сомнение некоторые их выводы, даже не трогая концептуальной схемы, само по себе это даже и сейчас, по-моему, интересно.

В чем же еще был смысл исследований социальной структуры и о чем там вообще можно было спорить, если старая догма требовала признавать наличие в СССР двух классов, различающихся по форме собственности, для описаний таких феноменов, как «молодежь» или «интеллигенция» изобретались вымученные конструкции, а *номенклатура* вообще не хватывалась понятийной сеткой?

Нечто очень важное произошло в середине 1960-х гг. До этого, как мне кажется, только-только становящаяся советская социология была более многообразна в источниках заимствования западных идей, а пафос ее был не столько описательно-аналитический, сколько управленческий. Были интересные философско-социологические заходы, особенно после 22 съезда КПСС и попыток всерьез принять программу построения материально-технической базы коммунизма, но, в конце концов, все свелось к тому, что научное управление обществом невозможно без эмпирической науки, представляющей форму обратной связи, именно это позволяло не ставить под сомнение наличие высшего управленческого слоя. Социология должна была стоять на службе у партийных бюрократов, а не описывать их же самих для них же самих. В самое продуктивное время у самой успешной советской социологии не было никакого освободительного пафоса, кроме позитивистской научности: знать, чтобы предвидеть и управлять. Конечно, это могло выглядеть по-разному для разных групп социологов: одни были внутренне и, пока возможно, внешне на стороне *социализма с человеческим лицом*, а другим мерещился усовершенствованный, без массовых и особенно аппаратных репрессий, но все-таки социализм того типа, который и восторжествовал в СССР в 1970-е гг. Но вот что произошло, как я думаю, со структурным функционализмом.

Он показался удобным сразу многим и с разных сторон. Несомненно, когда его начали перенимать, он был весьма почтенным, влиятельным направлением в западной социологии. Можно было быть структурным функционалистом, парсонсианцем, и чувствовать себя в интеллектуальном мейнстриме. Лет десять назад вышла книга переводов по теории действия Парсонса. В ней большое место занимают воспоминания разных людей, которые прикоснулись к его теориям еще в 1960-е. Меня глубоко тронуло то, что верность интеллектуальному лидеру они сохранили в течение нескольких десятилетий. Это показывает, сколь сильным было влияние. Но ведь структурный функционализм, сколько бы ни пытались скорректировать ходячее представление о нем некоторые крупные авторы, все равно оставался именно консервативной теорией общества. Не реакционной, а именно консервативной. И вот что по-

лучилось: он устраивал и наших прогрессистов, потому что был передовой теорией, и наших консерваторов и даже реакционеров. Их сильно смутили события в конце 1960-х гг. в некоторых социалистических странах (прежде всего, конечно, в Чехословакии), которые именно в нем видели решение той самой проблемы соединения порядка с прогрессом, которой когда-то был озабочен еще Конг. Конечно, в специфических условиях СССР все это кончилось очень печально. Победа консерваторов в социологии над прогрессистами состояла, собственно, в том, что охранительную составляющую структурного функционализма они смогли представить во внешне марксистских терминах, то есть, совсем уже грубо, продали начальству того же Парсонса как Маркса, но больше замаскированного под охранительский мейнстрим СССР 1970–80-х гг., чем это могли и хотели сделать социологические «прогрессисты». Думаю, что столь рационально и чуть ли не цинично, как я это сейчас излагаю, никто не думал. Но в исторической ретроспективе я представляю себе это именно так.

Позволю себе здесь, вместо вольного пересказа, реконструировать очень кратко концептуальную схему той самой книги Руткевича и Филиппова «Социальные перемещения». Конечно, в ней, по всем канонам, дается отпор буржуазным социологам, тому же Парсонсу: «С “функциональной” точки зрения, нет различия между управляющими органами, выполняющими во многом однородные функции в капиталистическом и социалистическом обществах. Но эти функции в социалистическом обществе имеют совершенно иной социальный смысл, чем при капитализме. Вот почему и мобильность должна рассматриваться лишь с учетом ее социальной сущности, а не только как формальное перемещение индивидов на другой “структурный уровень”. . . . Дело, следовательно, вовсе не в том, что и при капитализме, и при социализме есть “организаторы и администраторы”, а в том, в чьих руках, в чьей собственности находится производство, в чьих интересах работают эти организаторы и администраторы, в чьих интересах осуществляется управление и руководство обществом в целом»⁴. Мысль о том, что это же самое высказывание можно прочитать в прямо противоположном интенциям авторов смысле, возможно, и приходила им в голову, но мне об этом ничего не известно. Считалось, что формальные сходства между капитализмом и социализмом есть, но сущность социального строя определяют отношения собственности на средства производства. Поэтому то, что по видимости схоже у нас и на Западе, по сути глубоко различно. А почему похоже?

⁴ Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Социальные перемещения. – М. : Мысль, 1970. – С. 21.

Потому что «некоторые общие черты, обусловленные уровнем материального производства, создают сходство ряда тенденций социальных перемещений при социализме и при капитализме»⁵. Это и урбанизация, и миграция сельского населения в города, и рост числа работников умственного труда, и удлинение срока подготовки к трудовой деятельности и многое другое. Но что отсюда следовало? Только то, что при сохранении базовых марксистских представлений (в которых, заметим, марксизма было не так уж много), множество технических средств описания и анализа можно брать у западных социологов и даже развивать для целей продуктивной социологической работы, контактировать и дискутировать с зарубежными коллегами и сопоставлять полученные результаты: «Вопрос об измерении социальных перемещений, будучи уже не теоретическим и идеологическим, представляет самостоятельный интерес и заслуживает особого рассмотрения, тем более что буржуазная социология в этом плане проделала полезную работу, а именно разработала математический аппарат, с помощью которого можно дать количественную характеристику процессам социальных перемещений»⁶, в частности, важны такие показатели, как распределение населения по уровню доходов или зависимость уровня образования детей от уровня образования родителей⁷.

Настаивая на том, что перемещения между отдельными социальными группами носят не просто характер профессиональной мобильности, но именно мобильности социальной (Руткевич и Филиппов предпочитали называть ее «социальными перемещениями»), авторы, конечно, на мой сегодняшний взгляд, прошли буквально по лезвию бритвы. Ведь, казалось бы, чего проще? Есть единый советский народ, состоящий из дружественных классов, причем рабочий – лидирующий. И вот, по мере научно-технического прогресса, количество более хорошо образованных растет. Профессиональные группы занятых квалифицированным трудом увеличиваются, ученых и инженеров тоже становится больше. Конечно, у них там свои потребности и жизненные планы, мотивы, зависимость от образования родителей и многое другое. Но главного это не меняет, потому что переход из одной профессиональной группы в другую – это, примерно, все равно, что повышение квалификации, скажем, с пятого разряда до шестого. И склонность к такого рода трактовкам (я упрощаю, конечно) у многих социологов в это время была. А вот Руткевич и Филиппов настаивали, что группы, различающиеся по уровню образования и характеру труда, – именно

⁵ Руткевич М. Н., Филиппов Ф. Р. Указ. соч. – С. 40–41.

⁶ Там же. – С. 24.

⁷ См.: Там же. – С. 36.

социальные группы, а не просто профессиональные. То есть они считали, что меняется именно социальная структура общества, а не просто его профессиональный состав.

Это заставляло решать сложные теоретические проблемы. Например, понятно, что рабочий с неполным средним (7 классов) образованием у станка – это точно рабочий. А если у него образование высшее и он пилот самолета? А если неполное высшее, а он – мастер или бригадир? А если он высшее получил, а потом стал инженером, то, получается, входил он прежде в рабочий класс, самый передовой, а тут вдруг – поднявшись по профессиональной лестнице, перестал? Часть этих вопросов носила, конечно, характер идеологический, в том смысле, что данные социологии, безусловно, важные, надо было как-то совмещать с основной схемой научного коммунизма, посягать на который было немыслимо. Но был у всего этого и другой смысл. Можно было попытаться представить себе некую динамику социальной структуры, которая, как утверждалось, имеет тенденцию к увеличению однородности, причем этой однородности не противоречило увеличение уровня образования и квалификации. То есть вот эти самые различия предлагалось трактовать одновременно и как социальные, то есть имеющие отношения к *неравенству*, а с другой стороны, – как все-таки не в том смысле социальные, как при капитализме, но в тенденции становящиеся не более чем профессиональными. Это и была *диалектика*. Различия между разными группами трудящихся росли, поскольку часть из них получала образование все более высокого уровня, но вместе с тем росла и социальная однородность, потому что шансы на получение такого образования тоже росли. Тут появлялась идея, которую на языке Канта следовало бы назвать регулятивной, идея равенства и справедливости.

Ведь что получалось на самом деле? Прогресс производства действительно требовал квалифицированных работников. Склонность получать хорошее образование, как хорошо известно социологам, достаточно жестко связана с образованием родителей. Интеллигенция становилась все более важной и нужной, да еще и норовила скатиться к самовоспроизводству. Поощрение, поддержка тех, у кого родители не имели высшего образования, могла трактоваться как мера *недемократическая*, потому что место оценки достижений (например, при конкурсах в вузы) занимало при такой поддержке происхождение («из рабочих», «из крестьян» и т. п.), а кроме того, от такой поддержки страдала, по идее, эффективность производства, науки и техники, которым были нужны квалифицированные кадры, а не кадры с правильной биографией. Но отказ от такой поддержки означал, повторю, вполне естественное замыкание состоятельных и образованных, перекрытие каналов мобиль-

ности. Поэтому Руткевич и Филиппов стояли на позициях, которые были также и официально оформлены в СССР: не просто приоритет происхождения, но гибкое управление социальной структурой. Подготовительные курсы для тех, кто по биографическим причинам не может конкурировать с интеллигенцией (а в интеллигенцию включались и партийные управленцы). Поощрение поступления в вузы тех, кто, например, вернется на село агрономом или зоотехником, а не тех, кто получит соответствующее образование, но останется в городе, и т. п. А уже результатом такой активности в сфере образования станет выравнивание образовательного уровня не в ущерб эффективности и, в перспективе, усиление социальной однородности СССР.

Отсюда вытекала и управленческая задача социологии, и особая роль образования.

Я помню, что отец вообще очень радовался уже в 1980-е, что занялся образованием. Это была идеологически пусть и не нейтральная, но все-таки вполне, как мы бы сейчас сказали, общечеловеческая сфера. Это было то, что примерно или даже очень сильно походило на ситуацию в других странах. Об этом можно было говорить с западными коллегами. Не случайно в мировом сообществе социологов образования к отцу относились хорошо, он был вполне уважаемой фигурой в исследовательском комитете по социологии образования Международной социологической ассоциации и, кажется, один срок заместителем руководителя комитета. Когда в 1994 г. я в Англии рассказал Маргарет Арчер о его кончине, она обещала написать об этом в каком-то профессиональном издании, но, по-моему, забыла.

Большинство работ отца были именно про образование. Об этом он писал охотнее, чем про социальную структуру, где идеологии было больше, а смысла вообще уже никакого не было. Все заостривало. Я хорошо помню, опять же, по разговорам в 1980-е гг., когда настроение у него было чаще плохое, что работами об образовании он стремился как-то достучаться до высшего начальства. Но в то время уже никому и ничего было не нужно. Думаю, что формально дела шли неплохо, ему разрешали выезжать, причем, довольно часто. Хотя были случаи довольно гнусные. Например, он так и не побывал в ФРГ, потому что по его приглашению поехал однофамилец, начальник иностранного отдела ИСИ И. Е. Филиппов, алкоголик и доноситель. Но это все были мелочи. Как мелочью, хотя и приятной по тем временам, было награждение премией имени Ленинского комсомола за работы по молодежной тематике. Это был такой способ отметить: в одну премию, в одну строку и на одну сумму загоняли несколько человек. В его год и его строчке, помню, был знаменитый впоследствии генерал Волко-

гонов. Все эти формальные приятности не отменяли того, что болото остановилось. Ему, с его привычной лояльностью, и то дышать было нечем. Он был человек, в общем, жизнелюбивый, но я, когда уже был аспирантом, не раз и не два уходя из Института домой, старался не идти с ним одной дорогой, не пересекался, такое у него было лицо, когда на него не смотрели, что лучше было не подходить. Впрочем, в те годы дочь Пиамы Павловны Гайдено говорила мне, что когда Давыдов приходит из ИСИ домой, он просто ложится и молчит. Не может говорить. Такая вот странная переключка в реакциях совершенно непохожих людей.

Самая лучшая его поздняя книга – «Социология образования». Она имела успех, он даже готовил ее переиздание, но не успел. Рукопись мы нашли после смерти, через несколько лет моя жена, Светлана Баньковская, подготовила к печати одну из глав. Когда директором ИСИ на волне перестройки стал В. А. Ядов, да и вообще, так сказать, социологический истеблишмент обновился за счет людей того самого круга, который враждовал с Руткевичем и его последователями, мы ждали каких-то неприятностей, но неприятностей особых не было. Отец сделал книгу «От поколения к поколению», она шла очень трудно. Отец работал с материалами госстатистики, с переписью, в том числе и не опубликованными материалами, и редактор издательства «Мысль» требовал у него разрешения из Госкомстата на каждую таблицу. Но когда книга вышла, отец подарил ее Ядову, и тот на каком-то совещании послал ему записку, что-то вроде того, что это лучший труд по когортному анализу за последние десять лет. Отец этому очень радовался.

В 1989 г. ему исполнилось 65 лет, предельный возраст для занятия должностей, но в Академии наук никто на этот счет особенно не беспокоился. Однако же наступили новые времена. Велено было обновляться, его перевели на должность главного научного сотрудника. Он привычно говорил, что так и надо, все правильно, но, конечно, был несколько уязвлен. В феврале 1990 г. я уехал на год в Германию, он заболел месяца через полтора, я видел его еще в марте, в больнице, где никак не могли понять, что с ним. В августе он поехал на очередной социологический конгресс в Мадрид. Была страшная жара, он был уже совсем худой, но бегал по Мадриду, не щадя себя. Давая разрешение на поездку, врач сказала, что это не смертельно. Я рад, что так получилось. Он побывал на ценном для него профессиональном собрании. Он видел один из красивейших городов мира и одно из лучших собраний картин в Эскориале. После возвращения с конгресса он прожил около месяца, не дожив до 66 лет, и не застал крушения Советского Союза, которое, я уверен, обесмыслило бы в его глазах всю его жизнь.

Ю. Р. Вишнеvский

**«НАМ БЫЛА ПРИСУЩА НАДЕЖДА,
ЕСЛИ ПРАВИЛЬНО
“ОБЪЯСНИТЬ” МИР,
ЕГО ЛЕГЧЕ БУДЕТ “ИЗМЕНИТЬ”»**

Юрий, совсем недавно ты отметил свое 75-летие, так что наша беседа – постюбилейная. ты согласишься, многое забывается, но не детство, не родители... Пожалуйста, расскажи, насколько глубоко ты знаешь историю своей семьи, где родился, чем занимались твои родители?

К сожалению, это – беда нашего поколения, но я могу сказать что-то лишь о своих бабушке и дедушке (по линии мамы). Мой дед – Брейман Лев Яковлевич – был известным одесским юристом (член коллегии адвокатов Одессы) и одновременно – редактором журнала «Вся Одесса». Но деда своего я видел лишь на нескольких семейных фотографиях, чудом сохранившихся в условиях предвоенного и военного времени. Его арестовали в 1937 г. (до моего рождения), и лишь недавно мы получили информацию, что он умер в тюрьме. Больше я знаю о бабушке – Брейман Адель Юльевне. Лишь в 1956 г. (когда мне было уже 18 лет) – после XX съезда – родители рассказали мне, что бабушка училась в Сорбонне. Но детей она рожала в Одессе – в 1910 г. мою маму – Юлию Львовну (после чего продолжила учебу), в 1914 г. – моего дядю Витю. Но началась I мировая война, а затем – революция, и бабушка в Сорбонну уже не вернулась. Это не помешало ей стать известным юристом – сначала в Одессе, а в войну – в Ярославле. Всю войну я провел с бабушкой в Ярославле (правда, в основном в детсаду). В 1947 г. бабушка умерла. Меня долго интересовал вопрос: «Что мог делать в войну адвокат?». В 1966 г. мы со старшим сыном Сергеем были в Ярославле. Я по детским смутным воспоминаниям нашел наш дом, где мы встретили женщину, хорошо знавшую бабушку и рассказавшую нам, как много она в войну помогала людям, защищала их права.

Мама – в плане рождения детей – повторила бабушкин опыт. И в паспорте у меня (я родился в 1938 г.), и у старшего брата (Толик – 1932 г.) стоит Одесса. Когда я родился, папа – Вишнеvский Рудольф Вениаминович – уже несколько месяцев был арестован.

По происхождению он – из бедной местечковой еврейской семьи, его отец был сапожником. Папа окончил в 1932 г. Одесский медицинский институт, затем – по комсомольскому призыву – служил в милиции и армии, где достаточно быстро продвигался и к моменту своего ареста был начальником медсанчасти танковой бригады под Уссурийском. Обвинения в его адрес были (как обычно в те времена) абсурдными – сначала (до ареста Блюхера) его обвиняли, что он хотел убить Блюхера, а потом – что он хотел хинином отравить всю бригаду (хотя столько хинина не было во всей стране). Мама многие годы хранила телеграмму от подруги из Уссурийска: «Люся, не приезжай, мужа нет». Может быть, абсурдность обвинения, а может и счастливое стечение обстоятельств, но папу через год выпустили, восстановили в звании и даже дали им с мамой путевки. Так и окончилась моя «одесская жизнь». В войну папа все время был начальником прифронтовых госпиталей, а в 1945 г. он был назначен начальником госпиталя в Пушкине под Ленинградом, где и прошло мое детство.

В 1952 г. не без влияния «ленинградского дела» и «дела врачей» его вновь направили на Дальний Восток – в Благовещенск. В целом после 29 лет медицинской службы в армии он в 1958 г. переехал на Урал (в Нижний Тагил), где проработал врачом еще 12 лет.

Я понимал, что мой отец – высококвалифицированный и профессиональный врач, внимательный к людям. Но особенно в этом мне пришлось убедиться по весьма печальному поводу – в последний путь его провожали тысячи тагильчан...

Мама была душой, интеллектуальным центром нашей семьи. Она так и не получила высшего образования (из-за «буржуазного происхождения»), но прекрасно музицировала, пела. Перед войной (уже как офицерская жена) она поступила на Высшие экономические курсы. Но с началом войны она ушла на фронт медсестрой, и так и работала уже и после войны.

Главное, что мне досталось от родителей, – понимание, что «надо быть профессионалом в своем деле» и – самое главное – уважать людей.

Удивительно, как ты нашел нужный дом в Ярославле и даже встретил женщину, помнившую твою бабушку... Про Пушкин конца 1940-х – начала 1950-х не спрашиваю, я – ленинградец, потому знаю, а вот о жизни в Благовещенске, пожалуйста, расскажи подробнее. Особенно о школе, о том, что могло повлиять на твой профессиональный выбор.

Детство в Пушкине, я пошел в первый класс в школу у городского базара, где – как потом выяснилось – училась Анна Ахма-

това, жили мы напротив Екатерининского парка, рядом с адмиралтейством, сформировало у меня гуманитарную направленность, которая с переездом в Благовещенск лишь усилилась. Учился я в школе № 1, школа была мужской; лишь в 1955 г., когда мы были в 10 классе, она стала смешанной, но нас так и не объединили. В нашем классе сложилось четкое разграничение на «физиков» и «лириков», что не мешало очень теплым дружеским отношениям. И, кстати, на всю жизнь мне запомнились не только учителя истории (Вячеслав Васильевич, Римма Андреевна – наш директор) и литературы (Ленина Леонтьевна), но и математики (Иван Генрихович), физики (Дора Ефтеевна). Учились мы все очень хорошо – две трети класса окончили школу с золотыми или серебряными медалями. Из событий общественной жизни особенно запомнились смерть Сталина – ощущением всеобщего горя, и 300-летие объединения России и Украины. В тот день было какое-то «предчувствие» «близкого коммунизма»: и газировка, и булочки были бесплатными.

Родители отнеслись к моему выбору спокойно, хотя, конечно, они переживали, что ни брат, который поступил в Пушкине в военноморское училище, ни я не стали медиками. Папа лишь поставил условие: поедешь в Москву – я мечтал учиться в историко-архивном институте – если получишь золотую медаль. По условиям приема в наше время лишь золотые медалисты поступали без экзаменов, серебряные – сдавали один профильный экзамен. Но с «золотом» вышла осечка – на экзамене по геометрии я сделал ошибку, запомнившуюся на всю жизнь; написал «восстановим перпендикуляр к данной точке данной плоскости» (вместо – «к данной плоскости в данной точке»). В итоге – четверка, в итоге – исторический факультет Благовещенского педагогического института; когда мы учились на втором курсе, он стал историко-филологическим. Впрочем, с вершин прожитой жизни начинаешь понимать – «все в жизни к лучшему».

Как начала складываться твоя жизнь после школы?

Итак, в 1955 г. я поступил, в 1960 г. – окончил Благовещенский пединститут, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории. Студенческие годы запомнились по многим параметрам. Прежде всего, у нас были прекрасные педагоги – многие из них (после «ленинградского дела») были высланы в Благовещенск, прибыли они со своими библиотеками. Поэтому в провинциальном вузе мы получили очень качественное образование. Углубился мой интерес к истории, я активно работал все пять лет в историческом кружке, выступал с докладами на студенческих научных конфе-

ренциях. Об одном из них даже написали в юбилейном сборнике «Благовещенску – 100 лет» (1958). Постоянно работал в архиве, где исследовательским навыкам нас обучал знаменитый краевед Новиков-Даурский. К окончанию у меня уже накопился солидный материал к диссертации по истории коллективизации в Амурской области в 1921–25 гг. Кстати, именно этот материал (разнообразие форм кооперации, заинтересованность крестьянства) был для меня и в дальнейшем ориентиром, что социализм можно было «построить» «правильнее», без перегибов и насилия, что социальное развитие должно идти естественным путем.

А с перегибами мне довелось познакомиться во время поездки в составе студенческой делегации в Китай – там был в разгаре «большой» скачок. Особенно запомнилось посещение строительства Шисанлиньского водохранилища – в тот момент поразила энтузиазм (люди пешком шли на стройку и обратно по 15 км и работали вручную целый день), позднее – бессмысленность затрат человеческого труда. В последние годы часто удается летом бывать в Хейхе, город на другой стороне Амура, радуется, как китайцы, отказавшись от иллюзий «скачков», плодотворно строят и трудятся.

Важный аспект студенческих лет – активная общественная жизнь. У нас был активный дружный курс, мы выступали заводилами многих мероприятий. Самое главное – эту студенческую дружбу мы пронесли через годы. В последние годы я постоянно приезжаю в Благовещенск (как председатель государственной аттестационной комиссии у социологов в Амурском госуниверситете), и мы встречаемся, отмечая 50 лет поступления в институт, 50 лет окончания 1-го курса, ... 50 лет окончания института (к этой знаменательной дате выпустили книгу «Достоинно мы по жизни шли»). ... Если со всеми меня связывала дружба, то с Ниной Усковой из соседней группы – любовь. Мы поженились на третьем курсе, и вот уже отметили изумрудную свадьбу (55 лет совместной жизни). На последнем курсе у нас родился сын – Сергей.

Я был старостой группы, на четвертом курсе вступил в КПСС. Для нас – студентов-историков – «квот» на прием не существовало. А у нас никаких карьерных соображений в связи с этим и не было, преобладало чувство ответственности. Именно это чувство побудило меня из возможных вариантов после окончания института: аспирантура, работа в Областном комитете комсомола, директор сельской школы в целинном совхозе – выбрать последнее. Но проработал я директором восьмилетней школы в селе Нижняя Полтавка Амурской области всего 4 месяца. Меня, как и других моих однокурсников, призвали в армию. И почти три года (из-за Карибского и Берлинского кризисов нас, выпускников педвузов, задержали и не демобилизовали раньше) я служил рядовым-срочником. Об

армейской службе каких-то неприятных воспоминаний не осталось. Правда, психологически трудной была разлука с родителями, Ниной и Сергуней. Они к тому времени жили уже на Урале, в Нижнем Тагиле. Туда я и приехал после демобилизации. Так в моей жизни образовались три периода – дотагильский, тагильский и послетагильский. В Тагиле я поработал три года учителем истории и обществоведения в школе рабочей молодежи, а затем меня пригласили в Нижнетагильский педагогический институт. Это был 1965-й год.

Я бы в любом случае спросил про Сталина, но ты упростил мою задачу. Неужели, в городе, в котором жило множество бывших заключенных, «сосланных» по «ленинградскому делу», «делу врачей» и прочим аналогичным делам, смерть Сталина воспринималась как горе?

Не могу сказать «за весь» город, но мои одноклассники и учителя выражали это чувство искренно и неподдельно. Интересна (с учетом последующего опыта) и реакция моих родителей – и отца, отсидевшего более года, и мамы, так и не увидевшей своего отца (моего деда). Они тоже переживали это как огромное общенародное горе. Примечательно, что папа оставался до конца жизни убежденным коммунистом, и в последние годы – уже в Н. Тагиле – был секретарем парторганизации больницы. Его позиция – позднее я встречался с нею неоднократно – Сталин не знал, это был заговор – в том числе – и против Сталина. В чем-то он в данном отношении повлиял и на меня. Спустя многие годы, интересуясь делами репрессированных, я сталкивался с таким большим количеством оговоров и сведений счетов, что пришел к выводу о самой опасности атмосферы всеобщей слежки друг за другом. Конечно, мы сегодня гораздо более информированы об этих годах, но и сейчас у меня вызывает некоторое отторжение их однозначно негативная оценка. Не исключая и влияния обычного оптимизма молодости. По крайней мере, когда сам отвечаю на вопросы социологов о самом лучшем времени, отвергаю не только сталинскую эпоху, но – еще больше – лихие 1990-е. Кстати, по вопросу об оценке Сталина мы часто спорили с моим другом и коллегой Валерой Шапко, его оценки были более жесткими и, возможно, более справедливыми. Но...

Из всех моих собеседников, а их более полусотни человек, ты социализировался и получил образование в Благовещенске – очень далеко от Москвы. В Москве, Ленинграде, других крупных городах европейской части Союза в первой половине

60-х студенчество, молодежь слушали зарубежное радио, включались в джазовую культуру, создавали неформальные литературные объединения и так далее. Было ли нечто подобное в ваших краях?

Моя студенческая жизнь протекала чуть раньше – в конце 1950-х – из всего названного тобой у нас были только стилиаги. Более того, и я отдал этому дань, хотя на Дальний Восток мода приходила с большим опозданием. Были и у меня брюки дудочкой и ботинки на большой подошве. И меня чуть не исключили из института за стилиажничество. Но как-то достаточно быстро оно прошло. Что касается первой половины 1960-х, когда я уже жил в Н. Тагиле, то для нашего круга знакомых основной интерес был – КВН и поэзия. А среди поэтов, к сожалению, даже не «Серебряный век», не Ахматова или Пастернак и т. д. (к ним мы пришли гораздо позднее), а Евтушенко, Вознесенский и Рождественский. В целом – уже как социолог – могу сказать, что в провинции (и в Благовещенске, и – особенно – в Н. Тагиле) обстановка была проще и значительно свободнее. Возможно, поэтому и протест был не так заметен.

Итак, ты начал работать в Нижнетагильском пединституте. Это была преподавательская или исследовательская деятельность? Там произошло твое знакомство с социологией?

Начал я работать преподавателем философии (конечно, – марксистско-ленинской, другой тогда и не было). Сам приход в институт был связан с моим стремлением продолжить занятия наукой. Через несколько месяцев работы в ШРМ я поехал в Свердловск – в Уральский госуниверситет на кафедру истории. Но мне резонно объяснили, тема «Коллективизация в Амурской области в 1921–25 гг.» (по ней у меня было собрано много материалов еще в институте) в Свердловской области никого заинтересовать не сможет. Договорились, что я сдаю кандидатские экзамены и одновременно пытаюсь изменить тему применительно к региону. Подготовка и успешная сдача кандидатского экзамена по философии серьезно изменила мою судьбу. После экзамена, переговорив со мной о дальнейших научных планах, Леонид Михайлович Архангельский (он был очень душевным человеком и серьезным специалистом в области этики – или социологии морали, к созданию которой он стремился) предложил мне заняться «новой» и «интересной» наукой – социологией. В начале 1960-х гг. она для многих, увлекшихся этой наукой, была совершенно «новой». Более того, от

ее характеристики (в целом) как «буржуазной» лженауки начали отказываться, а истмат все чаще стали рассматривать как марксистскую социологию (намекая, ненароком, что и Маркс вообще был социологом). Мой ответ на предложение Архангельского был позитивным, все равно и в истории – при изменении темы – мне надо было начинать с нуля. И я подумал, что уже приобретенные в институте научные навыки – умение работать с книгой и умение переводить – помогут мне и в занятиях социологией.

Кстати, об умении переводить – это особая история. Еще в Пушкине я начал изучать английский язык с 1-го класса, но в Благовещенске в моей школе был лишь немецкий, поэтому до окончания школы я учил язык индивидуально. Институт и – особенно – армия прибавили к этому переводческую практику (я переводил «New Times», а когда наткнулся на неизвестное слово, обращался к «Новому времени», и лишь в крайнем случае – к словарю). В итоге – на кандидатском экзамене я получил лишь троечку (пять – за словарный запас и перевод, кол – за речь). Но в наше время именно такое – полумертвое – знание языка было важным. Не случайно, что и в кандидатской диссертации многое по теории культуры – переводные материалы, а докторская – как было принято – называлась «Критика буржуазных концепций «единой культуры», вообще основывалась на них. Завидую современным молодым, и свободно владеющим иностранным языком, и имеющим возможность читать многих (Фромм и т. д.) в переводе. Для нас они были в «спецхране» Ленинки или Всесоюзной библиотеки иностранной литературы, куда мы приезжали, их читали и переводили.

Занявшись социологией, я много читал (к середине 1960-х кое-что уже стало появляться, особенно – по методике исследований; но для всех нас самой поучительной стала книга «Человек и его работа» Ядова, Здравомыслова и др.) и – даже – провел свое первое эмпирическое исследование: обобщил сочинения своих учащихся ШРМ «Как они представляют свое будущее» (напомню, что в эти годы основным идеологическим ориентиром была Программа КПСС, обещавшая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»). Примечательно, что мои ученики – молодые и не очень – рабочие акцент делали не на будущем, а на проблемах сегодняшнего дня. Для меня в дальнейшем, когда с переездом в Свердловск пришлось возглавить кафедру научного коммунизма и читать этот курс, именно их подход стал определяющим.

Это обобщение «Нас 111, мы работаем и учимся» стало моей первой социологической работой. Пригласил меня в институт Фридрих Рафаилович Филиппов, под руководством которого мне посчастливилось проработать несколько лет, а самое главное – заметно

повысить свой профессиональный уровень как социолога. Ему удалось собрать на кафедре интересных, талантливых людей – в первую очередь выделил Юрия Павловича Петрова и Леонида Абрамовича Марголина, чуть позднее на кафедру пришел работать и Валерий Трофимович Шапко. В той творческой свободной атмосфере, которая царилась у нас на кафедре, работалось и писалось легко. За два года я подготовил (на базе нескольких эмпирических исследований) кандидатскую диссертацию «Культурный уровень молодого рабочего», которую в 1968 г. успешно защитил. Оппонентом по моей работе был Лев Наумович Коган, с которым была связана моя последующая научная (а во многом и личная) жизнь и дружба.

Я понимаю, давно все это было, и все же. Что удалось показать в том диссертационном исследовании? И потом, как ты думаешь, если изучить культурный уровень современного молодого рабочего, какого характера, содержания сопоставительные выводы можно было сделать?

Главная теоретическая идея – в отличие от преобладавшего представления о культуре как совокупности достижений (богатств, ценностей) – обосновать связь культуры с развитием личности, уровень культуры – это то, что освоено личностью, социальной группой (основной объект для меня с тех далеких дней и до сих пор – молодежь). В какой-то мере это было созвучно новым подходам в теории культуры в нашем обществоведении (это шире, чем социология) под влиянием знакомства и осмысления работ «молодого Маркса». Сегодня представляется, что ориентир на «молодого Маркса» в те годы был разумной (возможно, оптимальной) формой неприятия официального марксизма, зачастую развивавшегося теми, кто Маркса, может быть, и почитали, даже прославляли, но не читали и не понимали всей глубины его идей. Именно в эти годы рождалась самореализационная теория культуры Льва Наумовича Когана, где культура рассматривалась как мера реализации сущностных сил человека. И – как опытный педагог и наставник – он все свои идеи обсуждал и «обкатывал» с нами. В меру своего понимания этих идей каждый из нас и стремился реализовать их в своих работах и диссертациях. И если в моей диссертации культурный уровень рассматривался как противоречивое единство разных компонентов и блоков (аксиологический, нормативный, праксеологический), то другие исследовали механизмы самореализации в рамках отдельных видов культуры (многие из которых – из-за сведения всей культуры к эстетической, художественной – были изучены слабо – экономическая, экологи-

ческая, политическая и т. д. культуры). У Валеры Шапко, например, кандидатская диссертация была о политической культуре – на основе одного из первых в Союзе исследований. От трепа о политической сознательности советского рабочего мы уходили к серьезному (социологическому!) анализу, отражавшему противоречия в политическом сознании и поведении людей. Особенно значимой для нас была идея Когана о многообразии видов творчества (процесс, продукт и – самое главное – развитие потребностей и способностей самой личности). Не удивительно, что и модный в те годы ориентир «всестороннее развитие личности» мы трактовали не столько количественно, сколько качественно.

Поделись, пожалуйста, воспоминаниями о Ф. Р. Филиппове, о нижнетагильском, возможно – уральском, этапе его деятельности.

Фридрих Рафаилович был, прежде всего, замечательным организатором науки, благодаря ему в Нижнем Тагиле сложился и многие годы существовал один из серьезных социологических центров страны. Сказывалось то, что он до прихода в пединститут (где он был единственным проректором и все успевал) проработал заведующим Нижнетагильским горно (городским отделом народного образования). Сотрудничество с М. Н. Руткевичем определило основное направление его научных интересов – социальная структура, социальная мобильность (правда, они использовали более «марксистский термин» – социальные перемещения). И все-таки он вносил в разработку этих проблем свое, рассматривая образование как важнейший фактор мобильности (перемещения). Это позднее привело его к всестороннему социологическому анализу проблем образования, и он – по праву – является ведущей фигурой в возрождении и развитии отечественной социологии образования. Фридрих Рафаилович (как позднее и Коган) поражал и вдохновлял своих коллег огромной работоспособностью, позволявшей ему успешно сочетать административную работу с научной. Добившись многого в науке, еще живя в достаточно провинциальном Нижнем Тагиле, он имел моральное право требовать и от нас интенсивных занятий наукой. Никогда не забуду, как он вызвал меня на следующий день после возвращения из Свердловска и успешной защиты кандидатской, и весьма серьезно спросил, каковы мои планы работы над докторской диссертацией. Вряд ли этот разговор был для меня ведущим мотивом, но все-таки. По масштабам своей личности и вклада в науку Филиппов все более выходил на всесоюзный и международный уровень, часто участвовал в совместных исследованиях и конференциях. Для нас он был важнейшим каналом

получения свежей социологической информации, всегда охотно рассказывал о том, как развивается «наша наука». Поэтому переезд его в Москву нам был понятен, хотя для каждого из нас это было серьезной потерей.

Мне ничего не известно об исследованиях Ю. П. Петрова и Л. А. Марголина. По каким направлениям социологии они работают?

Юрий Павлович Петров сменил Филиппова в горно, а затем пришел к нам на кафедру и после отъезда Филиппова стал ее заведующим. Петров в социологии специализировался на проблемах воспитания. Он написал ряд очень интересных работ о школе и семье как агентах (актерах) воспитания. Он даже подготовил докторскую диссертацию, но защитить ее – по ряду объективных обстоятельств – не смог. Уже несколько лет его нет с нами, но память о нем на Урале и – особенно – в Нижнем Тагиле сохраняется. К его юбилею пединститут (ныне – социально-педагогическая академия) провел конференцию и издал сборник его работ. Понятно, что времена меняются, но мне кажется, что многие результаты его социологических исследований и сегодня помогли бы преодолеть то, что получило название «бездуховность», «духовный кризис» и т. д.

Леонид Абрамович Марголин пришел на кафедру (и в социологию) из горно-металлургического техникума, где он преподавал общественные дисциплины. Он довольно быстро (под руководством Когана) защитил диссертацию, глубоко и всесторонне рассмотрев в социологическом ракурсе проблемы профориентации. Трудно сравнивать, но, возможно, это был другой вариант научного поиска, близкого и одновременно совершенно самостоятельного – в сравнении с тем, что в это же время делали наши новосибирские коллеги. Но вообще Леонид Абрамович – замечательный знаток и любитель театра и телевидения, социология массовых коммуникаций стала для него жизненным делом. Позднее (уже после меня и Шапко, когда умерла его жена – замечательный тагильский врач Валентина Антоновна Перцева) он переехал в Екатеринбург. Человек огромной силы воли и души, он преодолевает нагрянувшие болезни и сохраняет неиссякаемый интерес к жизни. Дружба с этим интереснейшим человеком – один из важных моментов моей жизни. Как хочется, чтобы была возможность услышать от него новый анекдот, новость из Интернета и т. д., да просто встретиться. Даже в очень сложных ситуациях я постоянно думаю, как много на моем пути встретилось таких людей, как многому они меня научили, как сильно они на меня повлияли.

Ты мне немного говорил о дружбе с В. Т. Шапко. Пожалуйста, расскажи подробнее о нем как исследователе и человеке.

Среди этих людей Валера, Валерий Трофимович Шапко, занимает особое место. Если характеризовать его социологически, то он – типичный «рабочий-интеллигент» (был в тот период такой термин, отражавший неудовлетворенность схемой Руткевича «2 /класса/ + 1 /слой – интеллигенция/») и фиксировавший реальные изменения – интеллектуализацию труда рабочих под влиянием НТР) и, конечно, self-made man.

Первое мое знакомство с Шапко состоялось во время «КВНа», где соревновались команды «НТМК» (в ней был Валера) и «Вагонки» (за которую играл мой старший брат). Своим остроумием и широким культурным кругозором он привлек меня уже в тот момент.

Высшее историческое образование Шапко получил в УрГУ (Уральский государственный университет), но заочно. Реальные огрехи заочного образования он преодолевал самообразованием, тем более что в тот период книги были относительно доступны. В итоге его познания, не связанные с какой-то узкой вузовской программой, отличались и глубиной, и – главное – шириной диапазона. Единственное, что ему не удалось преодолеть, – иностранный язык. Перед защитой кандидатской диссертации самым сложным для него было не написать саму работу, а сдать кандидатский экзамен по немецкому языку. Помню, когда на другой день после экзамена он приветствовал Когана словами «Гутен таг, герр профессор», Лев Наумович мощным басом на весь этаж приглашал посмотреть на Шапко, заговорившего по-немецки.

Пока Шапко (иногда я буду писать Валера, я привык именно так говорить о нем) учился, он работал на Нижнетагильском металлургическом комбинате слесарем высшего разряда по ремонту КИП (контрольно-измерительных приборов). Отсюда – и его удивительный практицизм (проявлявшийся не только в умении делать почти все «своими руками», но и в негативном отношении к любому делу – «для галочки»). У меня, когда мы переехали в Свердловск, даже дети знали: если наконец-то отремонтирована розетка или подвешена люстра, значит, дядя Валера приехал. Но важнее другое – в любом исследовании (а мы их совместно провели за 33 года более 40) его интересовало, прежде всего, что мы по результатам сможем предложить, сможем изменить.

Молодой рабочий с высшим гуманитарным образованием, член КПСС – все это определило его приглашение на работу в Нижнетагильский ГК КПСС, в отдел пропаганды. Но партийная карьера не очень привлекала его, а присущая Шапко самостоя-

тельность и независимость во взглядах и в поведении не очень «гармонировала» с горкомовскими порядками. В итоге он начинает работу в Нижнетагильском пединституте, мы оказались на одной – «филипповской» – кафедре. Совместная работа переросла в дружбу, дружба определила совместное творчество.

Это творчество, действительно, было совместным. Я как-то, готовясь к юбилею, посчитал, что мы совместно написали более 150 статей, тезисов, книг. При этом по многим вопросам мы расходились в понимании, оценке и т. д. Наши споры нередко становились весьма «горячими» (и тут прибегали наши жены – моя Нина и его – Нелла). Но эта горячность никогда не выходила за пределы взаимной уважительности. Прервавшись на час-другой, мы приходили к общему мнению и начинали печатать дальше (или – пока мы печатали на «Оптиме» и не было еще компьютеров – возвращались и перепечатывали те страницы, которые вызвали спор).

Кандидатская Шапко была посвящена политической культуре и основана на исследовании (одном из первых в Союзе), которое мы провели под руководством Льва Наумовича Когана в Качканаре. Докторская – актуальной культуре (идея была подсказана Коганом). О характере Валеры, его безразличии к каким-то формальностям (даже таким, как защита докторской диссертации) лучше всего могут сказать его заключительные слова на защите: «Своей защитой я обязан инфаркту, высвободившему мне несколько месяцев для того, чтобы обобщить результаты исследований, и усилиям профессоров Когана и Вишневого, постоянно толкавших меня на этот шаг».

Если оценить, что же наиболее значимое мы сделали совместно с Шапко, то, прежде всего, я бы выделил подготовку трехтомника Л. Н. Когана, наше обобщение более 30 отчетов свердловских социологов и сведение их в единый сборник «Образовательное пространство: Свердловская область», учебник «Социология молодежи» (первое издание вышло даже раньше, чем учебник В. Т. Лисовского).

В 2014 г. пройдет конференция памяти Валеры, его нет уже почти 5 лет. К этой конференции я готовлю книгу по зарубежной социологии образования – на основе одной из последних наших с ним совместных статей.

Юра, неужели ты, тем более Шапко, проработавший в аппарате КПСС, не понимали, что по результатам исследований, даже если вы и могли что-либо предложить, вы ничего не могли изменить? Чтобы пояснить, что я имею в виду, процитирую фрагмент интервью с Т. И. Заславской: «Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З. И. Файн-

бург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследованию его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Или Свердловск и был именно тем городом? Как в целом у вас складывались взаимоотношения с властями?

Все было – и проще (аналогичных примеров я мог бы привести немало), и сложнее. Кстати, о примерах – нельзя не учитывать, что социологи (такова уж специфика нашей профессии) при достаточном уровне профессионализма выявляли целый ряд серьезных проблем. Достаточно сослаться на книгу «Человек и его работа», которая для нас, стремившихся проводить исследования объективно, была своеобразным ориентиром. Но в итоге получалось (после социологических исследований), что там, где они проводились, эти проблемы есть. Такие предприятия, города и т. д. (в данном случае не очень важно, что было объектом исследования) выглядели как «проблемные» – в отличие от тех предприятий, где такие исследования не проводились (а, значит, и проблемы – может быть, даже и более серьезные – не выявлялись). Это и порождало соответствующую реакцию у «заказчиков» или «инициаторов» (чаще всего – в лице парторганов и их отделов пропаганды или идеологических отделов).

Сталкивались мы и с более завуалированной формой. Когда инициатива разработки планов социального развития была поддержана на съезде КПСС, иметь такой план стало «делом чести». И нам посыпались заказы. По инициативе Когана в социальное планирование были внесены определенные коррективы – акцент на социокультурные индикаторы, изменение масштабов планирования (от уровня отдельных предприятий до территорий – планов районов, городов, областей, особенно интересным и во многом своеобразным был план развития культуры Омской области). Участие в исследованиях и разработке этих планов стало для нас и многих социологов нашего поколения замечательной школой социологического самообразования. Но судьба этих планов была различной. Где-то наши рекомендации были – после широкого обсуждения – использованы как руководство к действию. Если говорить о нас с Валерой, то наиболее действенной была судьба плана соци-

культурного развития микрорайона Выя (есть в Нижнем Тагиле такой микрорайон, где традиционное поселение оказалось тесно связанным с развитием современных предприятий). Возможно, эта действительность определялась нечетким административным статусом микрорайона, поэтому выявленные проблемы не имели определенного «виновника», зато было кому поручить их решение.

Но не менее часто наши (да и не только наши) планы социального развития ставили на полку и отчитывались перед проверяющими их «наличием». Конечно, это не могло особенно вдохновлять и быть стимулом к последующим исследованиям. Однако, перед каждым новым исследованием заранее предвидеть его судьбу мы не могли.

И тут важно отметить еще один момент, который обычно ускользает за обобщенным понятием «партократия». Среди «заказчиков» и «инициаторов» в партийных органах было немало (сужу лишь по своему, возможно, и ограниченному опыту) честных, порядочных, а главное – ответственных, болеющих за дело людей. Кстати, именно таким и был Шапко. Да, он из горкома ушел. Но сколько таких Валер оставались работать! И далеко не всех их система «перемалывала». Приведу, в частности, пример с организацией Уральских социологических чтений. Идея их проведения принадлежит лидерам уральской социологии Н. А. Аитову (Уфа), Л. Н. Когану (Свердловск) и З. И. Файнбургу (Пермь). Но первые чтения прошли в 1976 г. не в одном из этих городов, а в Ижевске. Почему? Коган объездил с предложением о проведении чтений все областные центры «Большого Урала». И лишь первый секретарь Удмуртского ОК КПСС В. К. Марисов «решился» провести это мероприятие у себя.

Другой пример – он связан с важной особенностью уральской социологии, где среди социологов были не только представители академической и вузовской науки, но и солидный отряд заводских социологов. Встала серьезная проблема их обучения. Наибольшая концентрация профессиональных социологических кадров была сосредоточена в Свердловске, ...но курсы заводских социологов были организованы в Челябинске. Причина – разное (мягко говоря) отношение в Свердловском и Челябинском обкомах КПСС к социологии и социологическим кадрам (кстати, это и ответ на вопрос: был ли Свердловск городом, где отношения власти к социологам было благоприятным; я – в основном – говорил о Н. Тагиле).

И, наконец, о нашем отношении. Понимали ли мы, что многие наши рекомендации не будут реализованы? В чем-то, безусловно, да. Но и нам, и даже Когану и Файнбургу (с Аитовым я встречался очень редко) была присуща надежда – в чем-то навеянная словами Маркса, надежда, что, если правильно «объяснить» мир, его легче будет «изменить».

Не будем сбрасывать со счета и отмеченный выше обучающий характер наших исследований, да и накопление эмпирических данных имело немалое значение – не представляю, как современная социология может развиваться лишь в теоретическом плане.

Юра, я благодарен тебе за появление в нашей беседе темы «планирование социального развития», в той или иной степени она затрагивалась многими из моих собеседников. Как ты думаешь, весь накопленный советскими социологами теоретический опыт в разработке этой проблематики, а также огромный эмпирический материал – это все лишь факт нашей истории или что-то в этом есть и на будущее?

Безусловно, с точки зрения накопленных материалов – это огромный социологический опыт (на котором учились, и неплохо, первые поколения российских советских социологов – по твоей хронологии), который – как учебный материал – должен широко использоваться при подготовке социологов (особенно – в плане методик и инструментария). В рамках социального планирования было выявлено немало проблем, большая часть которых не была решена и в то время (из-за невнимания к ним или отсутствия достаточных ресурсов). В том или ином виде, зачастую трансформированном, эти проблемы сохраняются и сегодня. Многие исследования, особенно проведенные на достаточном профессиональном уровне, могут быть основой для сравнительных исследований, для характеристики тех или иных социальных феноменов в динамике. Это позволило бы зафиксировать и глубокие качественные изменения, и сохранение многих стереотипов, и привычную инерционность общественного сознания (кстати, из неосуществленных совместно с Валерой планов – монография «Социальная инерция», у нас в начале 2000-х гг. появился ряд статей по этой проблематике. Но потом мы сосредоточились на подготовке трехтомника работ Когана, а в 2009 г. Шапко не стало. Как только закончу монографию о зарубежной социологии образования, если хватит сил, собираюсь вернуться к нашей старой задумке).

Выше ты упомянул о работе над кандидатской и докторской диссертациями, предлагаю вернуться к этому сюжету. Пожалуйста, вспомни, как велась подготовка диссертаций, все ли проходило гладко с защитами?

Моя кандидатская диссертация была посвящена изучению культурного уровня рабочей молодежи. Мне повезло, благодаря Когану, я оказался в центре дискуссии о культуре, которая в этот

период активно шла в нашем обществоведении. Ее суть была в отказе от узкоаксиологического понимания культуры как совокупности богатств, которые были накоплены человечеством. В противовес этому развивались самореализационная концепция культуры (на основе идей «раннего Маркса»), нормативно-технологическая концепция культуры, акцентировавшая роль норм и технологий в развитии культуры и др. Одновременно в научный оборот вовлекались произведения зарубежной культурной антропологии (чьи идеологические позиции показались не столь враждебными марксизму), что позволило акцентировать поведенческий, деятельный аспект культуры. Все это во многом облегчило разработку теоретического раздела диссертации. Материал для практического раздела составили результаты социологических исследований рабочей молодежи на крупнейших предприятиях Н. Тагила – Нижнетагильского металлургического комбината и Уралвагонзавода. Диссертация была подготовлена за два года и в 1968 г. защищена.

Как я уже отмечал, по инициативе Когана и Филиппова я сразу же начал работу над докторской. В 1972 г. вышла наша с Коганом книга «Очерки социалистической культуры» (Лев Наумович любовно называл ее «Полосатик» – из-за обложки). Тогда для защиты докторской диссертации нужна была лишь 1 монография. Но дальше дело затянулось – и из-за личных причин (у меня умерла мама, что надолго выбило меня из седла), а затем и из-за формальных, начало утверждаться «мнение», что нужно увеличивать сроки между двумя защитами – не менее 10 лет. Ожидание растянулось аж до 13 лет. Но они не прошли даром. Работа была посвящена «критике» буржуазных концепций «единой культуры» (а кто тогда «не критиковал» – даже И. С. Кон и Ю. Н. Давыдов), и ежегодно я по месяцу работал в Ленинке в спецхране, читая, переводя и накапливая материал, немало книг удалось получить и по МБА (межбиблиотечный абонемент). Одновременно на основе интенсивных исследований, которые мы совместно с Шапко проводили, накапливался и материал для двух «позитивных разделов», где было показано, как утверждается единство социалистической культуры (меня особенно интересовало межпоколенческое единство, взаимодействие инженерной интеллигенции и рабочих). При этом – и тут сказались относительная свобода в провинции – оказалось возможным не очень «лакировать» действительность, раскрывая противоречия этих процессов. В 1981 г. я защитил диссертацию, а уже через год по решению ОК КПСС был переведен на работу в Свердловск, где был избран завкафедрой научного коммунизма в Уральском политехническом институте.

Я люблю «коллекционировать» воспоминания о тех, кого я не мог проинтервьюировать... пожалуйста, напиши, в чем была суть подхода Л. Н. Когана к культуре?

В подходе Когана к культуре можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, в духе «франного Маркса» он обосновал «самореализационную теорию культуры». Культура рассматривалась не как сумма богатств, накопленных человечеством (и в чем-то – нечто внешнее для человека), а как мера самореализации человеком своих сущностных сил. В поле зрения при этом попадал механизм такой самореализации (потребности, мотивы, цель и смысл жизни). Соответственно качественно менялось и понимание творчества как созидания ценностей и благ культуры. В культурном творчестве, наряду с процессом и результатами творчества, акцентировалась проблема развития творческих способностей личности в этом процессе. Творчество человека, тем самым, рассматривалось одновременно не только вовне, но и как внутренний процесс – саморазвитие личности. Под этим же углом исследовалось и усвоение (освоение!) культуры – в нем выделялось не только (и не столько) потребление (в крайних формах порождавшее вещизм, потребительство), но и сотворчество (распространявшееся не только на режиссеров, актеров, исполнителей и т. д., но и на читателей, зрителей, слушателей и т. д.). Кстати, серьезное развитие у Когана получило представление о культурном процессе – как компоненты его он выделял и исследовал производство, сохранение, распространение, потребление. Наконец, важный момент – выделение и изучение различных видов культуры. Преодолевая узость бытовавшего подхода, когда культура фактически сводилась к эстетической (и еще уже – художественной) культуре, Лев Наумович – в 1960–1980-е гг. (!!) ставил вопрос о необходимости исследовать политическую, правовую, экологическую, экономическую, сексуальную и т. д. культуру. В каждом из видов культуры он считал необходимым выделять аксиологический, нормативный (технологический) и праксиологический (поведенческий) компоненты. Позднее – в рамках творческого общения с коллегами-социологами и культурологами (особенно – с М. С. Каганом, В. М. Межуевым, Ю. М. Лотманом и др.) он дополнил свой подход семиотическим и коммуникативным компонентами. Отмеченные инновационные трактовки культуры позволили Льву Наумовичу, отвергая распространенные идеологемы «всестороннего развития личности» и «социалистического образа жизни», акцентировать не количественные («все стороны»), а качественные характеристики саморазвития личности. При этом фактически получалось, что основным фактором поведения личности выступали не столько внеш-

ние требования, сколько выбор самой личности. Культура выбора рассматривалась как важнейшее качество личности, которое должно было быть сформировано у человека.

Как тебе кажется, что произошло с той культурой, которую ты изучал, и в тех группах, которые ты рассматривал, за прошедшие 30 лет?

Понятно, что основные изменения зафиксированы в обобщающих работах – в написанной совместно с Шапко «Социологии молодежи» (последнее – при его жизни издание – 2006 г.), подведшей итоги наших исследований за 30 лет, и в «Студенте–2012» – по итогам 17-летнего (1995–2012 гг.) мониторинга свердловского студенчества. Но не менее ясно, что интервью – это особый жанр, не предназначенный для пространственных научных обобщений.

Если кратко, то выделю ряд моментов. Прежде всего, заметно изменение отношения к образованию – из терминальной ценности (какой оно было для нашего поколения и даже для наших детей) оно все более становится инструментальной. Этому способствовал бурный рост негосударственного образования (чаще всего – некачественного; исключения – типа Гуманитарного университета в Екатеринбурге, где мы с Гарольдом Зборовским работаем многие годы, – лишь подтверждают общее правило). Но самое главное – введение ЕГЭ, которое не только не устранило коррупцию, но своей ориентацией на тесты убивает (есть опасение – в ближайшие годы окончательно убьет) творческое мышление. Еще одна нарастающая тенденция, хотя, возможно, и объективная, отражающая «третью профессиональную революцию» и становление транспрофессионализма, – депрофессионализация. Из года в год роль мотива «интерес к профессии» в выборе вуза снижается. Все чаще высшее профессиональное образование воспринимается молодежью просто как высшее образование. Это особенно негативно сказалось на подготовке массовых профессий (инженеров и педагогов, врачей пока не затронуло).

В области «молодежной культуры» произошли наибольшие изменения. Субкультурный принцип (когда те или иные феномены «молодежной музыки» были распространены во всех молодежных группах) сменился «стилевым», многообразие вкусовых предпочтений лишило молодежные музыкальные интересы не только целостности, но и устойчивости. Негативное влияние попсы дополнительно снижает уровень и качество этих интересов.

Резко сократился «институционализированный досуг» – посещение учреждений культуры (аудитория клубов и музеев все более становится детско-пенсионной). Чуть-чуть заметно оживление мо-

лодежной киноаудитории – с акцентом на технические параметры кинопродукции и комфортные условия просмотра. Seriously сократилась и молодежная телеаудитория: даже резкое увеличение числа каналов не помогло телевидению в конкуренции с компьютерами (особенно в связи с их резко возросшими возможностями для просмотра телепередач и фильмов). Но и здесь масштабы чаще всего приводят к снижению уровня и качества культуры молодежи. Еще один негативный момент, отразившийся в результатах исследований, – до 80 % молодых людей (даже студентов) воспринимают компьютер не как источник информации, а как развлечение («компьютерные игры»). Даже когда к компьютеру обращаются в учебных целях (подготовка рефератов, курсовых и т. д.), преобладает бездумное «скачивание» – без осмысления полученной информации. На этом фоне особенно тревожно сокращение среди молодежи читателей. Систематически читают художественную литературу 10–12 % школьников (за рамками обязательного списка книг) и студентов, газеты – 5–6 %, журналы – 15–17 % (но мода на «толстые» журналы – «Новый мир», «Октябрь» и т. д. – середина 1980-х гг. прошла, очевидно безвозвратно).

После «театрального бума» рубежа 1980–1990-х гг. наблюдается снижение интереса молодежи к театру. Это не исключает вспыхивающего время от времени интереса «интеллектуальной элиты» к экспериментальному, камерному театру или – применительно к «провинции» – к гастролям «столичных» театров. Но в общей массе молодежи эти феномены не меняют общей картины.

Наконец, завершить хотелось бы характеристикой тенденций в правовой и политической культуре молодежи. В рамках правовой культуры сохраняется отношение к закону как к чему-то необязательному. Произошел переход от бездумного исполнительства к неисполнительности, одновременно нарастают антиавторитарные настроения, что чревато отрицанием любых ограничений, норм.

В политической культуре сохраняется аполитичность молодежи, хотя мотивация ее за последние годы изменилась от безразличия к политике и трактовки ее как «грязного» дела – к осмыслению ограниченных возможностей – и личных, и молодежных – во влиянии на принятие и реализацию политических решений. Кстати, именно соображение «результаты выборов заранее predetermined», по мнению каждого второго студента в 2012 г., – главное, что мешает им участвовать в выборах. И казавшийся чем-то «неожиданным» всплеск молодежного протеста в России на рубеже 2011–2012 гг. в немалой мере был продиктован нежеланием нового поколения оставаться на «заднем» плане политической истории.

Постарался избегать оценочных суждений – с учетом нашего общего с Валерой подхода: «молодежь – не хуже и не лучше, она – другая». Но, кажется, не все получилось. Сказывается возраст? Ведь от нынешней молодежи меня отделяют 50 лет. Но старался не выходить за рамки результатов исследований.

Вернемся к описанию траектории твоей жизни... итак, в 1981 г. после защиты докторской диссертации ты переезжаешь в тогда еще Свердловск и возглавляешь кафедру научного коммунизма в Уральском политехническом институте. Прошло больше 30 лет... уже многие сегодняшние читатели не понимают, что такое «научный коммунизм» как исследовательская отрасль. А для завтрашнего – это будет полная загадка... пожалуйста, расскажи об основных направлениях деятельности твоей кафедры. И образовательной, и исследовательской...

Научный коммунизм я начал преподавать только в Свердловске. Но приехал туда с опытом многолетних социологических исследований, да и общественных дисциплин освоил немало (прежде всего, – философия, далее эстетика, этика, даже теория культуры – ведь я был деканом художественно-графического факультета). Отсюда мое видение и предмета «научный коммунизм», и назначения преподавателя этого предмета: наука о коммунизме, который еще надо построить и в котором надо будет жить, а это значит, что нужно лучше знать сегодняшнее общество, в том числе и с его проблемами, которые надо решать, с недостатками и противоречиями, которые надо преодолевать. Не скрою, андроповское «Мы плохо знаем общество, в котором живем» было мне созвучно. Свои лекции я начинал вопросом «по» Э. Бернштейну: «Научен ли научный коммунизм?» Но акцент ответа был другой – нужно, чтобы он был (и преподавался!) как наука. Само содержание курса (если опустить международные разделы) позволяло серьезно – социологически – рассматривать актуальные проблемы советского общества.

Молодежь кафедры восприняла мой подход нормально (правда, не обходилось и без перекосов, когда в критическом анализе ряд молодых коллег заходил слишком далеко). Поскольку я был «новым» заведующим, меня поддерживал и ректорат, и партком, и что самое главное – Л. Н. Коган, который был в это время завкафедрой научного коммунизма Уральского госуниверситета. Пользуясь этой поддержкой, я за три года отправил более 10 молодых преподавателей в аспирантуру. Большинство из них защитились, восемь человек позднее стали докторами наук.

Со средним и старшим поколением кафедры дело было сложнее. Часть из них (особенно Л. Д. Митрофанов, И. Ш. Ослянский, Л. Г. Пихоя – позднее она работала в Москве с Ельциным) пришли к моему подходу на основе своего личного социологического опыта. Кто-то сосредоточился на теоретическом (категориальном) анализе основных понятий – была и такая форма ухода от действительности. Для какой-то части кафедралов таким «уходом» был анализ первоисточников, хотя и им приходилось на семинарах отвечать на острые вопросы студентов.

Кафедра – это и научное подразделение. С моим приходом на кафедру оживились социологические исследования. В центре нашего внимания были социальные проблемы производственного коллектива – бригадный подряд, бригадные формы организации труда и стимулирования, соцсоревнование, трудовая дисциплина и т. д. Заказчики (за исключением «года Черненко», когда четко проявилось – «все назад») требовали от нас объективности и активно участвовали в устранении выявленных недостатков, тем более что они относились не к идеологической сфере, а к организационно-управленческой.

Одним словом, наша кафедра психологически была готова трансформироваться, и мы одними из первых в Свердловске после начала перестройки стали в 1987 г. кафедрой «Актуальных проблем социализма», а уже через год – «Кафедрой социологии и политологии».

Труднее всего было даже не с преподаванием «Научного коммунизма», а с государственным экзаменом, который как бы обобщал все общественные дисциплины. В составе комиссии были преподаватели со всех кафедр факультета общественных наук и нередко различие в подходах между ними проявлялось на студентах.

Чтобы все не выглядело слишком «розово», расскажу и о негативных моментах. Уже после начала перестройки мне на одном из заседаний парткома вынесли сразу два выговора. Один – из-за того, что мой аспирант ушел в церковь. До сих пор помню мой вызов к Ельцину (он еще был первым секретарем обкома) и его слова: «Коммунист должен быть воинствующим атеистом». Понятно, каким было мое отношение к его последующим «проявлениям демократизма».

Другой выговор был связан с жалобой одной из моих доцентов, что заведующий кафедрой научного коммунизма (!?) пересказывает студентам идеи буржуазных идеологов. В то время в курс научного коммунизма включили глобальные проблемы. И мне у одного американского социолога попала аббревиатура «5 б» – бомба, бульдозер, хлеб, СМИ, ребенок (на английском все они начинаются на b). Работа на худграфе приучила меня к значению наглядности. Вот и на лекции я это изобразил графически.

К счастью, перестройка развертывалась, и консерватизм и традиционализм отступали.

Завершить этот ответ хотелось бы ссылкой на своих студентов тех лет: за многие годы я ни разу ни от одного не услышал упрека. А это означает: даже преподавая «научный коммунизм», мы просто учили своих студентов «как жить» – без лозунгов и пропаганды.

Какие темы ты разрабатывал после защиты диссертации? Чем занимаешься в последние годы?

В 1980-е г., как я уже отмечал, основное направление наших исследований – социальные проблемы трудовых коллективов. Но по мере того, как перестройка выдыхалась, предприятия все меньше обращались к нам с заказами. Еще более плачевно это сказало на заводской социологии. Сколько квалифицированных социологов осталось не у дел! В лихие 1990-е сфера наших исследований (особенно – в начале их) резко сузилась – до сферы образования. Да и то нам повезло. Свердловское образование в те годы возглавлял Валерий Вениаминович Нестеров – человек, утверждавший научный подход к образованию. По его инициативе (за очень небольшие, но крайне нужные в те годы деньги) проводились разнообразные социологические исследования – социокультурный портрет учащихся, студентов, учителей, мотивация учебы, отношение к инновациям и т. д. Самым интересным было для нас с Шапко обобщение материалов разных социологических групп (Г. Е. Зборовский, Л. Я. Рубина, А. В. Меренков, Е. С. Баразгова и др.) и подготовка монографии «Свердловская область – единое образовательное пространство».

С середины 1990-х гг. активный интерес к социологическим исследованиям проблем молодежи стал проявлять Комитет по делам молодежи (позднее – Департамент). Мы провели целый ряд исследований, материалы которых были включены в Федеральные доклады о молодежи, которые тогда готовились систематически.

В 1995 г. мы провели первое исследование, цель которого – определить социокультурный портрет свердловского студенчества. Тогда никто и представить не мог, что это исследование станет мониторинговым и продлится до 2012 г.

В 2000-х гг. в основном мы проводили исследования по двум линиям: с одной стороны, это были федеральные исследования Российского общества социологов. Их позитивная сторона – они не требовали никаких затрат и способствовали интеграции социологов России. Все было просто – собирались заинтересованные социологи, обсуждали тему и инструментарий, договаривались о выборке, сами проводили, обрабатывали и публиковали... Так, был проведен

мониторинг «Война была вчера: Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010), исследование «Гражданская культура студенчества». Но заметна и ограниченность – изучали в основном студенческую молодежь.

В этом же ряду и совместное исследование, которое проведено на базе Харьковского национального университета, Белорусского государственного университета и нашего университета (2010–2012).

Второй путь – это исследования по грантам. Это и изучение престижа профессии социального работника, и формирование инженерной элиты, и проблемы дифференциации молодежи и ее профессионального самоопределения, и проблемы повседневности. Эти исследования позволили расширить тематику исследования, да и гранты – это пусть и небольшое, но дополнительное финансирование.

В последние годы у нас наладились тесные отношения с Министерством физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области. И вновь сказался человеческий фактор – министром был назначен профессор, доктор педагогических наук Леонид Аронович Раппопорт. Он инициировал проведение целого ряда исследований и, прежде всего, – социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом. Но каждое исследование мы должны были «выиграть» по тендеру. Интересно, те в Москве, кто придумал эту систему, понимают, что нельзя отдавать серьезное дело на волю случая (тем более – что критерий, кто запросит меньше)? Да и исходные ставки такие небольшие, что весь тендер ведет к сокращению даже их. Действительно, понимают ли, что фактически участие в таких тендерах для настоящих исследователей скорее определяется любовью к искусству, чем стремлением заработать?

В СССР на протяжении многих лет значительное число кафедр и лабораторий занималось проблемами социального планирования на производстве, а позже – на региональном уровне. Соответственно, исследования оплачивали предприятия, министерства. Кто и за разработку каких тем сейчас (в последние годы) финансирует проведение социологических исследований?

Практически я уже в основном ответил на этот вопрос в рамках предыдущего ответа. Добавлю очень кратко. Сегодня в рамках финансирования социологических исследований наметился перекося. В сфере политики (рейтинги, предвыборные прогнозы и т. д.) крутятся очень большие деньги, но, кроме китов «исследований» общественного мнения, большинство исследовательских фирм про-

фессионально не готовы к проведению качественных, объективных исследований («ошибки» «китов», о которых много говорили, особенно после выборов мэра Москвы, связаны отнюдь не с непрофессионализмом, вспомним, и у Гэллага были проколы). Зарабатывать деньги таким путем мне не хотелось. 19 августа 1991 г. (после 30 лет членства, подчеркну – членства, а не пребывания) я вышел из КПСС и дал зарок больше не участвовать в «политических играх». Что же касается исследования остальных социальных проблем, то их финансирование (особенно интересующих меня – с серьезной теоретико-методологической разработкой) весьма скудно.

Еще один финансово-проблемный момент: сегодня объемы финансирования науки (сколько зарабатывает кафедра, вуз) стали индикатором «эффективности». Но отмеченное выше ставит гуманитариев (среди них мы – социологи еще в относительно лучшем положении) в сравнении с технарями в неравное положение. Но возникает и социологический вопрос: эффективны ли подобные критерии эффективности?

Задам тебе ряд вопросов как многолетнему заведующему кафедрой социологии. Сколько сейчас преподавателей на кафедре, в том числе – профессоров и доцентов? Какова учебная нагрузка преподавательского состава и что с ней будет в ближайшие годы? Какова общая ситуация в России с учебниками по социологии?

Новая жизнь кафедры началась с ее реорганизации в кафедру социологии и политологии. Собственно содержательно – от научного коммунизма к социологии и политологии – осуществить переход большинству кафедралов было не столь сложно (сказывался предшествующий исследовательский опыт). Сложнее было в организационном плане – с отменой госэкзамена и льгот для обществоведов учебная нагрузка на каждого преподавателя возросла в 1,5 раза. Сказывалось и отсутствие учебно-методической литературы. Тут инициативу проявил Гарольд Зборовский – вместе с Г. П. Орловым они выпустили одно из первых пособий по социологии. Спустя несколько лет учебник по социологии для технических вузов подготовили мы с Валерой (он на данный момент дважды дорабатывался, 6 раз переиздавался). С середины 1990-х гг. начался своеобразный «бум» выпуска учебников и пособий по социологии. Но лишь немногие из них отличались – в содержательном и методическом плане – новизной и профессионализмом. Однако даже лучшие из них (отмечу в первую очередь учебники Ж. Т. Тоценко и Н. И. Лапина, учебники по общей социологии и истории социологии Г. Е. Зборовского и др.) были предназначены для сту-

дентов-социологов и могли использоваться преимущественно преподавателями.

К тому же постепенно в технических вузах аудиторная нагрузка стала сокращаться (многие годы у нас даже плановая нагрузка по социологии включала 18 лекций + 9 семинаров, реально выходило еще меньше). Переход к стандартам третьего поколения вообще сделал социологию дисциплиной по выбору (в итоге на физтехе и радиофаке «выбрали» психологию – с «аргументацией», что их выпускникам в практической работе чаще придется сталкиваться не с общими социальными проблемами, а с проблемами межличностных отношений в коллективе).

За многие годы преподавания социологии «технарям» появился определенный опыт. Такое преподавание не должно быть излишне теоретическим. Нет, научную планку опускать нельзя (это – неуважение своей науки), но важно расставлять акценты, не заикливаясь на категориальном аппарате, а стремясь развить у студентов социологическое мышление, умение понимать социальные проблемы, диагностировать и прогнозировать социальное развитие. Или иначе – не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры.

Порой создается впечатление, что наше понимание назначения преподавателя социологии не очень совпадает с ориентацией реформы высшей школы. И у меня нет особого оптимизма в отношении будущего социологии как академической дисциплины в вузах России (и не только применительно к студентам технического и естественно-научного профиля, но даже и к гуманитариям, студентам социально-экономического профиля).

И последнее – кафедра, которой я руковожу – «кафедра социологии и социальных технологий управления». За этим названием своя история. В середине лихих 1990-х гг. – на волне коммерциализации вузов (ее почему-то ограничивают появлением негосударственных вузов, хотя число студентов-контрактников в государственных вузах росло гораздо быстрее) стало ясно, что общеуниверситетские кафедры без своих студентов (т. е. не ставшие «выпускающими кафедрами») долго «не протянут» (или – скоро «протянут ... ноги»). Выжить в этих условиях нам помог опыт социологических исследований. Нет, мы не стали готовить социологов, хотя в родственных технических университетах (Пермь, Челябинск и др.) пошли (и довольно успешно!) этим путем. В Екатеринбурге их уже готовили во многих вузах (в УрГУ – у Когана, в УрГПУ – у Л. Я. Рубинной, в РГППУ, а затем в Гуманитарном университете – у Зборовского и т. д.). И мы решили воспользоваться опытом исследования организационно-управленческих проблем трудового коллектива и начать... готовить менеджеров. И вот

уже 18 лет готовим, выпустив более 3 000 управленцев. Наш опыт – подготовки менеджеров с «социологическим» уклоном себя полностью оправдал, и когда мы готовили менеджеров для социальной сферы, сферы услуг (с образованием Уральского федерального университета и избранной линией на «профилизацию» подготовку менеджеров сосредоточили в Высшей школе экономики и менеджмента, мы своих студентов доучиваем, но ниша «менеджеры социальной сферы» стала пустовать), и когда сейчас готовим кадры для государственного и муниципального управления (в рамках отмеченной «профилизации» кафедру перевели в Институт государственного управления и предпринимательства). Конечно, мы понимали и слабые стороны нашей подготовки (в первом случае это касалось экономических дисциплин, во втором – правовых дисциплин). Но понимая, стремились эти слабости или уменьшить, или устранить.

Все отмеченные организационные перемены сказались и на кафедре. Ее превращение в «выпускающую» и рост подготовки менеджеров привел к росту ее численности – в середине 2000-х гг. она была третьей по численности в УГТУ–УПИ – 75–80 человек (после двух кафедр иностранных языков). В последние годы произошло укрепление социологического ядра кафедры (защитили докторские диссертации А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, С. Ю. Вишневецкий, К. М. Ольховиков, вернулась на кафедру – уже доктором социологических наук – Е. Н. Заборова, перешли на кафедру Г. Е. Зборовский и Е. А. Шуклина). Не обошлось без потерь, самая невосполнимая – Валера. «Профильные» изменения последних лет привели к сокращению кафедры почти вдвое. Но и сегодня – по остепененности – она одна из первых в УрФУ (84 %). Сейчас мы боремся против дальнейшей «профилизации» и деления кафедры по профилям – «государственное и муниципальное управление», «менеджмент», «социология». Самое драматичное в этой ситуации – даже не возможность утраты годами накопленного опыта профессиональной подготовки, а то, как «разделить» преподавателей, часто ведущих дисциплины по двум и трем профилям?

Так или иначе, но говорят о существовании Уральской (Сибирской) социологической школы. Ты согласен с подобным утверждением? В чем ты вообще усматриваешь признаки социологической школы и в чем специфика Уральской (Сибирской)?

За Сибирскую мне сказать сложно. А в существовании Уральской – не только уверен, но и – как вице-президент Российского общества социологов по Уралу – в последние годы делал многое,

чтобы она сохранялась и развивалась. И дело даже не только в том, что в 2016 г. будет 40-летие Уральских социологических чтений, ставших за эти годы самостоятельным научным феноменом. Мы – ученики Когана, Файнбурга и Аитова (особо отмечу Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапка, С. Г. Зырянова, М. А. Слюсарянского, Ф. С. Файзуллина и многих-многих других) не допустили, чтобы «прервалась связь времен» даже в лихие 1990-е гг. Возникло своеобразное территориальное сообщество. И даже потери (в 2009 г. ушел из жизни Валера; совсем недавно не стало Марка Абрамовича Слюсарянского) воспринимались как общее горе. Нашу дружбу и научное сотрудничество не смогло разрушить даже решение о создании федеральных округов, когда Башкирия, Удмуртия и Пермский край оказались «вне» Урала. В этом решении был и один позитивный момент – в Уральский федеральный округ вошла Тюменская область и два автономных округа, тюменские социологи успешно влились в наше сообщество и уже дважды Уральские социологические чтения проходили в Тюмени (благодаря усилиям В. В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцева, К. Г. Барбаковой и многих других наших тюменских коллег и друзей). Существование уральской социологической школы не исключает, а, напротив, предполагает формирование и развитие самостоятельных территориальных социологических центров. И все мы активно участвуем в Когановских, Файнбургских, Аитовских чтениях, в Тюменском социологическом форуме, в различных научных конференциях в городах «Большого Урала». Долгое время важной особенностью уральской социологической школы было солидное представительство заводской социологии. Сегодня в силу разных причин уральские социологи в основном сосредоточены в вузах. Хотя и в этом есть плюс – в каждом из наших регионов активно развернулась подготовка социологов. В итоге неплохо идет воспроизводство нашего сообщества за счет молодых социологов-профессионалов. Да и на наших чтениях и конференциях проблемы и перспективы преподавания социологии все чаще занимают достойное место. К 25-летию Уральских социологических чтений мы подготовили монографию, обобщающую их материалы за эти годы. Сейчас вместе с Гарольдом Зборовским мы готовим новую монографию, дополнив ее материалами за последние 15 лет. И еще два характерных примера. К юбилею возрождения социологии в России в «Социсе» была помещена наша статья об уральской социологической школе. А в своем учебнике по истории социологии Г. Е. Зборовский (я уже отмечал его среди наиболее интересных отечественных учебников) выделил специальную главу об истории социологии на Урале.

В моей лестнице социологических поколений ты, я, наши ровесники принадлежим к 3-й профессиональной когорте, твои студенты – в основном, к младшей части 7-й (это те, кто родился в интервале от 1983–1994 гг.), но, возможно, среди первокурсников есть и родившиеся в 1995–1996 годах. Они – уже из 8-го поколения российских социологов. В 2058 году исполнится 100 лет современной российской социологии. Кто-то из твоих сегодняшних студентов будет на Конгрессе, посвященном этой дате, вспоминать своих учителей, безусловно, – тебя. Как ты думаешь, какое наследие мы, представители старших поколений, оставляем будущим социологам?

Как я уже отмечал, наша кафедра не готовит профессиональных социологов, но мы выполняем не менее важную (а в чем-то и более сложную) функцию – преподаем социологию технарям, управленцам, экономистам. И тут – повторю – стремимся не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры. Вряд ли наши сегодняшние выпускники вспомнят в 2058 г., кто такие Спенсер или Тард, что такое ролевое поведение или самоидентификация. Но если им удастся использовать в различных жизненных или производственных ситуациях навыки социологического анализа, то мы будем счастливы от сознания хорошо выполненного профессионального долга.

Спасибо, Юра, за сотрудничество, терпение к моим «что» и «почему». Но меня одно успокаивает: для общего дела.

Г. Е. Зборовский

«Я ОЩУЩАЮ СЕБЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРОФЕССОРОМ»

Гарольд, в Вашей краткой сетевой биографии указывается, что Вы родились в Баку. В этом городе давно жили ваши предки или судьба забросила туда ваших родителей? Вообще, пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье. Я заметил, у людей, имеющих историческое образование, это хорошо получается. И еще, какова история Вашего нечастого имени? Не Вы первый, кому я задаю такой вопрос. Я спрашивал Ж. Т. Тощенко о происхождении его имени Жан и Б. Г. Тукумцева о его имени – Будимир Гвидонович.

Я родился в Баку 17 сентября 1938 г. в семье служащих. Папа работал бухгалтером, мама – машинисткой. Насколько я помню из рассказов родителей, особенно мамы (она намного пережила папу, он умер в 1964 г., а она – в 2002 г.), в Баку они оказались потому, что там жили родители и родственники папы, и они могли помочь на первых порах молодой семье. До Баку родители жили на Украине в маленьких городках Гайсине и Тетиеве, в этом смысле они были самыми настоящими местечковыми евреями. Мой единственный брат (ему недавно исполнилось 80 лет) родился в Крыму (Евпатории), он живет в Уфе. Видимо, жизнь в Крыму была непростой, и родители вскоре переехали в Баку.

Сразу о своем имени, его историю мне рассказала мама. У нее была любимая подруга, армянка, у которой родился на полгода раньше, чем я, сын. Мальчика назвали Гарик. Маме он очень нравился, и она договорилась с папой, что если родится мальчик, они его тоже так назовут. Когда я появился на свет, меня назвали Гариком. Но когда родители пришли в ЗАГС меня регистрировать, инспектор стала их всячески отговаривать от этого имени. Главный аргумент был такой: пока мальчик маленький, это имя звучит хорошо, но когда он вырастет, его должны будут называть Гарик Ефимович. Хорошо ли это будет для него? Родители растерялись, и она им предложила модное в то время имя Гарольд (Гарольд

Ллойд и пр.), при этом она их убедила, что сочетание «Гарольд Ефимович» очень звучное и красивое. Так я стал обладателем этого сочетания. Естественно, дома меня все всегда звали Гариком, и сейчас брат зовет также. Справедливости ради скажу, что мне до самого зрелого возраста взрослое имя мое не нравилось, равно как и детское. Когда я поступил в университет, то назвался Игорем. И те, кто учился со мной и все еще жив, до сих пор так меня и зовут, а когда по телевидению и радио (мне нередко приходится выступать с какими-либо комментариями, особенно по «Эхо Москвы») слышат подлинное имя, страшно удивляются, даже звонят и говорят об этом. Кстати, мое трудное имя очень легко научились менять школьники: первые четыре года после университета я учительствовал в школе, преподавал историю, и дети меня звали «Король Ефимыч» (похоже, я для них действительно был королем: ходил с ними в турпоходы, играл в шахматы, баскетбол, настольный теннис, вел хор, конечно, исторический кружок и делал много всякого другого, поэтому авторитет был непререкаемым, и учились дети хорошо, а про дисциплину и говорить не приходилось). Такова история моего имени.

Теперь о родителях. Папа, несмотря на то, что имел только среднее образование (10 классов) и инвалидность «пятой группы» (это означает пятую графу в анкете – национальность), быстро продвигался по служебной лестнице, становился старшим и главным бухгалтером (в частности, на заводе Паркоммуны в Баку). Видимо, он был способным специалистом, вводил механизацию в бухучете и еще делал что-то такое, в чем я не разбираюсь. В 1948 г. семья переехала в Одессу, где вскоре отец стал главным бухгалтером Черноморского пароходства. В Одессе мы прожили всего четыре года, и в 1952 г. переехали на Урал, в Уфу. Причины этого переезда мне рассказал папа незадолго до своей смерти (он умирал мучительно, от рака желудка, и я целое лето просидел у его постели; когда он не чувствовал сильных болей, то кое-что мне рассказывал). Эти причины были связаны с известным «делом врачей», к которому, конечно, он не имел никакого отношения, но был евреем. Когда в Одессе начались эти события, папа был в командировке в Москве и сдавал какой-то отчет о работе пароходства министру финансов Звереву. Тот лично знал отца, очень высоко его ценил, поскольку он одним из первых в стране вводил механизацию счетного дела (папа даже получал от него конверты с деньгами – персональную министерскую зарплату или надбавку, не знаю, как правильнее сказать). Зверев спросил отца, понимает ли он, что происходит, и как видит для себя лично последствия этого «дела», на что папа ему сказал, что, конечно, все понимает и уверен, что будет снят с работы, как минимум, а возможно, прои-

зойдет что-либо похуже... Тогда министр тут же предложил ему написать заявление начальнику пароходства с просьбой о разрешении перевода на другую работу, в г. Уфу. В то время там строились очень крупные нефтеперерабатывающие заводы. Министр предложил папе стать гл. бухгалтером строительства и эксплуатации одного из них с получением в течение двух месяцев квартиры и последующим переездом туда семьи. Папа, не раздумывая, согласился, министр подписал его заявление и послал его правительственной телеграммой в Одессу. На следующий день папа вылетел из Москвы в Уфу, «принял» завод, а через 1–2 месяца приехал в Одессу за нами.

Мама всю жизнь, вплоть до пенсии, проработала машинисткой – сначала рядовой, а последние лет 15 – начальником машбюро. Когда-то это была очень нужная и популярная профессия, впрочем, она давно исчезла. Особенно ценились грамотные машинистки, за них всегда шла борьба. Мама была очень грамотной и, насколько я помню, пользовалась большим уважением в коллективе.

Где прошли Ваши школьные годы? Чем запомнилось Вам то время? Каковы были Ваши интересы?

Учился я в школах Баку, Одессы и Уфы, причем в каждом городе занимался одновременно в двух школах – обычной и музыкальной, по классу скрипки. В Уфе, закончив музыкальную семилетку, параллельно с общеобразовательной школой я учился и в музучилище. Летом, в каникулы, работал скрипачом в оркестре кинотеатра «Победа». Помните советские кинотеатры 1950–1960-х гг. в крупных городах, где в течение получаса перед вечерними сеансами оркестры исполняли популярную музыку? Я получал большое удовольствие и осваивал практику игры «с листа». Потом она меня сильно выручила, когда я после окончания школы и училища в 1955 г. приехал в Свердловск, чтобы поступать в университет. Через год, обучаясь в университете на истфаке, я устроился работать в эстрадно-симфонический оркестр, победив в конкуренции с более сильными по технике скрипачами за счет именно навыков игры «с листа».

Школьный период жизни оказался крайне важным для меня. Учеба в двух школах, любовь к спорту, особенно к баскетболу и шахматам, заставили меня ценить время и рационально использовать его. Думаю, что первая в социологии моя научная страсть и интерес – сначала к свободному времени, а затем и к социальному времени – коренятся в школьном детстве. Я буквально кожей чувствовал время, без часов на руке днем я определял время с точностью до 10–15 мин., а ночью – до 30 мин. (специально много-

кратно проверял). Мои школы – обычная и музыкальная, а потом и музучилище – как правило, находились далеко друг от друга, что усложняло и без того непростую жизнь. А ведь помимо уроков в них, нужно было дома играть на скрипке часа по 2–3 в день и еще выполнять школьные домашние задания. Пишу обо всем этом, вспоминая и думаю, неужели сейчас я выдержал бы такой напряженный ритм.

Вы жили в Уфе, крупном промышленном городе, и был бы естественным Ваш выбор какой-либо технической профессии; откуда такой интерес к истории, что Вы решили поступать на исторический факультет? Как Вам виделась тогда Ваша будущая работа?

Мой выбор профессии никак не был связан с особенностями города, его промышленно-технического профиля. Я изначально был предрасположен к гуманитарному, точнее социогуманитарному знанию. Не могу сказать, что безумно любил историю, скорее отдавал предпочтение литературе, очень интересовался географией (экономической). Сейчас, по прошествии почти 60 лет, думаю, что главным был интерес к социальной и даже к политической проблематике. Кроме того, я ведь был еще и музыкантом по профессии. Главный выбор был между университетом и консерваторией. Тогда, а мне еще не было и 17 (я поступал в вуз за несколько месяцев до этого возраста), я понял, что приличного скрипача из меня не получится, и даже закончив консерваторию, я буду сидеть в оркестровой яме, чего мне очень не хотелось. И выбор был сделан в пользу университета. Дома мне пришлось выдержать настоящий бой с отцом, который был категорически против гуманитарного образования и настаивал на том, чтобы я, во-первых, не уезжал из Уфы, а, во-вторых, поступал в нефтяной институт. Поскольку он был главбухом крупнейшего нефтеперерабатывающего завода, у него были тесные связи с руководством этого вуза, которому завод помогал, брал на практику студентов, выпускников и т. д. Папа гарантировал мне поступление в этот институт, при этом он был не уверен в том, что в Свердловске я поступлю в университет. Конкурсы были очень большие. На истфак, когда я поступал, конкурс составлял 12 человек на место, а проходной бал оказался предельно высоким – 25, мы сдавали 5 экзаменов. Кроме того, был еще один работавший против моей поездки в Свердловск аргумент; я был евреем, на истфаке в те годы – явление крайне редкое. Папа меня об этом предупреждал, и здесь он чуть было не оказался прав: при поступлении, точнее при сдаче экзамена я впервые столкнулся с откровенным антисемитизмом; чего потом в моей

жизни, к счастью, было не так много. Я сдавал последний экзамен по географии, до этого у меня были четыре пятерки. Отвечал я на «отлично», что отметил преподаватель. Он сказал, что ответ абсолютно пятерочный, открыл экзаменационный лист, чтобы поставить оценку, прочел вслух фамилию, имя и отчество, посмотрел на меня и спросил, кто я по национальности. Естественно, я мог соврать, но не стал этого делать, и сказал как есть. И в ответ услышал: «Тогда я вас буду спрашивать еще». Он мне задал очень много вопросов, сложных, рассчитанных на знание каких-то мелких фактов. Я удивляюсь до сих пор, что ответил на все его вопросы. Конечно, он мог поставить мне любой бал, ведь контроля не было никакого. И для меня было просто удивительно, что длившаяся целый час экзаменация завершилась все-таки отличной оценкой. Так я оказался студентом истфака.

В студенческие годы какие области истории Вас особенно привлекали? Повезло ли Вам с преподавателями? Мне кажется, что в годы Вашего студенчества история была очень идеологизирована, так ли это?

Вы знаете, ни одна из областей истории не вызывала у меня особого интереса. Его вызывали скорее отдельные преподаватели. Среди них я бы выделил в первую очередь выдающегося византиста профессора М. Я. Сюзюмова, который свободно владел шестью иностранными языками, перевел целый ряд важнейших источников, касавшихся экономической жизни Византии во времена Юстиниана, Феодоры и других. Вот уж кто был напичкан знаниями. Его можно было слушать бесконечно, хотя он не был оратором. Говорил тихо, повторяя многие фразы, тряс при этом головой. Любили его слушать немногие. Он читал лекции в длинной аудитории (студенты ее называли «кишкой»), кто хотел слушать, садились за первые столы. Остальные могли играть в шахматы, в карты, болтать, вязать, делать что угодно, он ни на кого не обращал внимания. Иногда он мог перейти с русского на латынь или греческий, и когда студенты ему робко говорили о том, что им непонятно, он обычно отвечал, что «вы все равно ничего не поймете». Потом Сюзюмов пригласил меня к себе в аспирантуру, но я уже сделал другой выбор – в пользу социологии (1963 г.).

Если же продолжать разговор о преподавателях, которые оказали на меня самое сильное, если не решающее, влияние в выборе дальнейшего пути, то абсолютно однозначно, не колеблясь ни минуты, должен сказать, что это был Лев Наумович Коган. Он преподавал у нас и диамат, и истмат, и историю философии. Лекции читал он просто великолепно. В них и в него самого мы все были

просто влюблены (о его роли в моей жизни я еще скажу дальше). И хотя это были лекции по философии, а не по социологии (тогда, в 1956–1958 гг., этого слова мы даже не знали), сам его подход к анализу общественных явлений и процессов был по духу своему скорее социологическим. Конечно, вряд ли тогда это осознавалось в полной мере даже им самим. Я бы сказал, что лекции Когана были не просто содержательными и очень четкими по позициям, но эффектными, яркими, даже красивыми. Те, кто слушал его и знал манеру его выступлений, помнит, каким он был блестящим оратором.

Это было время, когда любая лекция и любая статья (не говоря уже о книгах) начиналась и завершалась ссылками на партийные документы, работы Маркса, Энгельса, Ленина и до 1956 г. – Сталина. Идеологизированной была не только история, но и все остальное (исключая разве что математику, но нам ее не преподавали: а, может быть, и в ней что-то находили?). Вбито в голову все было очень сильно, если сравнивать с гвоздем, то по самую шляпку. Поэтому избавление от этого впоследствии было тяжелым и мучительным для очень многих. Для себя не делаю исключения. Но мне было, как мне кажется, чуть легче, чем другим. Это было связано с тем, что, начиная с 1963 г., я стал читать зарубежную социологическую литературу. Преподавание философии в вузе и научная работа в области социологии, начавшиеся синхронно с осе- ни этого года, постепенно стали менять мои идеологические представления.

Выпускники университетов обычно не идут преподавать в школу. Вы стремились стать учителем истории или так «сложилось»?

Я не соглашусь с такой постановкой вопроса, точнее, его первой частью. Университет университету – рознь. МГУ, ЛГУ – да. Выпускники этих вузов в школу направлялись редко, чаще – преподавать в вузы или шли в НИИ. Но провинциальный университет, а именно таким и был Уральский госуниверситет им. Горького (УрГУ), готовил специалистов по большей части для работы в школе. Это вовсе не значит, что так оно и получалось у выпускников. У нас был очень сильный курс, и после нескольких лет обязательной работы в школе по распределению (причем не только в городской, но и в сельской) многие из школы уходили. Из студентов моего курса человек пять защитили докторские, с десятком – кандидатские диссертации. И у меня не было большого выбора, ибо в аспирантуру брали только после обязательной отработки в школе. Для меня же эта дорога была закрыта по вполне понятной причине –

национальности. Было и еще одно требование – партийность, которое оказывалось также несовместимым с этой же причиной.

Спустя четыре года после работы учителем истории в школе я попытался поступить в заочную аспирантуру – уже не по истории, а по философии (реально – по непризнанной в те годы в качестве профессии социологии – 1963 г.), но тщетно. Заведующий кафедрой мне намекнул, что, была бы его воля, он взял бы меня, но... Так что мне пришлось идти другим путем.

Поэтому могу сказать, что, с одной стороны, я стремился стать учителем истории, и эта работа мне очень нравилась. Я всегда говорил и повторяю это сейчас: школа была для меня настоящей школой жизни. Я очень многому в ней научился. У меня в школе многое получалось (хотя далеко не все), и из меня со временем мог бы получиться приличный учитель. По крайней мере, знаниями я был напичкан, как хорошая бочка – селедкой (сравнение несколько грубоватое, но мне нравится). А именно таких знаний и не хватает (и в то время это было так, и сейчас, как мне кажется, мало что изменилось) многим учителям. И если дети ходили за мной «табуном», то это получалось только потому, что им было со мной интересно, что я им много рассказывал из того, чего в учебнике не было, что играл с ними в шахматы, баскетбол, настольный теннис, ходил в турпоходы, руководил хором и т. д. В школу я уходил к 8 ч. утра, а возвращался после 8 вечера, хотя самих уроков было не так много – всего 18 ч. в неделю (это была ставка, за которую платили 68 руб. в месяц).

С другой стороны, то, что я стал учителем истории, оказалось неизбежным следствием существовавшей ситуации, – я в принципе больше никем сразу стать тогда не мог. Нужно было поработать в школе – в качестве необходимого первого этапа профессиональной жизни, и только потом искать что-то другое.

Тормознем слегка хронологический ряд рассказа. Л. Н. Коган – очень яркая фигура в российской социологии, пожалуй-ста, расскажите о нем, о его роли в вашей жизни. Здесь же хотелось бы узнать о ваших конференциях памяти Когана.

О Льве Наумовиче могу рассказывать бесконечно, все-таки личное знакомство с ним, которое продолжалось с 1956 г., когда я впервые услышал его лекции и сдал ему первый экзамен (по диамату), будучи студентом 2-го курса, и по 1997 г., когда он умер (я был у него дома за 3 дня до смерти, которая наступила после тяжелой болезни 15 июля), дает мне такое право. Он никогда не был моим формальным научным руководителем, зато был дважды официальным оппонентом – на защите кандидатской и докторской.

На самом деле, конечно, я считаю себя его учеником и горжусь тем.

В память о Когане ежегодно проводятся у нас Коганские чтения, приобретшие статус международной конференции. С 1997 по 2013 гг. было проведено 16 научных конференций. С гордостью могу сказать о том, что на каждой из них я выступал с пленарным докладом. Это – моя дань памяти любимому ученому и человеку. Каждый учебный год на первом курсе социологического факультета Гуманитарного университета (я был его деканом вплоть до января 2012 г.) я начинал лекцией о Л. Н. Когане как основателе Уральской социологической школы, его вкладе в социологию.

Не могу не сказать специально о двух любимых учениках Л. Н. Когана – профессорах Ю. Р. Вишневецком и В. Т. Шапко (последний умер несколько лет назад), которые сделали очень много для сохранения памяти о Л. Н. Когане. Достаточно назвать двухтомное издание его избранных трудов с 1961 по 1997 гг. общим объемом около 50 п. л., опубликованное в 2009 г. (редакторы-соавторы Ю. Р. Вишневецкий, Г. Е. Зборовский, В. Т. Шапко). Боюсь, что, говоря о Когане, многих вещей я не коснулся, а что сказал – выглядит несколько сусально. Но так уж получилось.

А как сегодня екатеринбургские социологи оценивают деятельность Михаила Трифоновича Иовчука и Михаила Николаевича Руткевича? Об Иовчуке очень мало написано, хотя советская социология во многом началась с его исследования по рабочему классу и технической интеллигенции.

Михаила Трифоновича Иовчука сегодня почти никто не помнит на Урале, разве что профессор Г. П. Орлов, который учился в аспирантуре на кафедре диамата и истмата в УрГУ, когда ею завывал Иовчук. Он ведь был сослан на Урал после какой-то неприятности, которая у него была в то время, когда он был секретарем ЦК КП Белоруссии по пропаганде (конец 1940-х гг.). На Урале он пробыл несколько лет, точно даже не помню, в каком году он снова оказался востребованным в Москве. Мне довелось его лично знать и даже бывать у него дома в Москве на Ленинском проспекте. Это было в 1968 г. Я был молодой доцент, находился на пятимесячных курсах повышения квалификации в ИПК при МГУ, а он читал лекции слушателям. Я даже был старостой этой группы (по его настоянию), поскольку он благоволил к уральцам, и на меня это отношение распространялось автоматически. Именно в это время его назначили ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС, чем он страшно гордился. Последние лекции курса он читал через раз, поскольку был очень занят на новой работе. Но

зато всегда приносил с собой новые факты о том, что происходило в это время в Чехословакии. От него мы многое и узнавали, что было очень важно, поскольку, как известно, информацией нас об этих событиях, мягко говоря, не баловали. Что касается участия Иовчука в исследованиях рабочего класса и научно-технического прогресса, то он ими только руководил и обеспечивал публикацию материалов. Главную же работу делал Л. Н. Коган и его люди.

Здесь не могу не сказать о взаимоотношениях Иовчука и Когана. Это удивительно, как у таких разных во всем людей могла быть такая взаимная любовь. Я понимаю, откуда это чувство у Иовчука: он любил Когана как родного сына, что и понятно. Коган был необычайно талантлив и работоспособен. У них была масса совместных публикаций, причем не только в 1960-е, но даже в 1970 и 1980-е гг. Нетрудно догадаться, кому принадлежала львиная доля авторства. В конце 1980-х – 1990-е гг., когда мы очень сблизились с Л. Н., я ему задавал не раз вопрос о его отношении с Иовчуком. Без всякого энтузиазма и желания развернуто обсуждать эту тему он говорил о том, что многим обязан Иовчуку. И я его понял. В тяжелые годы антисемитизма (1950-е) Иовчук действительно, не раз защищал Когана, хотя тот ни в чем не был замешан, разве что был «виноват» в испорченной анкете. Мне рассказывали такой эпизод. На кафедре Иовчука, где работал и Коган, в то время был аспирантом (а может быть доцентом, не знаю) В. Гаврилов (потом он ушел работать в партшколу). Когда в 1952 г. началась история с врачами, Гаврилов посетил лекцию Когана и на заседании кафедры начал ее разносить, произнеся такие слова: «В то время как весь советский народ борется со своими врагами – еврейскими врачами, Коган позволяет себе...» И пошло, и поехало. Иовчук остановил Гаврилова, сказал, что ему стыдно за него и велел ему выйти вон. Конечно, Иовчук рисковал сильно, но все прошло нормально, Коган остался работать. Я думаю, что этого, а, вероятно, и еще каких-то вещей, он не мог забыть, и его отношение к Иовчуку всегда было очень трепетным. Кстати, я слышал не только от Л. Н., но и от других о порядочности Иовчука. Несмотря на то, что Иовчук способствовал продвижению Когана и часто оказывался его соавтором, в социологии он мало что понимал. По-моему, она была ему неинтересна.

Вторая часть вопроса – о М. Н. Руткевиче. Честно скажу, что это тот случай, когда я вынужден сказать: «О покойниках или хорошо, или никак». Хорошо не могу, слишком много зла он мне причинил в жизни. Началось с того, что я отказался идти работать к нему на кафедру (после отъезда Иовчука он стал заведовать той же кафедрой). И он меня сразу предупредил: Вы еще горько пожалуете о своем отказе. Я ему был нужен, чтобы переводить зару-

бежные тексты с английского и французского, а я этого не хотел. Никогда не жалел о своем отказе, а он мне мстил за это много лет. На этом, пожалуй, я остановлюсь в своих личных оценках. Иначе придется вспоминать, какие методы он использовал в этой мести, чего совсем не хочется делать. Что касается отношения к нему среди городских социологов, то есть несколько человек, которые являются его личными учениками. Вероятно, они его помнят. Но я с ними на эту тему не разговаривал – не интересно. Знаю только, что вплоть до окончания жизни (а умер он после 90 лет, причем всегда гордился тем, что был ровесником Октября, родился 7 ноября 1917 г.) он интересовался тем, что делается в городском мире философов и социологов.

...мы остановились в разговоре о вашей жизни, когда Вы были учителем истории в школе. Что заставило Вас или что повлияло на вас, что вы решили идти в науку? Как это происходило? Было ли это движение сразу в социологию или были какие-то промежуточные ступени?

Работая учителем в школе, я понял, что надолго в ней не задержусь. Не потому, что мне в ней было некомфортно, как раз наоборот, мне нравилась профессия педагога. Но в то же время тянуло в науку, причем первые два года работы в школе (а это были школы в г. Уфе, куда я поехал работать после окончания университета) я не осознавал до конца, чем хочу заниматься в науке. И тогда я решил сдать кандидатские экзамены. Я прикрепился для этого в Башгосуниверситет и за год, второй сезон работы в школе, сдал английский язык и диалект с истматом. В 1961 г. я по семейным обстоятельствам переехал в Свердловск и поступил работать вновь в школу историком. В это время в Свердловске начала исследования научная группа Академии педнаук СССР. В ней работали опытные педагоги, только началось преподавание обществоведения в школе, что меня особенно привлекало. Я приглянулся этим людям как молодой учитель, тем более что у меня были сданы два кандидатских экзамена и открывался простор для написания диссертации. И именно в это время, примерно с 1962 г., я стал задумываться о работе не в педагогике, а в сфере науки, о которой почти ничего не знал, но именно поэтому и хотелось попробовать в ней свои силы. Это была социология, о которой в начале 1960-х гг. не знал не только я, но и подавляющее большинство тех, кто работал в общественных и социально-гуманитарных науках.

Здесь произошла история, которая сильно подтолкнула меня к выбору дальнейшего пути. В 1963 г. меня рекомендовали (все та же научная группа АПН) для приема вступительных экзаменов по

истории в Свердловский юридический институт. Я принимал экзамены в июле-августе с завкафедрой истории государства и права Б. Ф. Ливчаком; через несколько лет он блестяще защитил докторскую диссертацию. Это был умнейший, интеллигентнейший и образованнейший человек, при этом он оставался всегда предельно деликатным. Мы с ним вели долгие и очень интересные разговоры. В конце концов он мне сказал: А почему бы Вам не пойти к ректору и не попроситься на работу в институт? Я так и сделал. Я просто пришел к ректору и сказал: «Хочу работать у вас в институте на кафедре философии». Ректор очень удивился и спросил меня, кто я такой и что знаю и умею делать. Я сказал, кто такой, назвал три сданных кандидатских экзамена (к этому времени я, работая в школе Свердловска, сдал еще один экзамен по французскому языку, хотя никакой необходимости в этом не было, просто хотелось самостоятельно изучить этот язык). Сказал также, что в вузе не преподавал, делать это не умею, но очень хочу научиться, хочу стать хорошим педагогом и заниматься социологической наукой. Ректор удивился еще больше, поскольку о ее существовании только смутно догадывался, он был юристом, специалистом по международному праву, но не знал точно, что это за наука; последнее, естественно, плохо представлял тогда и я. Однако, увидев страстное желание молодого человека, вызвал исполняющую обязанности заведующей кафедрой (сам завкафедрой – Г. П. Орлов, с которым я познакомился на ноябрьской демонстрации 1963 г. и с тех пор дружу вот уже 50 лет, осенью, я надеюсь, мы отметим с ним эту круглую дату, сейчас он уже не работает, на пенсии, скоро ему исполнится 85 лет, и дай Бог ему долгой жизни и здоровья – уехал в Москву в ИПК), поручил ей найти для меня почасовую нагрузку и походить на мои занятия. Занятия, видимо, были признаны не самыми плохими (у меня за плечами была четырехлетняя работа в школе, так что методикой преподавания я владел довольно сносно), и меня взяли в штат.

Переход в вуз означал для меня начало новой жизни, новой, большой работы, и в ее «омут» я самозабвенно «кинулся». Мне очень нравилось работать со студентами, я читал им диамат. Но главной стала работа в области социологии. Об этом следует сказать подробнее, поскольку именно с осени 1963 г. все началось. Было это так.

Как я уже говорил, на ноябрьские праздники 1963 г. из Москвы приехал зав. кафедрой философии Георгий Петрович Орлов. На демонстрации мы с ним познакомились, сразу, буквально в одну секунду почувствовали взаимное расположение и подробно поговорили о том, чем бы я хотел заниматься. Я ему сказал, что только социологией. Тогда он поднял вверх указательный палец, сказал

«О!» и тут же мне предложил тему. Дело в том, что в Москве, в ИПК он начал заниматься проблемой свободного времени. Его научным руководителем там был М. Т. Иовчук. И он ему – Г. П. – сказал, что только что приехал из Парижа, и сам этой проблемой активно занимается, далее цитирую Иовчука со слов Орлова – «то ли Мумазедье, то ли Дюмазедье». При этом Иовчук сказал, что если бы нашелся парень, который владеет, хотя бы плохонько, иностранным языком, то было бы здорово, потому что нам надо заниматься критикой буржуазной социологии, а что такое буржуазная социология досуга, никто толком не знает. По существу я получил предложение и тему. Судьба моя была решена, и безвозвратно. Здесь я перейду к ответу на следующий вопрос.

Не припомните, по каким отечественным и зарубежным книгам Вы осваивали теорию и методы социологии?

Я представляю то старшее поколение отечественных социологов, которое не имело возможности получить настоящее профессиональное образование; парадокс ситуации состоит в том, что в нашей стране социологов-профессионалов готовят в большинстве все еще социологи без соответствующего систематического образования. Понятно, что в молодости приходилось читать по социологии все, что оказывалось перед глазами. С отечественной социологией было просто в том смысле, что литературы выходило не так много, и вся она, так или иначе, доходила до меня. Поэтому читал все, что было и что издавалось. А было и издавалось не так много. По зарубежной социологии были вообще крохи: перевод книги Морено «Социометрия» (1958), «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» (под ред. Г. Беккера и А. Боскова), 1961. Вышли переведенные материалы (не все, конечно) V Всемирного социологического конгресса (1962 г., Вашингтон). По-моему, они были опубликованы в 1964 г. и готовил их Г. В. Осипов. Поскольку я был членом Советской социологической ассоциации (ССА), то получал информационные бюллетени, они издавались на ротاپринте тиражом 980 экз. Это было самое интересное. Там были и переводы зарубежных работ по методике и технике исследований.

Сложнее было с первоисточниками – работами зарубежных социологов: по межбиблиотечному абонементу (МБА) книг высылалось мало, поэтому любую командировку в Москву (кроме самой первой, о которой еще скажу) я стремился сочетать с работой в библиотеках. Это было ужасно, потому что в Москве, кроме библиотек, были еще театры, Большой зал консерватории... Самая большая проблема состояла в том, чтобы успеть как можно больше и поработать, и послушать, и посмотреть.

Работая дома, старался как можно больше заказывать литературы на английском и французском языках по МБА. Присылали книги (правда, далеко не все, в среднем, каждую пятую из заказа), микрофильмы. Помню, что читал на французском Ж. Фридмана (крупнейшего представителя социологии труда, его знаменитую работу «Ou va le travail humaine?» – «Куда идет человеческий труд?»), Ж. Фурастье, Ж. Дюмазедье и др.

Поскольку назвал последнего, чуть отвлекусь от канвы изложения. С Жоффром Дюмазедье мне посчастливилось познакомиться лично в Варне в 1970 г., на VII Всемирном социологическом конгрессе, за что огромное спасибо Б. А. Грушину – он был с ним хорошо знаком, очень тепло представил меня французскому социологу, который был президентом исследовательского комитета по социологии досуга и вел его заседание. На этом заседании я делал доклад на английском языке о проблемах теории свободного времени. Перед конгрессом у меня как раз была опубликована брошюра на эту тему. До сих пор помню публичную полемику Дюмазедье со мной после моего доклада. Он мне сказал тогда, что мы (в СССР) неправильно интерпретируем Маркса. А получилось так, что мы не знали еще его «Философско-экономических рукописей 1857–1859 гг.», они не были переведены в то время на русский язык, это было сделано лет через пять, а там есть целый параграф о свободном времени. Дюмазедье же читал их, так что урок был преподан хороший. Кстати, на самую фундаментальную работу Дюмазедье «К цивилизации досуга» («Vers une civilisation du loisir») я написал большую аналитическую рецензию и опубликовал ее, по-моему, в «Вопросах философии».

Мощным фактором, способствующим моему социологическому образованию, стала самая первая научная командировка в московские библиотеки – это было в апреле 1964 г. Я провел в них ровно 30 дней – с 1 по 30, что называется, от звонка до звонка. Приходил первым, уходил последним. Работал в трех библиотеках: в уже названной ФБОН, Ленинке и Библиотеке иностранной литературы (она находилась на ул. Степана Разина в Зарядье, за Красной площадью), без выходных дней. Привез без преувеличения чемодан переводов, что позволило мне за последующие полгода написать кандидатскую диссертацию (которую в начале апреля 1965 г. защитил).

Л. Н. Коган был «своим» во многих социологических центрах: Москва, Ленинград, Поволжье и Сибирь, Эстония... когда Вы начали знакомиться с социологами из других городов? Кто из них в те годы и позже в большей степени оказал влияние на ваши научные интересы?

Мои знакомства с социологами из других городов никак не были связаны с именем Когана, разве что на мне лежал отсвет «славы» человека из города, в котором он жил и которого (Когана) хорошо знал. Когда люди узнавали, что я из Свердловска, первый вопрос был не о городе, не обо мне, а о Когане: ну как он? И когда слышали, что он в полном порядке, очень радовались и непременно просили передать ему привет (что я старался никогда не забывать делать). Разница между Коганом и мной в возрасте (15 лет) была в годы моей социологической молодости просто громадной. Это потом она стала стираться – вплоть до того, что Лев Наумович неоднократно предлагал мне (уже в начале 1990-х) называть его на «ты» и «Леня», т. е. так, как звали его самые близкие к нему люди. Кстати, я так и не смог перейти, более того, не хотел переходить на такой стиль общения. Он был для меня всегда Учителем на «Вы».

Основным каналом знакомства и общения с социологами было участие в конференциях, я старался по возможности это делать, когда меня на них командировали. Очень много в этом плане дала мне поездка в Польшу летом 1965 г. в составе группы социологов, куда входили О. И. Шкаратан, В. Т. Лисовский, З. И. Файнбург, В. Г. Мордкович и ряд других, менее «маститых» по тем временам. Поездка эта была организована ЦК ВЛКСМ, а поскольку я был связан с молодежной проблематикой и регулярно навещался в отдел, который возглавлял В. Васильев, то и получил такое предложение поучаствовать в этой поездке. От нее я получил громадную пользу. Мы были в Польше порядка трех недель, причем это была не туристская, а насыщенная по программе рабочая поездка с целью познакомиться с деятельностью польских социологов. Именно тогда я познакомился с З. Бауманом, А. Клоковской, П. Весоловским, З. Скужиньским, К. Жигульским (потом он стал министром культуры Польши) и др. Чрезвычайно полезным с точки зрения знакомства с социологами было участие во Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (1967 г.).

Как мне кажется, я довольно быстро стал узнаваемым человеком в нашей профессиональной среде. Этому способствовала и моя публикационная активность. Я много печатался в разных журналах – «Философские науки», «Вопросы философии», «Молодой коммунист», «Советская педагогика», «Новые книги за рубежом по общественным наукам» (это был реферативный журнал) и др. В 1970 г. вышла моя первая книга в соавторстве с Г. П. Орловым – «Досуг: действительность и иллюзии»; ее рецензировал Б. А. Грушин. Естественно, она добавила мне известности как «критику буржуазной социологии» (в то время выход монографии считался совсем не рядовым событием), по этой книге, разумеется, не только

по ней, Г. П. Орлов вскоре защитил докторскую диссертацию. Но, пожалуй, первой работой, которая принесла мне известность в профессиональном сообществе, была совместная статья с Г. П. Орловым в «Философских науках» – «Трактовка свободного времени в буржуазной «социологии досуга» (1964. № 6). Она была написана в мае – начале июня 1964 г. по горячим следам моей первой поездки в Москву и тем материалам, которые я привез оттуда. Судя по информации, полученной из Москвы, статья произвела большое впечатление на Иовчука, который был тогда главным редактором журнала, и он велел из уже сверстанного № 6 (журнал выходил тогда 6 раз в году) перенести в следующий номер какую-то статью, а нашу с Г. П. Орловым срочно поставить в номер.

Теперь о влияниях на меня и мои научные интересы. Из отечественных социологов я бы назвал в первую очередь В. А. Ядова и Л. Н. Когана. Время не изменило моих пристрастий. О Когане уже говорил и больше добавлять ничего здесь не буду. А вот о В. А. Ядове не могу не сказать. Я и сейчас считаю его, как и раньше, самым крупным, самым значительным нашим социологом и поистине благодарен судьбе за возможность учиться у него, причем не столько лично (этого, к сожалению, было крайне мало), сколько по его работам. Если же учесть, что Владимир Александрович был моим оппонентом на защите докторской диссертации, проявив смелость и глубокую порядочность (тогдашний директор ИСИ и председатель ССА, которого перевели из Свердловска в Москву, не хочу повторять его фамилию, ранее уже названную мною, «настоятельно» отговаривал его от этого шага, а ведь на дворе был 1973 год), нетрудно представить мое благодарное отношение к нему. Когда я встретил Ядова ночью в аэропорту Свердловска (куда он прилетел на мою защиту), и мы с ним сели в машину, первое, что он сказал мне, это то, что у меня в Москве есть очень влиятельный «друг» и что я должен быть готов психологически и морально ко всяким пакостям с его стороны. Как же Ядов оказался прав!

Говоря о людях, с которыми меня свела судьба и которые оказали на меня самое благотворное воздействие, не могу не назвать имени профессора Георгия Петровича Орлова, умнейшего и добрейшего человека. Я не видел руководителя кафедры более мудрого, чем он. И если я чему-нибудь научился в этой области профессиональной деятельности (а заведовал я кафедрами, с небольшим перерывом, почти 40 лет), то в значительной степени благодаря ему.

Возвращаясь в начала 1960-х, мы вспоминаем многих, кто в той или иной степени занимался изучением бюджета времени. Была небольшая книжечка по свободному времени у

Б. А. Грушина, В. А. Ядов и А. Г. Здравомыслов провели свое первое социологическое исследование под дружеским давлением И. С. Кона именно по этой проблематике, она же была темой кандидатской диссертации В. В. Водзинской, под руководством Здравомыслова началось обширное лонгитюдное изучение бюджета времени аппарата ленинградских райкомов КССС, в Новосибирске с подачи Г. А. Пруденского активно работали В. Д. Патрушев и В. А. Артемов. Наконец, классика – «Человек после работы» Л. А. Гордона и Э. В. Клопова. Чем вы объясните этот феномен?

Вопрос об интересе к проблематике свободного времени и изучению бюджета времени в целом, отдельных категорий населения в особенности – не простой. Для начала я скажу о том, что во второй половине 1960-х гг. сложилось несколько центров исследования этой проблемы. В Москве это были исследования, которые провел Б. А. Грушин, сотрудничая с «Комсомольской правдой». Газета тогда провела анкетный опрос населения страны. Автором анкеты был он. Результаты были обобщены в книжке Б. А. Грушина «Свободное время: актуальные проблемы» (М., 1967). Чуть позже этой проблемой начали заниматься в Москве же Л. А. Гордон и Э. В. Клопов. Их знаменитое исследование в Таганроге нашло отражение в книге «Человек после работы» (М., 1972), которая по замыслу должна была стать продолжением ядовско-здравомысловской «Человек и его работа». Были также крупные центры исследования свободного времени в Новосибирске и Ленинграде.

Не могу не сказать о центре исследований в Свердловске, который возглавили Г. П. Орлов и я. Его особенностью была разработка теории свободного времени, эмпирических исследований во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. по этой проблеме почти не проводилось. В 1970 г. вышла наша совместная работа «Досуг: действительность и иллюзии», в этом же году Г. П. Орлов защитил докторскую. В 1973 г. сделал это и я, тема моей работы – «Свободное время как социологическая категория: социально-исторический анализ». Я попытался показать сквозной характер проблемы свободного времени (в докапиталистические эпохи – досуга) как с точки зрения его практического использования, так и теоретического анализа (сначала в философии, а затем – с XIX века – в социологии), доведя исследование до наших дней. Значительную часть работы составлял анализ зарубежной социологической литературы (на английском, французском, польском, чешском, болгарском языках). Высшей похвалой для меня (помимо единогласного голосования, один бюллетень оказался испорченным) была оценка диссертации В. А. Ядовым и Л. Н. Коганом; оба были моими официальными оппонентами.

Кстати, здесь же отвечу на вопрос о теме кандидатской диссертации – «Критика буржуазной социологии досуга» (защищена в апреле 1965 г.). Тогда по-другому работу нельзя было называть, даже и мысли об этом не было. Реально моя задача заключалась не в том, чтобы «разбить идейных врагов», а в том, чтобы показать фактуру, тот материал, который реально люди делали. Я старался как можно больше цитировать зарубежных социологов, принцип же моего писания был такой: умный поймет, а дураку и не надо.

Теперь я попытаюсь объяснить, почему в то время (1960-е – начало 1970-х гг.) был такой интерес к поставленной проблеме. Возрождение, или, точнее, новое рождение отечественной социологии (здесь я абсолютно с Вами согласен) шло в разных направлениях – не только тематических и содержательных, но и «методных». Поскольку социология была занята мучительным поиском точных, строгих, адекватных методов, то внимание и было обращено к одному из них. Это был метод изучения бюджета времени. Когда каждый вид деятельности, вся повседневная жизнь могут быть выражены строго в часах и минутах, процентах, удельных весах и т. д., это дает понимание не приблизительности данных оценочного характера, а определенности и точности результатов. Материалы таких исследований могут быть использованы в управленческих решениях (если они кому-нибудь будут нужны). Важно другое: исследуя социальные процессы таким путем, социология обозначала свое место в системе научного знания и претензии на то, чтобы это место занять. Поэтому, когда задавался традиционный вопрос о том, что социология может, тут же из рукава доставалась козырная карта в виде точного метода, с помощью которого можно было получать неявное знание. Думаю, что приведенное объяснение не является исчерпывающим, но, как мне кажется, является каким-то ответом на поставленный вопрос.

Теперь вопрос о З. И. Файнбурге. Я не был с ним знаком, лишь просматривал его некоторые статьи. Но из бесед с Т. И. Заславской, Г. В. Осиповым возникает очень располагающий образ этого человека: многогранный ученый, человек, отлично понимавший свое время, профессор. Что вы могли бы добавить к портрету Файнбурга?

Я достаточно хорошо знал Захара Ильича Файнбурга на протяжении многих лет – с 1965, когда познакомился с ним в Польше (я об этом уже говорил выше), вплоть до его смерти в 1990 г. Его жена – Галина Петровна Козлова, умнейшая женщина и прекрасный экономист, она была к.э.н., вместе они написали ряд работ – после его смерти прислала мне большой (на целую газетную полосу)

некролог, и вскоре после этого умерла сама. А с их сыном Григорием – он доктор технических наук, большая умница, мы поддерживаем также очень теплые отношения, но видимся редко, в основном на Файнбургских чтениях, которые регулярно, раз в два года, устраивают пермские социологи из Политеха (ныне Пермский технический университет), где З. И. много лет заведовал кафедрой. З. И. был прекрасным социологом, теоретиком, методологом и эмпириком в равной мере. Он участвовал в составлении самых первых планов социального развития. Сфера его традиционных интересов – не только труд, но и творчество, прежде всего научно-техническое, хотя писал он и о многом другом. Его волновали проблемы будущего общества, особенно в связи с анализом творчества Маркса, на которое у него всегда были свои собственные, нетрадиционные для советского времени взгляды.

Помимо этого, он очень увлекался научной фантастикой – в том смысле, что занимался научным анализом произведений научных фантастов. Помню, что когда мы были в Польше, он ездил к С. Лему, который жил в то время где-то в горах, по-моему, польских Закопане. Приехал от него счастливый и вдохновленный. Он был намного старше нас и мудрее. Никогда не забуду, как он меня поддерживал во время событий, связанных с появлением моей книги в 1974 г. «Пространство и время как формы социального бытия». Тогда Руткевич спустил на меня всех собак, обвинив в субъективном идеализме, метафизике, потворничестве западным авторам и т. д. Он тогда был в «расцвете» власти – директор ИСИ, председатель президиума ССА, председатель Экспертного совета ВАК и т. д. В общем, был облечен полномочиями по полной. Во всех своих статьях и книгах того времени он не пропускал ни одной возможности лягнуть меня. Его слово было приговором. После выхода в свет «Пространства и времени...» он написал письмо во Свердловский Обком КПСС, чтобы наказали не только меня, но и рецензентов, которые пропустили такое... Потребовал созыва городского семинара преподавателей общественных наук с резолюций «осудить». Именно в это время Захар Файнбург (мы были с ним на «ты») убеждал меня в том, что все, что делает Руткевич, в конечном итоге обернется для меня хорошо.

Пока Вы представляете как социолог-теоретик, методолог. Приходилось ли вам заниматься прикладными (тогда говорили конкретными) исследованиями?

Приходилось ли мне заниматься эмпирическими (конкретными) исследованиями? Да, конечно, и немало. Мне импонирует мысль Н. И. Лапина о том, что социологом может считать себя

только тот, кто провел от «А» до «Я» хотя бы одно социологическое исследование. Я и сам так думал с достаточно давней поры. Но от него я услышал это раньше, чем сам сказал (точнее, сказал бы) об этом публично. На раннем этапе (от 1963 г. до начала 1970-х) это было исследование свободного времени школьников, которое мы проводили по заказу АПН СССР и просьбе журнала «Советская педагогика» (в нем была опубликована статья по материалам исследования: Г. Е. Зборовский, Г. П. Орлов. Правильное использование свободного времени школьников – одно из средств воспитания // Советская педагогика. – 1966. – № 6). Это было самое первое эмпирическое исследование в моей жизни. Потом это были исследования бюджетов времени студенчества. Во второй половине 1970-х гг. под моим руководством было проведено многомерное исследование образа жизни учительства Свердловской области (мне кажется, одно из первых в стране), которое мне доставило кучу проблем и неприятностей (об этом нужно говорить специально), из-за этого исследования я чуть было не поплатился работой и партбилетом. В 1980-е гг. я руководил исследованиями в системе профтехобразования, в первую очередь, инженерно-педагогических работников. Кроме того, кафедра, которой я заведовал, вела хозяйственные исследования (опять же под моим руководством) на двух крупных уральских заводах – Турбомоторном в Свердловске и Автозаводе в Миассе (в Челябинской области) – это завод по производству знаменитых (или печально-знаменитых) грузовых «Уралов». В 1990-е – 2000-е гг. мы исследовали проблемы образования (самые разные и в разных типах образовательных учреждений). Из исследований последних лет – только недавно закончили крупную работу по проблемам социокультурной адаптации и обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе (это один из самых мигрантоемких регионов, поскольку он очень богат – добыча нефти и газа), издали по его итогам большую монографию (около 30 п. л.): Засышкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах. – Ханты-Мансийск, 2012. В «Социсе», уже в этом году, вышла наша статья по материалам этого исследования (Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социс. – 2013. – № 2).

Какие теоретические вопросы социологии Вы изучаете сейчас и какие ответы, пусть в первом приближении, вырисовываются?

Это невероятно сложный вопрос, самый сложный из всех заданных Вами точно, а может быть и из тех, которые еще будут

заданы. Причем он сложен своей второй частью. Есть еще и такой элемент сложности ответа, как должная быть его относительная краткость. Иначе получится пространная теоретическая статья. Начну с некоторых итогов за последние 5–6 лет, чтобы было ясно текущее состояние теоретических поисков, потому что именно это время было важным с точки зрения их определения.

За эти годы у меня вышло три больших работы, каждая из которых знаменует определенное направление моих теоретических интересов и соответствующих им исследований. Это «Теоретическая социология XX – начала XXI века» (Екатеринбург, 2007, объем 21 п. л.), «Теория социальной общности» (Екатеринбург, 2009, 18 п. л.), «Знание и образование в социологии: теория и реальность» (2013, 28 п. л.). В перерывах между ними вышло несколько книг, написанных в соавторстве с В. П. Засыпкиным и Е. А. Шуклиной в рамках социологии образования по материалам эмпирических исследований («Социология педагогического образования», 2011, 27 п. л.; «Проблемы обучения и социальной адаптации детей мигрантов в цифрах и диалогах», 2012, 27 п. л., «Учительство как социально-профессиональная общность: проблемы методологии и методики исследования», 2012, 9 п. л.). Из этого перечня опубликованных работ можно сделать вывод, что одним из актуальных направлений в моей работе является социология образования, причем на протяжении многих лет. Только в рамках этой отраслевой социологии за последние 20 лет я опубликовал пять книг, как монографий, так и учебных пособий (десятков статей не касаюсь).

Начну с первой работы, посвященной метапарадигмальной модели современной теоретической социологии. Меня давно интересует вопрос о систематике социологических теорий. Когда я писал «Историю социологии», естественно, использовал этапный подход (традиционно выделял классический и современный этапы с разбивкой каждого на периоды). Теорий и парадигм в социологии всегда хватало, и они были «расположены» и рассмотрены мною поэтапно и «попериодно». Я отказался от основного, господствовавшего в литературе способа их изложения – постранового («Развитие социологии во Франции, Англии, США в такой период» и т. д.). Тогда (больше 10 лет назад) я поставил вопрос о необходимости создания в социологии некоего аналога «Периодической системы химических элементов», который позволил бы сгруппировать, проклассифицировать, систематизировать по определенным критериям имеющиеся и будущие теории. Но как это сделать, я тогда не видел. В «Теоретической социологии...», мне кажется, я нашел такой «ключ». Им оказался, как я его назвал, метапарадигмальный подход.

Совершенно другая цель была поставлена в «Теории социальной общности». Мне давно было ясно, что объект социологии – общество – есть полная абстракция, которая не подлежит реальному и, тем более, эмпирическому изучению. А что тогда подлежит? К ответу на этот вопрос меня подтолкнула идея В. А. Ядова, сформулированная им относительно предмета социологии в году 1990-м. Тогда он писал, а потом несколько раз повторил в последующие годы и в разных работах, что в таком качестве выступают социальные общности. Стало понятно, что общество не только можно, но и нужно рассматривать в качестве взаимосвязи (Ядов писал сначала – совокупности, что менее точно) социальных общностей. Но главным, конечно же, и именно это я и старался доказать, является изучение взаимодействия социальных общностей, выступающего в качестве ядра предметного поля социологии.

Но для теории социальной общности такая трактовка – только исходный пункт, не более того. Оказалось, что те признаки социальной общности, которые ей традиционно приписывались со времен Ф. Тённиса, а в конце прошлого – начале нынешнего века рядом зарубежных и отечественных социологов (включая Смелзера, Щепаньского, Ядова и др.), недостаточны. Нужны новые характеристики, отвечающие реалиям и, тем более, новым типам социальных общностей (например, виртуальным). Помимо социокультурных, этнических, демографических, территориальных, профессиональных, религиозных и др., требует нового подхода признак идентификации (самоидентификации). Существенное значение приобретает хронотоп социальной общности, выявление ее ресурсов (ресурсный подход), реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и др. Я постарался применить структурный подход к социальной общности и связать его с ее социальным действием (использовал для этого теорию структуры Гидденса), рассмотрел повседневные практики социальной общности и ее образ жизни, дал классификацию социальной общности и охарактеризовал основные ее виды (по самым разным основаниям).

Наконец, в моей последней монографии «Знание и образование в социологии: теория и реальность» я постарался подвести некоторые итоги своей работы в области изучения образования и знания за последние 15 лет. То, что я делаю сейчас, в известной мере есть продолжение нескольких взаимопересекающихся линий теоретического анализа, наметившихся раньше. Дело в том, что, постоянно отслеживая и анализируя проблематику общей социологической теории, я испытывал каждый раз необходимость исследования ее взаимодействия с отраслевыми социологиями и разработки таким образом специальных социологических теорий, по-

скольку каждая из них есть следствие определенного соотношения общей и отраслевой социологии.

В своей последней работе (Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург, 2013) я рассматриваю проблемы методологии, истории, теории и практики исследования знания и образования как порознь, так и в их взаимосвязи (знание как содержание образования), показывая становление и развитие двух отраслей социологической науки – социологии знания и социологии образования, подчеркивая необходимость их совместных исследований. В центре моего внимания – наиболее значимые проблемы знания и образования вообще, социологического знания и образования в особенности. Но, пожалуй, главное, на что хотелось бы обратить внимание, – это анализ образовательного знания как особого вида знания, в том числе и образовательного знания социологии. Это вид знания, который находится между научным и повседневным, обыденным знанием. В книге исследуются современное состояние и перспективы социологического знания и образования.

А теперь, после того как я попытался описать и объяснить то, чем занимался в теоретической социологии последние несколько лет, коротко скажу о том, что делаю сейчас и отчасти – что буду делать дальше. С точки зрения организационной меня не может не волновать удручающее положение теоретической социологии в стране (может быть, я излишне драматизирую ситуацию? Не знаю). Я его называю социологическим провинциализмом (в последней книге я подробно о нем пишу и посвящаю ему целый параграф в главе). Социологи не хотят или не могут работать в области теоретического знания. Я думаю, это следствие низкой культуры (общей и профессиональной), незнания зарубежной социологической литературы, иностранных языков. Даже в Екатеринбурге (согласитесь, не самая большая провинция, четыре социологических факультета в вузах города, два диссертационных Совета, свои журналы и др.) по существу нет серьезно работающих людей в области теоретической социологии. Очевидно, к ней нет интереса, такая деятельность не востребована.

Что касается моего собственного интереса в данный момент, то он связан с попыткой определить некоторые сценарии и тенденции развития теоретической социологии. Я думаю, их нужно видеть на путях усиливающихся связей теоретической социологии с естественными и социально-гуманитарными науками. По-моему, социология отчасти возвращается на «круги своя» (позитивизм).

Вы были в прошлом году хотя бы на одном из съездов российских социологов? Если да, то что вам запомнилось из новых работ в области теоретической социологии?

Да, был, в Уфе, на конгрессе РОС в октябре. Не мог не быть, я ведь вице-президент Российского общества социологов. Было много теоретиков и методологов: В. А. Ядов, Н. Е. Покровский, А. Б. Гофман, Ж. Т. Тощенко, Н. Ф. Девятко, Г. Г. Татарова, Е. А. Здравомыслова, М. Ф. Черныш, В.В. Козловский и др., всех сразу не вспомнишь. Причем я не только был и делал доклад «Социологический провинциализм: вчера, сегодня, завтра», но и руководил одним из заседаний – вместе с Ж. Т. Тощенко. Из новых работ (докладов) на конгрессе почти ничего, к сожалению, не запомнилось. Честно сказать, я давно уже не жду на конгрессах и конференциях чего-то очень нового, поскольку знаю правило исследователей: сначала опубликуй, а потом об этом говори. Сам я как раз поступаю наоборот, но давно уже подметил такую особенность у многих других теоретиков. Иное дело – доклады о результатах эмпирических исследований. Тут нового – хоть отбавляй. Я объясняю это обстоятельство не очень крупными, скорее локальными результатами проведенных исследований, на которые желающих покуситься – не так много. В принципе же хочешь узнать что-то новое – читай книги, журналы и Интернет.

Вообще говоря, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Но Вы этой проблематикой занимаетесь целенаправленно. Когда и в силу каких обстоятельств история нашей науки попала в область Ваших особых интересов?

Я абсолютно согласен с такой постановкой вопроса: действительно, занятия теоретической социологией предполагают и повышенное внимание к истории социологии. Однако мой интерес к ней был вызван не только этой, но и целым рядом причин. 1. Я давно начал писать учебные пособия, а затем и учебники по социологии: первое из них, «Социология для студента» было опубликовано в 1990 г. Оно было небольшое, чуть больше 200 стр. По-моему, это было одно из первых учебных пособий в СССР (про которое мало кто знал, потому что оно было издано в Свердловске). Написание таких работ невозможно без обращения к историко-социологическому «Введению», которое является первым (или одним из первых) разделом в книгах подобного рода. Вслед за этим пособием я написал еще несколько, в том числе и учебник (вместе с Г. П. Орловым), который вышел в Москве в 1995 г. (он был признан победи-

телем соросовского конкурса, и первый в своей жизни долларовый гонорар я получил именно за него). 2. Моя докторская была связана с социально-историческим анализом категории «свободное время», что потребовало выхода на «круг» литературы, выходящей далеко за пределы только этой категории. Понадобилось глубокое и детальное «вхождение» в историю социологии как раздел социологической науки в целом. 3. Я все же историк по образованию, и тяга к историко-социологическому анализу почти что в крови.

Собственно сам учебник по истории социологии я писал и издавал в два этапа. В 2000 г. появилась «История социологии. Классический этап», через год после этого – «История социологии. Современный этап». В 2003 г. в Екатеринбурге я издал большую работу «История социологии» (почти 900 стр.), где обе части были сведены. Появилась глава по истории социологии на Урале (впервые). В 2004 г. «Гардарики» в Москве также издали мою «Историю социологии», потом это сделали еще 2 или 3 раза (но уже без главы о социологии на Урале).

Почему я пришел к необходимости издать этот учебник? Строго говоря, не только его, но и другие. Дело в том, что в 1997 и 1999 гг. у меня вышло два издания большого (по объему почти такого же, как «История социология») учебника по «Общей социологии», потом в Москве – еще одно, третье (в 2004 г.). В 2002–2004 гг. была опубликована «Прикладная социология» (в соавторстве с Шуклиной – сначала в Екатеринбурге, затем в Москве), в 2004–2005 гг. – «Социология управления» (в соавторстве с моей докторанткой, ныне профессором, д.с.н. Н. Б. Костиной), затем – «Социология образования», в 2006 г. – «Социология досуга и культуры», также в Москве. Я привел этот перечень учебников и учебных пособий с одной целью – сказать о том, что ощущаю себя в первую очередь не ученым (упаси господь крупным), а профессором. Вероятно, мои самооценки не совпадают с оценками со стороны. Я люблю читать студентам, магистрантам, аспирантам свои авторские курсы, по которым есть мои учебники. Многие мои коллеги считают, что ряд учебников Зборовского имеет монографический характер (что, отмечалось, кстати, и в некоторых рецензиях, в том числе и на «Историю социологии»). Если это, действительно, так, я безмерно рад.

Неожиданно для меня оказалось, что подготовка учебников и учебных пособий таит в себе значительные перспективы творческого роста, подчас гораздо большие, чем проведение исследований по отдельным проблемам и написание на их основе монографий. Эта работа позволяет не просто систематизировать и синтезировать накопленные в самых различных областях социологической науки знания. Она требует постоянного отслеживания

и изучения большого объема социологической литературы, что заставляет постоянно находиться, если можно так выразиться, в хорошей научной форме.

С другой стороны, не меньшее значение в этом плане имели для меня постоянное чтение лекций и семинарские занятия со студентами и аспирантами. Это тот педагогический полигон, где можно на практике проверить качество изданных либо готовящихся к изданию учебников. Данное обстоятельство являлось для меня очень важным при подготовке каждого из них. Я бы не хотел осуждать некоторых моих коллег – авторов учебников и учебных пособий по общей социологии, истории социологии, отраслевым социологиям, но когда читаешь некоторые из этих книг, то сразу возникает вопрос: насколько они апробированы в студенческих аудиториях? Ответ на него часто бывает неутешительным. Я взял себе за правило: не публиковать работ для студентов, пока не будет прочитан (причем желательнее не один раз) соответствующий курс в аудитории.

При написании учебников и учебных пособий я руководствуюсь несколькими, для меня наиболее важными принципами. Это, в первую очередь, доступность, учет специфики аудитории. Еще один принцип – ограниченность полемики и ее весьма умеренный характер. Так, при создании учебников по истории социологии передо мной стал вопрос, в какой форме высказывать собственное отношение к творчеству современных социологов и мыслителей прошлого. Конечно же, был соблазн полемизировать, не соглашаться и даже критиковать. Тем более, что речь идет о точках зрения, многие из которых сегодня выглядят наивными. Однако путь был избран иной: показа реальных достижений социологической мысли, позитивного отношения к ним и формирования у читателя аналогичной позиции относительно всей истории социологии.

Подытоживая в целом работу по написанию учебников и учебных пособий по социологии (кстати, за них мне была присвоена премия МГУ им. Петровского в 2003 г.), должен отметить, что это очень важное направление в моей профессиональной жизни. Сразу скажу, что сейчас пока ничего не пишу из работ этого жанра. Нужно бы подготовить новое издание «Основ социологии» (раньше называлась «Общая социология»), но пока выраженного желания нет. Надо чуть-чуть отдохнуть и от этого.

Поговорим немного об истории отечественной социологии? Прежде всего, как вы ее называете – русской или российской и как периодизируете ее развитие?

Отечественную социологию я называю исключительно российской, причем именно ту часть ее истории, которая была связана с дореволюционным (до октября 1917 г.) развитием страны. Эта

социология возникла и развивалась на территории России, в этом смысле (для определения названия) ее национально-этническая характеристика не имеет никакого значения. Возникает российская социология после реформы 1861 г. (или реформ 1860–1870-х гг.), связана с появлением капитализма в России. Конечно, имел место предсоциологический этап, главное место здесь занимали взгляды Чаадаева и Кавелина, хотя я прекрасно осознаю роль Майкова, Вырубова, Новикова, славянофилов и западников в развитии этого этапа. Считаю, что отечественная социология XIX в. возникла гораздо позднее, чем западная (как минимум, лет на 30, имею в виду, прежде всего, позитивистские взгляды, которые были исторически первыми и на Западе, и у нас), и в этом смысле она вторична. Я противник утверждений об оригинальности российской социологии и считаю, что они хорошо иллюстрируют известный анекдот о России как о родине слонов. Оригинальными являются отдельные теории и направления, например, субъективная социология и тесно связанное с ней психологическое направление (Кареев, Лавров, Михайловский, Южаков, де Роберти).

За чуть более чем полувековое развитие российской социологии (после 1861 г.) условно можно выделить три периода: первый – 1860–1890-е гг. (господство субъективной социологии и позитивизма), второй – 1890-е гг. – начало XX в. (господство неокантианства), третий – начало 1890-х гг. – рубеж 1910–1920-х гг. (господство неопозитивизма). В моем учебнике по истории социологии рассмотрению этого этапа – я его называю классическим – посвящено около 100 страниц текста (5 глав). Помимо характеристики особенностей российской социологии в целом, каждого периода в частности, подробно рассмотрены взгляды и теории таких авторов, как упомянутые выше социологи, а также Ковалевский, Данилевский, Стронин, Лилиенфельд, Мечников, Хвостов, Кистяковский, Петражицкий, Новгородцев, Тахтарев, Звоницкая и, конечно, Сорокин (российский этап его творчества; американский подробнейшим образом охарактеризован во второй части учебника, посвященного современному этапу развития социологии).

В целом я считаю, что российская социологическая «классика» оказалась не столь протяженной во времени, как европейская, и менее насыщенной социологическими открытиями, событиями и исследованиями. В России не произошла хотя бы частичная институционализация социологии: ее не было в вузах, она не была признана правящей верхушкой, не проводилось эмпирических исследований, так и не было создано сообщества социологов (если не считать общества Ковалевского, появившегося после его смерти, но это уже было в конце), Россия не дала миру ни одного социолога крупного, «классического», мирового масштаба (Сорокин не в счет, он стал широко известным уже в США).

Вы знаете письмо А. Г. Здравомыслова ко мне, в котором он писал: «Я отсчитываю начало российской социологии с А. И. Герцена. А Зборовский – с Михайловского и Лаврова. В этом суть того, что я назвал недооценкой, а так учебник неплохой». Как бы Вы прокомментировали эти слова?

Я могу лишь продолжить свои рассуждения, предложенные в ответе на предшествующий вопрос о периодизации российской социологии. Коротко говоря, я не считаю Герцена социологом, а Лаврова и Михайловского – считаю. Как и всех «западников», я его отношу к «предсоциологам», т. е. к тем мыслителям, которые идейно обеспечили появление российской социологии в послереформенный период. Вообще же вопрос упирается в критерии: 1) что считать точкой отсчета российской социологии; 2) кого считать социологом, а кого – нет. Это – сложнейшие теоретические вопросы, и суть моих расхождений как с А. Г. Здравомысловым, так и с А. О. Бороньевым, И. А. Голосенко, В. В. Козловским состоит именно в трактовках этих критериев. Сразу хочу сказать: я не считаю себя достаточным специалистом по отечественной социологии дореволюционного (1917 г.) этапа, достаточным в том смысле, что специально не исследовал творчество подавляющего большинства российских социологов середины и второй половины XIX – начала XX вв., хотя, разумеется, все (или почти все) основные их работы мне хорошо известны. Для написания учебника мне не нужно было детально разбираться в нюансах их идей и взглядов. В конце концов, у меня была другая задача: я писал учебник не по истории российской социологии. Последнюю же рассматривал как часть мировой истории социологии.

Вообще вся эта ситуация и весь этот спор мне удивительным образом напоминает дискуссию о зарождении социологии на Западе. Тот же самый вопрос: кого считать основоположником этой науки? Тот же самый вопрос: кто – социолог, а кто – нет, но объективно готовил своими работами и идеями ее появление? Почитайте Раймона Арона, одного из крупнейших теоретиков и историков социологии середины прошлого столетия, и Вы увидите, что он начало социологии связывает с именем не Конта, а Монтескье. В «Этапах развития социологической мысли» (М., 1993) Арон прямо называет его основоположником социологической мысли, посвящая ему первую главу своей фундаментальной монографии (творчество Конта он рассматривает во второй главе). Но я считаю, что с таким же, а, может быть, большим успехом имеет смысл связывать зарождение социологии если не с Контом, то скорее с Сен-Симоном, ибо все базовые положения позитивизма были сформулированы именно им (я имею в виду его «Очерк науки о человеке», 1813 г.). Тем

более, что Конт реально был его учеником, проработав 7 лет личным секретарем у своего патрона и постоянно вращаясь все эти годы в мире его идей и суждений. Но предмет, метод, основные понятия, принципы, наконец, проблематику и т. д. социологии сформулировали не Монтескье, не Сен-Симон, а Конт. Кто-то из американских социологов конца прошлого века сказал, что Конт дал социологии не только имя, но и программу. И я с этим согласен. Именно это обстоятельство дает главное основание не только мне, но и значительной части социологов считать Конта основоположником социологической науки. При этом в любом случае, кого бы ни рассматривали в качестве основоположника, французский след в основании социологии оказывается самым сильным и заметным и практически не подлежит сомнению.

В случае с российской социологией ситуация далека от проведения прямой аналогии, но что-то похожее имеет место. Речь идет о том, кто формулировал базовые социологические, подчеркиваю, именно социологические трактовки (предмета, метода, основные взгляды на общество, его структуру, социальную, экономическую и политическую систему, личность и т. д.), а кто – нет. С моей точки зрения, это делали именно те, кого я отношу к представителям социологической науки и кого называю среди них. Еще раз повторяю: при всем величии Герцена как мыслителя я не считаю его социологом. И в этом – суть различий между моим подходом и подходами моих коллег. Не в том дело, кого персонально выделять; главное – на основании каких критериев.

Несколько лет назад Вы изложили свои взгляды на историю социологии в петербургском «Журнале социологии и социальной антропологии». Что объединяет и что разъединяет Вас в трактовке дореволюционного периода российской социологии с петербургскими исследователями? Я имею в виду А. О. Бороньева, И. А. Голосенко, В. В. Козловского и других.

Что касается трактовки всего дореволюционного периода российской социологии, точнее различий в этой трактовке между мной и уважаемыми мною (Вами названными) коллегами, то еще раз отмечу явную недооценку (и этим подтверждаю мнение А. Г. Здравомыслова) мною оригинальности отечественной социологии (в сравнении с их оценками), причем недооценку не случайную, а осмысленную и подтверждаемую. Я называю отечественную социологию вторичной по происхождению, возникшей в значительной степени под влиянием западных работ. Не случайно отечественная дореволюционная социология не получила (за редким исключением – Ковалевского, де Роберти, Вырубова, Новикова) широкого

признания за рубежами России. Возможно, дело в том, что русскоязычные работы мало кто читал на Западе (как это происходит и сейчас). Но многие дореволюционные социологи хорошо владели иностранными языками и публиковались в зарубежных изданиях время от времени, тем не менее, популярность их работ была невелика. О чем-то это, вероятно, говорит. Впрочем, возможно, что какие-то вещи я недостаточно хорошо знаю и не совсем верно оцениваю.

Если Вы заметили, в моем вопросе я спрашивал об истории отечественной социологии в целом, потому, пожалуйста, распространите Вашу периодизацию на весь период советской социологии и до наших дней.

Именно этого – вопроса о периодизации всей отечественной социологии – я как раз и не понял. Как мне показалось, он касался истории отечественной социологии (слова «всей», в целом, не было) и ее названия (русской или российской), а также периодизации. Поскольку Вы меня спросили о периодизации российской социологии, я о ней и говорил, имея в виду, что после 1917 г. начинается советская социология, которая после 1991 г. вновь «превращается» в российскую (такие словесные сложности – хитрости). Периодизация советской (затем российской) социологии мне представляется следующей.

Первый период – с конца 1917 г. (от Октябрьской революции) до начала 1930-х гг. В его рамках я выделяю два подпериода. Первый – с конца 1917 до конца 1922 г. (высылка Сорокина из России, сведение на-нет немарксистских публикаций и социологической деятельности их авторов) – я определяю в самом общем плане как время противоборства немарксистской (антимарксистской) и марксистской социологии, второй подпериод – с конца 1922 г. до начала 1930-х гг. – как время утверждения и победы марксистской социологии, завершившееся, в точном соответствии с логикой развития социальных и идеологических процессов в СССР, реальным запретом и теоретических, и эмпирических социологических исследований. Затем наступает перерыв в развитии социологии (начало 1930-х – конец 1950-х гг.), когда в условиях господства сталинского режима социология оказалась под запретом.

Второй период – конец 1950-х – конец 1980-х (начало 1990-х) гг. В его рамках я выделяю два подпериода – конец 1950-х – начало 1970-х гг., который я определял как время возрождения отечественной социологии (но здесь – еще раз говорю – я согласен с Вами, что гораздо точнее определять этот подпериод как время ее нового, второго рождения, поскольку возрождаться было не из чего), и

второй подпериод – с начала 1970-х гг. до конца 1980-х гг. – как социологию периода застоя.

Наконец, с 1990-х гг. по настоящее время отечественная (вновь российская) социология переживает новый этап своего развития, характеристику которого я бы не рискнул дать в нескольких словах, поскольку это и институционализация социологии, и социологическое образование, и свобода социологического слова (пока еще), и широкая издательская деятельность, и развитие рынка социологических услуг, и новое социологическое мышление, и интеграция отечественной социологии в мировую науку, и развитие социологии в регионах России и т. д. Считайте, что я дал краткую аннотацию этого этапа.

Что приобрела и что потеряла современная российская социология в результате перестройки и уже длительного постперестроечного периода?

Прежде всего, я думаю, что приобрела гораздо больше, чем потеряла. На первое место из приобретений я бы безоговорочно поставил свободу – свободу социологического слова и свободу действий. Молодое поколение социологов, конечно же, это не чувствует и даже с трудом понимает, о чем идет речь. Приведу лишь один пример. Когда я рассказываю студентам и аспирантам, как меня через год после защиты докторской вызывал к себе первый секретарь Свердловского ОК КПСС Я. П. Рябов, который потом стал секретарем ЦК КПСС, и заставлял идти заведовать кафедрой в другой вуз, против чего я категорически возражал, а в ответ грозил всеми карами – исключением из партии (если я неправильно понимаю ее задачи – это был главный аргумент), лишением ученой степени, невозможностью трудоустроиться по специальности и т. д., они смотрят на меня с выпученными глазами и не верят, что такое может быть. А я им говорю, что именно так и было, что человеческая судьба ничего не стоила, и при этом рассказываю, что двухмесячное противостояние закончилось моим поражением, и я вынужден был согласиться. Правда, потом этот же Рябов на заседании бюро Обкома партии разливался соловьем в мой адрес («молодой, талантливый ученый, наша гордость» и пр.). К этой истории должен добавить, что такой рассказ не прибавляет мне уважения со стороны слушателей («оказался слабаком, сломался»...). Да, это так, правда, я пытаюсь объяснить, что у меня была семья, я думал о ней больше, чем о себе, но такой аргумент не из самых сильных, это понятно. Зато сейчас я прекрасно понимаю, что значит свобода. Последний случай (двухнедельной давности): меня приглашает губернатор выступить с докладом на каком-то

семинаре под его руководством, а я отказываюсь, потому что не испытываю к нему ни капли уважения. Мне ясно, что он ничего не сможет сделать, даже если захочет: ниже профессора не сошлют. И еще: губернаторы приходят и уходят, а профессора остаются. Но это уже «лирика».

При этом я понимаю и сразу хочу сказать, что свобода все равно неполная: в полицейском государстве, в условиях авторитарного режима она по определению не может быть другой. И эта ограниченность так или иначе дает о себе знать, поскольку мерзко и противно, когда неповинных людей бросают за решетку, когда появляются политзаключенные, когда гнобят бизнес, когда дикая, откровенная коррупция, когда... Этого «когда», к сожалению, много, очень много, и оно неизменно, «когда» нет гражданского общества.

Однако я очень отвлекся. Из приобретений российской социологии, помимо определенного уровня свободы, несопоставимого с тем, что было при Советской власти, я бы назвал: новый статус науки и профессии, появившееся социологическое образование, возможность издавать практически без ограничений, поездки за рубеж – самые разные, с самыми разными целями... Наверняка что-то не назвал, но главное выразил.

Что касается потерь, то некоторые из них, мне представляется, являются продолжением приобретений (так же, как наши недостатки часто бывают продолжением наших достоинств). Я бы сказал о резко снизившемся уровне социологического образования. Конечно, эта ситуация связана не только с социологией, но и в целом с положением дел в образовании страны. Вспоминаю своих студентов первой половины 1990-х гг.: горят глаза, энтузиазм, на семинарах каждый стремится что-то сказать, поспорить, знающие язык переводят источники, издаем хрестоматию по зарубежной социологии и т. д., и сравниваю их с нынешними, которым в подавляющем большинстве вообще ничего не нужно. Конечно, очень разнится исходный уровень, с которым приходили студенты 20, даже 15 лет назад, и то, что есть сейчас. Но оттого, что мы видим и понимаем и связываем ситуацию с положением дел в стране и в образовании в целом, социологическому образованию легче не становится. Зато становится неинтересно преподавателям приходиться в аудиторию, а мотивированные студенты, которых не более 15–20 % (в среднем), испытывают сильнейшее негативное влияние группы в целом (не лезь, не высывайся, тебе что, больше всех надо?).

К числу потерь я отношу очень серьезный «раздрай» в социологическом сообществе, который начался около 7 лет назад событиями на социологическом факультете МГУ и вовлек в свою сферу значительную часть социологов. Я не вижу ему конца-края

и предвижу только усиление раскола среди социологов. Совершенно очевидно, что резко упал авторитет соцфака МГУ, равно как и тех, кто его поддерживает. А это очень плохо, особенно для престижа российской социологии за рубежом.

Не могу не назвать среди того, что сегодня огорчает, гигантское количество слабых книг по социологии – учебников и монографий. Это – следствие, точнее, продолжение тех больших публикационных возможностей, которые открылись в 1990-е гг. Резко ослабло действие фильтров (рецензенты, общественное мнение, критика и т. д.), а отсюда и низкое качество многих публикаций. Массовизация социологии – так бы я назвал этот феномен – привела к резкому снижению требовательности к ней и усилила неудовлетворенность ею в обществе. Последняя связана еще и с существенной разницей в результатах, полученных в ходе опросов общественного мнения по схожим проблемам, в чем многие видят определенную ангажированность тех или иных социологических служб, а иногда и прямое вмешательство Кремля.

Вспомним, как активно в СССР развивались исследования образа жизни, сколько было сделано в области социального планирования трудовых коллективов (в том числе, и в Свердловске) и по ряду других тем. Как Вы думаете, в обозримом будущем результаты этой работы будут востребованы или останутся лишь частью истории нашей социологии?

Я думаю, что какие-то исследования и их результаты будут востребованы социологами (и не только ими) и в дальнейшем (трудно сказать, насколько обозримом), какие-то – канут в Лету. Все, что было связано с идеологией советского времени, несомненно, уйдет. Вот, к примеру, проблематика образа жизни. Конечно, вся «накипь», связанная с «преимуществами советского социалистического образа жизни над буржуазным», давно уже никому не нужна. Но теоретические, методологические и методические разработки исследования образа жизни необыкновенно важны и полезны и сейчас. Думаю, что они пригодятся и в будущем, это касается также результатов эмпирических исследований, особенно в компаративном плане. Кстати, интересно, что в первой половине 1990-х гг., когда мы активно обсуждали и осуждали многое из того, что делалось при социализме, под «горячую руку» попала и проблематика образа жизни. Поэтому не случайно был большой перерыв в ее изучении (лет десять, не меньше), когда из «ванны вместе с водой выплеснули и ребенка», т. е. под флагом отказа от проблем социалистического образа жизни ушли и от самого образа жизни как социологической проблемы. К счастью, потом опомнились, и сейчас ей уделяется определенное внимание.

Не исключаю, что можем вернуться и к проблеме социального планирования трудовых коллективов. Но для этого необходимы объективные предпосылки, прежде всего, стабилизация экономической сферы и нормальная работа бизнес-сообщества. Без этого интереса к таким исследованиям не появится. Когда бизнес поймет, что ему необходимы успешно работающие стабильные трудовые коллективы, он сам будет искать социологов для разработки планов их социального (и не только социального) развития. Впрочем, возможно, я и ошибаюсь, и сегодня мало что в нашей стране может об этом свидетельствовать. Но очень хочется так думать и на это надеяться. «Ничто на земле не проходит бесследно», – поется в известной песне советских лет. То, что было в нашей социологии раньше, тоже не должно пройти бесследно, – так коротко подведу я итог своего ответа.

Назову одну из проблем, следующих из отмеченного Вами снижения уровня интереса студентов к науке и слабого знания ими даже недавнего прошлого страны. Может произойти, если уже не произошло, расщепление послевоенной советской/российской социологии на две, скажем: доперестроенную и постперестроенную. И затем – забвение своего прошлого, аналогичное тому, что мы уже пережили: до недавнего времени почти полное незнание дореволюционной и ранней советской социологии. И не говорит ли сказанное о необходимости активизации исследований по истории недавнего прошлого, а то многое окажется невосполнимо потерянным?

Я согласен с Вами. Такая опасность существует, и новое поколение социологов вполне может превратиться в «манкуртов». Причем эта опасность касается не только «доперестроечной», а также дореволюционной и ранней советской социологии, но и вообще классического социологического наследия. Самое любопытное состоит в том, что этот феномен распространен не только у нас, но и за рубежом, там, может быть, даже еще больше. Отсюда – очевидный вывод: необходима не только активизация исследований по истории социологии недавнего прошлого (что само по себе очень важно), но и работа со студентами в этом направлении. Ни одна разработка темы курсовой и дипломной работы не должна обходиться без ее серьезного историко-социологического анализа.

Г. Б. Кораблева

«ПОТРЕБНОСТЬ В ПЕРЕМЕНАХ И ИХ ВЕТЕР НАЧИНАЕТ ЧУВСТВОВАТЬСЯ В КОНЦЕ 80-Х – НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ»

Галина, в моем проекте неожиданным для многих, отчасти – для меня, заиграли истории имен моих собеседников. Так, мои интервью с Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры... что Вы знаете о своей фамилии – Кораблева и насколько Вы знакомы с прошлым Вашей родительской семьи?

Моя фамилия досталась мне от мужа, а не от родительской семьи. Корневым словом для нее вроде бы является «корабль», но на самом деле, по рассказу мужа, происходит она от слова «короб», с которым ходили по деревням и селам торговцы мелким товаром. Со временем фамилия трансформировалась и, во всяком случае, в XX в. уже не имела прямой связи с занятиями членов семьи, которые до революции 1917 г. были зажиточными крестьянами, и во времена «раскулачивания», чтобы не подвергнуться репрессиям, переехали в г. Екатеринбург.

Что касается родительской семьи, то ее генеалогия мне мало известна. По своему происхождению моя бабушка по маме была из карелов, которые в начале XX в. переехали в Тверскую область, где бабушка нашла свою судьбу в старинном купеческом г. Бежецке. Родители отца происходят из поволжских крестьян Костромской области, но дедушка привез свою молодую жену на небольшой разъезд только что построенной Северной железной дороги, где он потом и проработал железнодорожником в течение всей жизни. И если бы не Великая Отечественная война, то мои родители никогда бы и не встретились. Мой отец, начав службу еще в Красной армии, участвовал в войне на Халхин-Голе, финской войне и далее в Отечественной, что сказалось на его судьбе скорее негативно, поскольку почти десять лет военной жизни позднее мешали ему найти себя в мирной жизни, и он рано умер. Моя мама попала на фронт вместе с госпиталем, куда пошла работать с на-

чала войны в 16 лет. Потом госпиталь был преобразован в эвакуационный полевой госпиталь, где она и служила до окончания войны. Встретились они уже в конце войны на территории Германии, где и поженились. А далее уже появились дети и встал вопрос об месте проживания молодой семьи. Это место искали долго: сначала пытались обустроиться в Западной Украине (г. Владимир-Волынский), где и родилась я, потом в г. Бежецке, но каждый раз сталкивались с неустроенностью послевоенного быта и элементарным полуголодным существованием. В конце концов остановились на родине отца в небольшом рабочем поселке Костромской области. Отца вскоре не стало, и маме пришлось одной воспитывать троих детей. Именно здесь и прошли мои детские годы.

Спасибо, Галина, это же роман... сколько линий, характерных для российской/советской истории, и как прекрасно, что все это хранится в Вас. Вы там и все школьные годы провели? Как вообще помнится то время? Как шла учеба, что нравилось и не нравилось?

Мои школьные годы прошли в небольшом рабочем поселке, где после войны наконец обосновались мои родители. Поскольку отец вскоре ушел из жизни, то жилось семье не просто, но для послевоенного времени и начала 50-х гг. XX в. такая ситуация была характерна для многих семей, так что мое детство было вполне благополучным.

Пока мой отец служил и воевал, подросли и получили образование его сестры, которые пришли работать в ту школу, где я потом училась. Учиться мне очень нравилось. Вероятно, потому, что это у меня хорошо получалось и поощрялось. Ведь дети тянутся к тем видам деятельности, которые у них получаются лучше всего. То, что мои близкие родственники работали в той же школе и даже вели уроки в классе, где я училась, тоже не мешало мне. Обе были очень порядочными и ответственными учителями. Одна из них (она была учителем биологии) для того, чтобы продемонстрировать свою беспристрастность и объективность, в конце четверти вызывала меня к доске и устраивала опрос по всему пройденному материалу. Я сегодня высоко оцениваю этот ее педагогический прием, поскольку благодаря такому «допросу» меня не считали «выскочкой», «учительской девочкой» и т. п. Отсюда конфликтов с одноклассниками по поводу нечестно полученных оценок не было. Столь пристрастное отношение ко мне со стороны моих тетушек-учителей, пожалуй, с раннего детства приучало меня быть требовательной к себе. А другие конфликты бывали. Я росла совсем не «ботаником» и неоднократно вступала в драки с мальчишками, в споры с учителями.

Больше всего мне нравилось читать книги. В школе и поселке были неплохие библиотеки, в которых я была постоянным читателем. Когда книг мне все-таки не хватало, что уже имело отношение к старшим классам, я начала читать полные собрания сочинений некоторых классиков. С учетом возраста это уже были романы Бальзака, Золя. Цель я себе тогда поставила прочитать все с первого тома до последнего. Но достичь мне ее не удалось. Далеко не все романы оказались интересными и захватывающими. В семье по мере возможности читали все. Помню себя в первом классе, когда я еще читала по слогам. Вечер. Семья собралась за круглым столом, и каждый читал что-то свое, а на меня никто не обращал внимания. По-видимому, для того, чтобы показать, что я тоже занимаюсь общим делом, я начала вслух и по слогам читать какие-то странички букваря. Веселье было всеобщим, и смех долго не могли остановить, а я плакала от обиды и непонимания. Не было телевидения и театров, но был радиотеатр, и я помню, как всей семьей мы замирали у радиоприемника. Это было не столь часто, но запомнилось.

Любовь к чтению сохранилась на всю жизнь и передалась сыну. В 70–80-е гг. мы выписывали много периодики, и у нас постоянно возникали споры, кто первым будет читать новый номер «Юности». Чтение перед сном было семейным ритуалом. Мне жаль, что новые источники информации и новые информационные технологии отодвинули книгу на второй план.

Учиться мне было легко и интересно. Хотя естественные науки (физика и математика) были мне менее понятны, чем гуманитарные, и успехи здесь не были блестящими, но и здесь при определенных усилиях мне удавалось получать хорошие и отличные оценки.

В целом я была очень активной ученицей. В школе работали различные кружки, проводились какие-то конкурсы. Я рвалась участвовать во всем и, если не брали или не получалось что-то, то обижалась и расстраивалась. Позднее в средних и старших классах пришла к выводу, что талантов у меня нет, внешность серая. Это заставляло меня комплексовать. Очень завидовала красивым девочкам с музыкальными способностями. Все как обычно: не ценим, что имеем.

Хорошая память и способности к усвоению различной информации без особых усилий в подростковом возрасте, когда друзья, улица, первые влюбленности становятся более значимыми, привели к тому, что знания мои по ряду предметов, казавшихся мне скучными, оказались поверхностными, что я понимаю сегодня. Например, уже не помню, было ли в мое время общественное образование как учебная дисциплина, но в старших классах были в курсе истории схожие разделы. Здесь я явно плавала: партийные съезды, струк-

тура и состав правительства и т. п. стали для меня камнем преткновения. Позднее, уже в вузе, был один предмет, который я «завалила» на первом курсе – это история КПСС.

По окончании школы я не получила ни золотой, ни серебряной медали, хотя могла бы. Для этого нужно было пересдать какие-то темы, поднапрячься и погрузиться в учебу. Но уже тогда проявилась одна особенность моего характера: я честлюбива, но не амбициозна. Я о той самой медали, в отличие от моих родственников, и не мечтала никогда и также никогда не жалела, что ее не было. А вокруг кипела жизнь, и можно было бесконечно мечтать о том замечательном и интересном, что тебя ждет.

Школа повлияла на мой выбор профессии. Скорее это не школа в целом, а, конечно, любимый учитель. Он пришел к нам сразу после окончания пединститута и преподавал немецкий язык, был молод и мы, девчонки, были в него явно влюблены. Поскольку в старших классах я стала учиться неровно, дерзила учителям, одевалась не по форме, дружила с компанией, пользовавшейся не лучшей репутацией, то мой учитель оставлял меня после уроков и подолгу беседовал «о жизни». Он первым заметил аналитические особенности моего ума и обратил внимание на способности к философским размышлениям. Вот я и выбрала для продолжения учебы философский факультет, которых в те времена в СССР было всего четыре.

Как далеко был Ваш поселок от Костромы? Вы чувствовали себя готовой жить в крупном городе, где были философские факультеты? Так каким же оказался Ваш выбор?

Мои одноклассники, как правило, действительно, для продолжения учебы выбирали вузы областного города, но там их было, насколько я помню, два: технологический и педагогический институты (типичный набор для небольших областных центров второй половины 60-х гг. XX в.). Меня не устраивал ни первый, ни второй вариант. А вот уже к выбору города я отнеслась рационально. В РФ философские факультеты были открыты в Москве, Ленинграде и Свердловске. Москву и Ленинград я сразу отбросила из списка, и не потому, что боялась большого города. Причина была в моей собственной оценке уровня своих знаний и степени подготовленности к экзаменам. Я исходила из того, что в этих городах я, скорее всего, не выдержу конкурса. А вот Екатеринбург в этом плане мне казался более приемлемым. Я сейчас уже не помню, каким был реальный конкурс, но около двух человек на место, о чем я уже узнала по приезду в Екатеринбург.

Здесь я столкнулась еще с одним барьером, который назывался «собеседование по математике». Дело в том, что программа обучения на философском факультете включала односеместровый курс высшей математики. И два предыдущих набора столкнулись с тем, что уже в первую экзаменационную сессию с ним не справились не менее трети студентов, которые были отчислены. Вот тогда М. Н. Руткевич, а он был первым деканом философского факультета Уральского государственного факультета, и ввел предварительное (до приема документов от абитуриента) собеседование по математике. Те, кто его проходили, дальше сдавали документы и допускались к основным экзаменам. Времени на подготовку к этому собеседованию у меня не было, поскольку я приехала к концу приема документов. Пришлось идти с тем набором знаний по математике, который у меня был. На собеседовании давалось два или три задания: доказательство теоремы и решение математических задач. С задачами я справилась быстро, а вот для доказательства теоремы я не знала исходных положений. И здесь сработали нахальство молодости и, возможно, какие-то аналитические способности. Я заявила экзаменаторам: «Если бы я помнила исходные положения, то дальше данную теорему я доказывала бы следующим образом», и продолжила доказательство. Мою логику приняли и допустили к сдаче экзаменов.

М. Н. Руткевич в тот год (1967) ввел еще одно новшество, которое позволило сохранить к выпуску количественно почти полный контингент студентов – это кандидаты в студенты. Их было достаточно много, кажется, человек 25. Кандидатом мог стать абитуриент, который получил положительные оценки на экзаменах, но не прошел по конкурсу. Реально это была группа вольнослушателей без каких-то других прав, кроме права занять место студента, отчисленного в течение первого года обучения. Очень интересный вариант, но позднее, возможно уже в 1968 г., эту систему отменили, как и собеседование по математике. Что касается математики, то вопрос решили, пригласив другого преподавателя.

Согласен, было сделано смелое решение. Как пошла учеба на философском факультете? Какие области философии Вас наиболее привлекали, какие преподаватели в наибольшей степени повлияли на Вас?

Учиться на философском факультете было интересно. Хотя традиционно мы знаем, сколь велика роль преподавателя в формировании специалиста, но далеко не всегда это можно проследить столь последовательно, как в моем случае. Дело в том, что философия как направление подготовки было явлением достаточно но-

вым для страны во второй половине 60-х гг. XX в. Отсюда учебные планы и программы дисциплин, с одной стороны, не столь строго определялись Министерством образования, как по другим специальностям. А с другой, – философия рассматривалась как дисциплина мировоззренческая и составная часть марксистско-ленинского учения, и потому контроль за учебной литературой был достаточно жестким. Это проявлялось в том, что учебников по философским дисциплинам практически не было. Кстати, одним из наиболее удачных и новых для своего времени стал учебник по диалектическому материализму М. Н. Руткевича. Отсутствие учебников имело свои плюсы. Студенты философского факультета с первого курса имели свободный доступ в областную библиотеку им. Белинского (в те времена только студенты старших курсов могли быть ее читателями) и посещали ее для подготовки к занятиям и экзаменам, что приучало к работе с научной литературой. Помимо того, мы с первого курса учились читать философские журналы и работать с научными статьями. Но вот доступ к монографическим первоисточникам был ограниченным, поскольку объявленные еще в 30-е гг. XX в. идеологически «вредные» труды хранились глубоко в запасниках. На третьем или четвертом курсе я писала работу по З. Фрейдю. Так вот, для того чтобы познакомиться хотя бы с одной из его работ, я получала специальное письмо от университета, чтобы эту работу разрешили мне посмотреть.

Отсутствие или ограниченность учебной литературы по философским курсам и дисциплинам повышало значение лекционных занятий, а вместе с этим роль преподавателя, ведущего ту или иную дисциплину. Непререкаемым авторитетом пользовался декан факультета Михаил Николаевич Руткевич. Как с лектором мы с ним познакомились только на старших курсах. Он читал нам спецкурс по социальной структуре общества, да и то только часть лекций, а остальные вела его ассистент. Но как «хозяин» факультета он, уже проходя по коридору, отмечал, чем мы заняты и должны ли быть на занятиях, вызывая трепет у первокурсников.

Мой выбор профессии по окончании школы имел достаточно стихийный характер, а вот утвердил меня в намерениях стать философом Евгений Фомич Молевич, который недолго проработал в УрГУ, переехав в Куйбышев (сейчас Самара). Уже на первом курсе у нас он читал курс диалектического материализма и вел семинарские занятия. Для вчерашних школьников разобраться с диалектикой и материалистической теорией было невероятно сложно. Как-то он трижды распустил группу и отменил семинарское занятие по проблемам активности материи, заявив, что мы к нему не готовы. Скорее всего, он добивался от нас не простого пересказа лекций, а самостоятельного мышления. По окончании учебного

года Молевич, подводя итоги, назвал 10 человек, из которых, по его мнению, философы получатся. Я была среди них. И совсем не потому, что блестяще училась. У Евгения Фомича были другие критерии. Такая оценка очень стимулировала. А методический прием роспуска группы и переноса занятий для усиления интереса к его содержательной стороне и дополнительной литературе я использую изредка и сама.

С историей философии нас знакомил Исаак Яковлевич Лойфман. Кроме того, что он хорошо владел содержанием и, как бывший школьный учитель, методикой обучения, Лойфман был хорошим оратором и обладал чувством юмора, что позволяло усваивать материал, опираясь позднее при подготовке к экзаменам на ассоциативные ряды.

Этику нам читал Леонид Михайлович Архангельский, который сменил М.Н. Руткевича, возглавившего к тому времени Институт социологии АН СССР, на посту декана философского факультета. Архангельский мне запомнился не как лектор и оратор, а совсем по другой причине. В середине 70-х гг. XX в. он, как признанный в области этики ученый, был приглашен в Москву в один из институтов АН. Да и раньше нам часто говорили о его заслугах в области этики, а вот в чем состоят эти заслуги, я так и не могла понять.

Конечно, особой фигурой на философском факультете был Лев Наумович Коган, который в тот период работал в Уральском отделении Академии наук СССР, но читал лекции и в УрГУ. Невероятно обаятельный, обладающей особой харизмой, он не мог не обратить на себя внимания. Студенты, которые слушали его лекции по историческому материализму (нам этот курс преподавал О. Н. Жеманов), до сих пор сыплют цитатами из этого курса по поводу отдельных социальных процессов. Нас Л.Н. Коган уже на старших курсах знакомил с прикладными социологическими исследованиями в области социологии культуры.

Олега Николаевича Жеманова как преподавателя я оценила гораздо позднее, уже работая над самостоятельной темой в УрО АН СССР. Кроме исторического материализма, он читал нам курс по критике буржуазных теорий. Только пытаюсь самостоятельно разобраться в содержании этих теорий, я поняла, как искусно он «критиковал», знакомя нас с содержанием теорий и не искажая реальных взглядов авторов в угоду официальной идеологии. Перейдя из Академии наук в вуз и разрабатывая спецкурсы в области теории менеджмента, я опиралась на небольшой учебник О. Н. Жеманова и монографию Д. М. Гвишиани «Организация и управление. Социологический анализ буржуазных теорий». Монография Гвишиани до сих пор стоит у меня на книжной полке, и я рекомендую ее студентам.

Подготовка студентов-философов предполагала на моем потоке две специализации: диалектический и исторический материализм. Я выбрала вторую. Именно это приблизило меня к социологии. Уже в начале 70-х гг. XX в. нам преподавали курс методики и техники социологических исследований, читали спецкурсы, базирующиеся на практике эмпирических исследований. В этом плане запомнились курсы М. Н. Руткевича о социальной структуре, где в качестве эмпирического материала использовались данные социологических исследований о студенческой молодежи, проведенных совместно с Ф. Р. Филипповым, знакомство с результатами исследований в области духовной культуры рабочего класса, выполненных в УрО АН СССР под руководством Л. Н. Когана. Социология меня заинтриговала, но тогда на последних курсах обучения я еще не подозревала, что она определит мою профессиональную судьбу.

Какая истматовская тематика Вас заинтересовала?

К сожалению, ничего не помню из курса истмата, а отсюда и собственно истматовской тематике. Что касается спецкурсов, то выше, когда я писала о преподавателях, я связывала их влияние именно с их профессиональной деятельностью: социальная структура общества (М. Н. Руткевич), спецкурс по методике и технике социологических исследований, духовная культура рабочего класса (Л. Н. Коган), спецкурс по проблемам личности.

Насколько активно Вы были вовлечены в студенческие годы в общественную деятельность?

Общественной активностью я в студенческие годы, как и позднее, не отличалась. Однажды на уровне учебной группы мне что-то поручили (не помню, что конкретно), но я не справилась с общественным поручением, и меня потом по этому поводу обсуждали на собрании. И вообще я была «серой» и незаметной мышкой и очень средней студенткой. Такой тип студентов ни администрацию, ни общественные организации не интересуют. Это позволяло мне жить интересной внеучебной жизнью (выставки, кино, дискуссионные клубы и т. п.).

Да, это известно, среди тех, с кем я уже беседовал, многие видели свою жизнь вне стен университетов. Причин много, часто – своеобразное бегство от рутины, скуки учебных курсов. Что Вы искали в выставках, кино, дискуссионных клубах? Просто расширяли свой кругозор или мечтали о новой профессии?

Я бы не сказала, что на занятиях мне было скучно, хотя рутины тоже было достаточно. Без этого не обходится ни одна работа, что понимаешь гораздо позднее. А вот внеучебный досуг показывал жизнь в ее разнообразии, поскольку студенчество – это период, когда в жизни все интересно. Мне же было интересно вдвойне после ограниченных возможностей маленького поселка. Хотя не стоит считать, что я не бывала в больших городах до этого, но когда появлялась возможность и я имела возможность собственного выбора, то он был связан с экскурсиями и музеями. Попав в старших классах в Ленинград вместе со своей школьной подругой, первое, что я себе запланировала – это Эрмитаж. Бродила там целый день одна, плутая по залам. Потом уже в аспирантуре я посещала прежде всего, помимо новых выставочных экспозиций, два зала – Родена и импрессионистов. А о новой профессии мне и в голову не приходило мечтать, поскольку, честно говоря, я о своем применении в будущем, кроме преподавания в вузе, мало что представляла.

...поскольку я родился и жил в Ленинграде до отъезда в Америку, то пришел в Эрмитаж очень рано и часто ходил туда, а моя родная сестра, окончив искусствоведческий факультет Академии художеств, пришла на работу в Эрмитаж и работала там буквально до последних дней жизни... так что я могу понять шок, испытанный Вами при первом посещении этого храма искусств...

Обучение на философском факультете, принимая во внимание и тот факт, что там работал Л. Н. Коган, давало вам возможность синтезировать Ваш интерес к философии и культуре, искусству. По какой кафедре Вы специализировались и писали дипломное исследование?

В период, когда я училась на философском факультете УРГУ, Лев Наумович находился в «ссылке» в тогда еще УрО АН СССР и на факультете появлялся не столь часто, чтобы студенты могли его лучше узнать. Фактически он в те годы (конец 60-х и начало 70-х) создал социологическое подразделение в Уральском отделении АН. Формально два сектора существовали там и раньше, но бурная работа началась с приходом Л. Н. Когана. Его первые серьезные работы по социологии культуры написаны на основе именно тех исследований. Но с этим я познакомилась позднее, когда пришла на работу в Академию.

Специализировалась я по кафедре исторического материализма, а дипломную работу писала по проблемам рабочего класса. Но я даже тему плохо помню. Не скажу, что это был захватывающий процесс, хотя потом обращение к этим проблемам пригодилось.

Я рано вышла замуж, еще в студенческие годы. Родился ребенок, и меня поглощали заботы молодой мамы. Да и какой-то солидной научной работы не намечалось. Все пришло после окончания вуза.

Что пришло после окончания вуза? Пожалуйста, обозначьте в целом, если мне не будет ясно, начнем обсуждать частности...

А дальше было завершение обучения и распределение в Институт экономики Уральского отделения АН СССР. Дело в том, что мне нужно было остаться в городе, а свободного распределения мне не полагалось, хотя ребенок был еще маленьким. Заявка от Академии наук была организована мамой одной из выпускниц, которой чуть позднее предложили место в аспирантуре. Мест же распределения непосредственно в Екатеринбурге было всего несколько, а я не отличница, чтобы получить право выбора среди первых. Группа повела себя очень достойно: никто не посягнул на это место. А остальные распределились преимущественно в города Сибири: Новосибирск, Красноярск, Хабаровск и др. Спрос на преподавателей философии с базовым образованием был высоким.

После получения диплома полагался месяц отпуска, но я в первые же дни рвалась выйти на новое место работы. Я попала по распределению в социологический сектор, название которого звучало примерно так «Демократизация управления производством». Второй сектор «Духовная культура рабочего класса» возглавлял Л. Н. Коган. При первой же встрече со своим руководителем я озаботилась вопросом: что мне почитать, как мне подготовиться к новой работе, поскольку понимала, что даже учебных навыков работы социологом у меня не было. Ответ был: отдыхай полноценный месяц, а там разберешься.

Первоначально мне было несколько грустно, что я не попала на преподавательскую работу: туда меня тянуло, да и график работы был более свободным. Только позднее я поняла, что мне несказанно повезло сразу по окончании вуза погрузиться в профессиональную социологическую среду. С первых месяцев работы мне дали исследовательскую тему «Моральное стимулирование привлечения к управлению рабочего класса» и включили в те исследовательские проекты (тогда говорили «хоздоговоры»), которыми занимался сектор. А это: разработка инструментария по своей проблеме, но в рамках темы договора, участие в опросах, обработка их материалов, написание отчетов по исследовательской работе, написание статей и тезисов, участие в научных семинарах и конференциях.

Накапливался исследовательский опыт. Лев Наумович как хороший магнит привлекал исследователей из разных регионов страны. Особенно тесными были связи с Уфимским авиационным институтом (Н. Аитов, позднее его ученик Ф. Файзуллин), Пермским политехническим (З. И. Файнбург, М. А. Слюсарянский), Пединститутом Нижнего Тагила. Еще молодые и активные, часто приезжали В. Т. Шапко, Ю. Р. Вишневецкий. Состоялись первые встречи с заводскими социологами с НТМК и Челябинска (Бардин, к сожалению, не помню инициалов, многие годы возглавлял там социологическую лабораторию, которая сохранялась и в перестроечные годы), московскими учеными и представителями других регионов.

Очень полезными были поездки по городам и предприятиям Урала для проведения анкетных опросов. Здесь я знакомилась с особенностями работы многих производств: машиностроительных, металлургических, химических, строительных и других предприятий. А сам анкетный опрос, который чаще всего проходил в бытовках, создавал неформальную атмосферу, и со мной охотно делились и проблемами и мнениями о том, что происходит (девочка молодая, нужно же ее было познакомить с жизнью). Этот опыт я до сих пор, так или иначе, использую при разработке новых исследовательских тем, аспирантских работ, на лекциях и при разработке и чтении спецкурсов. Кроме того, я знакомилась с географией Урала.

Второй вид поездок – это конференции, где устанавливались профессиональные контакты. География этих конференций охватывала основные регионы бывшего Советского Союза.

Накапливался и исследовательский материал. Мне становилось тесно в рамках научных отчетов и статей. Но в тот период в Институте экономики существовала практика написания диссертационных работ за рамками аспирантуры. Только, когда в середине 70-х гг. XX в. два сектора объединили в отдел, который возглавил Л. Н. Коган, ситуация изменилась. Он занялся молодыми учеными прежде всего в плане решения вопросов с аспирантурой. Меня он решил направить в ЛГУ. Было организовано целевое место в аспирантуру. Мне оставалось сдать один экзамен, поскольку два кандидатских уже были сданы, и ехать в Ленинград. Экзамен я сдала вполне успешно, но вот из дневной аспирантуры тут же перевелась в заочную, чем, думаю, очень обрадовала кафедру научного коммунизма ЛГУ, получившую дополнительное место. А вот Лев Наумович был страшно недоволен и кричал на весь коридор Института экономики: «Посмотрите на эту обезьяну. Она никогда не защитит диссертации. Надо же было отказаться от Ленинграда!!!». Да, если бы я не отказалась от дневной аспирантуры, то, возможно, жизнь сложилась бы иначе. Но диссертацию я защитила и даже на год раньше, чем предполагал официальный график.

Здесь не было ничего сложного для меня: поступая в аспирантуру, я уже имела около десятка публикаций, располагала материалами более десятка исследований по всему Уралу, кандидатские экзамены были сданы, кроме экзамена по специальности. Так что первые два года аспирантуры я приезжала в ЛГУ на один день, чтобы представить формальный отчет. Диссертацию собственноручно начала делать на третьем году. Не могу не упомянуть человека, который ускорил ее защиту, – это Галина Алексеевна Ковалева (в конце 90-х – начале 2000-х министр экономики и труда Свердловской области), работавшая в тот период в том же секторе, что и я. Когда я решила отправить текст диссертации своему научному руководителю, профессору Джамалу Зейнутдиновичу Мутагирову, мы встречались с ним раз пять за все время и то кратко-временно, то она посоветовала оформить сделанное полностью в соответствии с требованиями (титульный лист, введение, заключение и т. п.). В результате это был первый и последний вариант диссертации. Когда меня пригласили на заседание кафедры, то я даже не подозревала, что прохожу предзащиту.

Я пишу об этом не только и не столько из-за погружения в ностальгию по прошлому. Мой опыт показывает, сколь значимо для ученого глубокое погружение в исследовательскую профессиональную среду и насколько легко, благодаря этой среде, приходит к столь серьезным обобщениям своего исследовательского опыта, к каким я отношу кандидатскую диссертацию.

...все ясно, Вы постепенно вошли в социологию, в 1980 защитили в ЛГУ кандидатскую диссертацию. Что удалось показать? Были ли в те годы эффективные пути развития социально-политической активности населения Урала? Как Вам сегодня кажется, можно ли было разглядеть, что страна стояла на пороге коренных перемен?

К вопросу о путях развития социально-политической активности рабочего класса Урала. Здесь, насколько я помню, мои рекомендации с позиций сегодняшнего знания проблемы и накопленного социального опыта были примитивны. Я их и не помню особенно. Помню, что еще до защиты диссертации меня поразило несколько фактов. Первый был связан с плановым распределением различных способов морального стимулирования активности работников предприятий. Например, на долю того или иного предприятия выделялось несколько почетных званий федерального или местного масштаба, несколько почетных грамот и т. п. (кстати, эта практика сохранилась и сегодня в вузах. На ученом совете мы до сих пор утверждаем кандидатуры сотрудников, представленных к поощ-

рениям федерального уровня, да еще с профсоюзом это согласовываем. А количество наград все еще определяется свыше). Когда я отразила данный факт в одном из научных отчетов и попробовала опубликовать это, мне, как еще молодому и «зеленому» исследователю, сказали: ну и что? мы-то это с вами знаем, а остальным зачем об этом знать? В диссертации позднее я такую практику все-таки покритиковала.

Далее меня поразило существенно более высокий уровень оплаты труда рабочих по сравнению с ИТР и, тем более, научных сотрудников. В социологической литературе эта тенденция объяснялась появлением особой социальной группы внутри рабочего класса – рабочих-интеллигентов (Н. А. Аитов, М. Н. Руткевич). В 80-е гг. начали внедряться в практику системы коллективной ответственности за результаты трудовой деятельности (хозрасчетные бригады) и состояние трудовой дисциплины (опыт Северского трубного завода), что требовало делегирования ряда управленческих функций на нижнее звено управления, непосредственно первичным коллективам. Но опыт Северского трубного завода противоречил законодательству: вся бригада добровольно отказывалась от премии в случае нарушения трудовой дисциплины хотя бы одним из ее членов, а хозрасчетные бригады, создаваемые по опыту западных автономных бригад, не соглашались распределять заработную плату по коэффициенту трудового участия внутри первичного коллектива, предпочитая сохранение дружеских связей и психологический комфорт социальной справедливости и возвращая это свое право отделам по труду и заработной плате. Так что для меня начало 80-х гг. XX в. еще мало что говорило о наступлении времени перемен. Потребность в переменах и их ветер начинает чувствоваться в конце 80-х-начале 90-х годов, когда я уже перешла на работу в вуз, каким на долгие годы для меня стал Уральский политехнический институт.

На какую кафедру Вы пришли работать? Кто из старших коллег помогал Вам входить в преподавательскую и научно-исследовательскую деятельность?

Я пришла работать на кафедру научного коммунизма на должность ассистента, но проработав семь лет в УрО РАН и там уже получив должность старшего научного сотрудника, ассистентом я себя не чувствовала. Кафедра научного коммунизма УПИ в 1980 г. была крупнейшей для вуза в тот период и насчитывала 26 штатных преподавателей, но в научно-исследовательскую работу была включена лишь небольшая ее часть. В их числе наиболее известным в своем регионе был Л. Д. Митрофанов, который в рам-

ках межвузовского научного коллектива занимался разработкой планов социального развития. Он входил и в состав авторского коллектива, который подготовил и издал «Методические рекомендации по разработке планов социального развития предприятия» (не могу ругаться за точность названия издания), но в свое время, будучи включенной в работу по разработке таких планов, я этими рекомендациями пользовалась. Активно занимались подобными исследовательскими проектами Ф. А. Поправко, Р. М. Сырнева, И. Ш. Ослянский.

Научно-исследовательская работа преподавателей кафедры активизировалась с приходом в 1981 г. на должность заведующего Ю. Р. Вишневого, молодого, полного творческой энергии и желания работать в этом направлении доктора философских наук из г. Нижнего Тагила. В силу скорее личностных особенностей он старался, во-первых, объединить коллектив кафедры на решение общих задач, а во-вторых, вовлечь в эту общую работу всех преподавателей, что иногда приводило к казусам, когда он сам дописывал разделы отчетов за некоторых членов группы. Научно-исследовательская работа – это все-таки особый вид деятельности, к которому далеко не у всех есть способности, не говоря уже о знаниях и исследовательских навыках.

У меня в данном случае проблем не было, помогал опыт, полученный за время работы в Академии и написания кандидатской диссертации. Да и философское образование давало существенные преимущества для работы, поэтому достаточно быстро и на долгие годы я стала заместителем Ю. Р. Вишневого по научной работе на кафедре и ответственным исполнителем при выполнении хозяйственных работ. А таких работ было много: в доперестроечный период – это в основном планы социального развития предприятий, в перестроечный – исследование проблем адаптации населения к рыночным реформам, реформирования системы общего образования и адаптация учительства к этим реформам.

Что касается аудиторной работы, то основными проблемами здесь можно назвать усвоение содержания курса научного коммунизма и методике преподавания. В Академии я накапливала и формировала объем знаний и информации по узкой научной проблеме, связанной с вопросами управления и детерминации деятельности личности, а здесь нужно было освоить и принять знания по жестко заданной Министерством образования программе. Особенно сложно мне давались два раздела: развитой социализм и деятельность компартий. С развитым социализмом был курьезный случай: иду по коридору и становлюсь случайным свидетелем разговора студента с преподавателем. Речь идет обо мне, и студент говорит о том, что я сама, мол, не знаю, что такое развитой соци-

ализм. А преподаватель утешал, что я еще молода и научусь. Студент был прав: мой ум исследователя соглашался с обоснованными фактами, а с идеологическими декларациями никак соглашаться не мог. Слава богу, развитый социализм вскоре отменили, и problem в этой области для меня не стало. Да и Ю. Р. Вишневский во второй половине 80-х гг. XX в. проявил себя как руководитель-демократ, который добился, чтобы мы читали курсы не только научного коммунизма, но и более свободные интерпретации проблем советского общества периода начала перестройки. Конечно, я за эту идею уцепилась, и мой курс скорее был посвящен актуальным проблемам данного периода.

Что касается методики преподавания, то здесь я опиралась на свой студенческий опыт и перенимала те приемы и методы своих преподавателей, которые, по моему мнению, были наиболее интересными и эффективными в работе с аудиторией. Учителями для меня здесь были прежде всего Л. Н. Коган и И. Я. Лойфман. Оба обладали ярко выраженной индивидуальной харизмой и умели самые скучные факты и темы подавать с юмором и интересно. Такой харизмы у меня не было, а вот борьба со скукой на лекциях они меня научили. В УПИ я сразу прониклась интересом к ораторским особенностям Ю. Р. Вишневого и специально ходила к нему на лекции, чтобы поучиться методическим приемам работы с аудиторией. Кроме того, в тот период шло увлечение активными формами обучения, применением технических средств во время лекционных занятий. Я это все с интересом осваивала. Апробации полученных навыков способствовала работа с разными видами аудиторий учащихся: от традиционных студенческих аудиторий до работы с руководителями предприятий (школа марксизма-ленинизма, к работе в которой меня очень быстро привлекли) и заводскими социологами. В школе марксизма-ленинизма мы вместе с Ю. Р. Вишневым вели курс по управлению предприятием. Здесь я получила первый опыт чтения лекции вдвоем. С Юрием Рудольфовичем это было легко, поскольку наши мнения по разным проблемам управления часто не совпадали, то мы прямо на лекции вступали в дискуссию, и я училась корректному ее ведению в учебном процессе. Позднее методике работы с аудиторией училась у Г. Е. Зборовского (логика лекционного доклада, аргументация, обращение к особенностям исторического периода и биографическим данным ученых).

Очень хорошим опытом было участие в работе в первой половине 80-х гг. очно-заочной школы социологов. Всего прошло три таких школы с двухгодичным сроком обучения заводских социологов. Меня сюда привлек Л. Н. Коган. Он был основателем этой школы и ее руководителем. Хотя и проходила эта школа на базе

Челябинска и курировалась Челябинским областным комитетом партии, но приезжали на нее заводские социологи со всего Урала. Мне поручили курс методики и техники социологических исследований. Опыт взаимодействия с такой аудиторией готовил меня уже к будущей деятельности по подготовке профессиональных социологов, хотя и использован он был позднее: во второй половине 90-х гг. Вместе с тем, в общении с заводскими социологами я получала неоценимую информацию о состоянии дел в коллективах промышленных предприятий из первых уст.

Но к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. исследовательская активность начала спадать, возможности применить накопленный опыт научных исследований и преподавания все сужались. В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы.

Галина, Вы несколько лет занимались планами социального развития, Вам хорошо знакома эта тематика. Если судить лишь по рассказам моих собеседников из разных городов и регионов, то можно утверждать, что университетскими и заводскими социологами в свое время был собран значительный по объему материал по разным сторонам жизни трудовых коллективов и населения страны. По Вашему мнению, есть ли возможность сегодня вернуться к той информации и тем выводам, чтобы составить целостную картину жизнедеятельности общества в 70-е – начале 80-х годов? И второй вопрос, нужно ли это делать, есть ли в этом научный резон?

Начну с ответа на второй вопрос: научный резон в этом есть, поскольку материал действительно был собран обширный, хотя следует учитывать, что он отражал интересы заказчика и специфику плановой экономики. Если первоначально планы социального развития отражали потребность в развитии социальной сферы предприятий и учреждений, то уже к 80-м гг. они стали обязательной формой планирования, которая задавалась сверху министерствами. Мне приходилось встречаться с ситуацией, когда мы сдавали заказчику один вариант плана социального развития, а отчитывался он совсем по другому, форма и содержание которого задавалась отраслевым министерством. Далее: цели социального развития, которые мы формулировали и которым подчиняли содержание самого плана, не совпадали с той целью, которую видела администрация. Мы эти цели связывали с созданием условий для развития личности, а для администрации главным было повышение производительности труда. Отсюда, если в строке «эффективность тех

или иных мероприятий» мы писали «социальный эффект», то нас спрашивали, а каким и когда будет эффект экономический.

Обращение к исследованиям 70–80-х гг. уже наблюдается в социологической науке, хотя пока еще достаточно скромное. Например, мне известно, что молодой социолог из Высшей школы экономики Р. Абрамов работает над проектом динамики трудовых ценностей в российском обществе с 70-х гг. XX в. по настоящее время и собирается в рамках этого проекта обратиться к материалам социологических исследований 70–80-х гг.

А теперь по первому вопросу. Боюсь, что обратиться к информации, собранной для планов социального развития отдельных предприятий, городов и даже регионов, маловероятно. Она представлялась на бумажных носителях и хранилась потом в архивах, которые теперь уже не существуют. Личные архивы такой информации тоже, думаю, редкое явление. Например, я довольно долго хранила такие материалы, но к началу 2000-х избавилась от них, поскольку они не были востребованы, и руки до них не доходили.

Ответ на предыдущий вопрос Вы закончили словами: «В стране начались бурные перемены, а в вузовской науке, напротив, растерянность и застой. Но это уже другие времена и другие проблемы». Как эти макрособытия отразились на Вашей жизни и профессиональной деятельности?

90-е гг. XX в. были сложными не только для страны и ее населения в целом, но и для вузовских преподавателей. И дело не только в невыплатах зарплаты (ее, как правило, в вузах выплачивали вовремя) и ее покупательной способности, но в изменении в отношении к учебе со стороны студентов, часть которых активно включилась в коммерческую деятельность, которая воспринималась как основная. Лозунг Б. Н. Ельцина: «Разрешено все, что не запрещено законом» оказался привлекательным и для студенческой молодежи. В связи с этим резко снизились посещаемость занятий, интерес к учебе, несмотря на любые методические усилия и уловки преподавателя. У нас в Уральском политехническом институте в 90-е гг. была введена система спецкурсов по выбору в области социальных дисциплин. Так довольно часто повторяющаяся картина при выборе спецкурса была такой: преподаватель на первом занятии рассказывает о целях и содержании спецкурса, а в это время открывается дверь аудитории, в нее просовывается голова или головы нескольких студентов и задается типичный вопрос: «А как зачет будете ставить?»

На занятиях бесконечно звонили пейджеры (мобильных телефонов еще не было или они были в ограниченном пользовании), и

студент, отвлекая всю аудиторию, начинал общаться с абонентом на другом конце, сопровождая весь процесс громкими комментариями о важности звонка. Смысл профессиональной преподавательской деятельности в таких условиях терялся.

Заказов на исследовательскую работу также не поступало. Отсюда возникли две проблемы: первая была связана с обретением нового смысла профессиональной деятельности, а вторая – поиск альтернативных источников доходов. Каждый решал ее в силу своих возможностей. Чаще всего для преподавателей таким источником доходом становилось преподавание практически любых дисциплин и курсов в уже расширяющейся сети филиалов и представительств различных вузов, качество подготовки специалистов в которых реально было ниже всяких требований. Сама имею опыт такой работы, по нему и сужу.

Мне повезло, и нашелся другой альтернативный вариант, идею которого предложил мне Л. Н. Коган – создание и работа в качестве директора в Институте молодежи при Областном комитете по делам молодежи. Не сразу, но я согласилась, но на полставки все-таки осталась в УПИ. Институт нужно было создавать с нуля, концепция его деятельности была достаточно туманной. В результате в 1995 г., оформив все учредительные документы, я заняла должность директора Института молодежи при штате сотрудников в 5 человек. Данный институт сразу создавался не как самостоятельное образовательное учреждение (здесь нужна была особая лицензия), а как структура, занимающаяся аналитической деятельностью в области работы с молодежью и подготовкой материалов для разработки молодежной политики Свердловской области, а также повышением квалификации специалистов, работающих с молодежью и подростками в подростковых клубах и центрах. За работу я взялась с энтузиазмом и, несмотря на ограниченный бюджет, за два года нам удалось, привлекая ведущих социологов города, провести исследование «Молодежь Среднего Урала», выступить организаторами Уральских социологических чтений по молодежной проблематике, подготовить несколько аналитических сборников соответствующей тематики, сделать несколько выпусков специалистов для работы в летних оздоровительных лагерях. Но денег было все меньше, и постепенно деятельность института стала сводиться к организации курсов повышения квалификации, а я превратилась в завкурсами.

Такая работа меня не устраивала, и снова назревал профессиональный кризис, когда Г. Е. Зборовский предложил мне подумать о докторской диссертации. Когда же я согласилась, то бюджетное место в докторантуре тогда еще СИПИ (Свердловский инженерно-педагогический институт), где он в то время работал,

Гарольд Ефимович организовал очень быстро. С учетом особенностей данного института (подготовка кадров для системы профессионального образования) и моих исследовательских материалов определилась и тема докторской диссертации о связи профессии и образования. В эту работу я окунулась с головой. Это уже была моя стихия. Через два с половиной года диссертация уже была представлена в диссертационный совет Уральского государственного университета и в самом конце 1999 г. перед празднованием Нового года защищена.

За эти годы и система высшего образования начала выходить из кризиса. Я же в СИПИ получила опыт работы со студентами, профессионально ориентированными на будущую социологическую деятельность, и этот опыт был для меня важен и интересен. Да и интерес к социологическим исследованиям начал возрождаться.

Галина, пожалуйста, мне бы хотелось получить более развернутый рассказ о Вашей докторской диссертации. Ее название, проблематика, основные выводы.

Тема моей докторской диссертации «Теоретико-методологический анализ взаимосвязи профессии и образования». В этой работе в конце 90-х гг. XX в. я сделала одну из первых попыток в практике отечественной социологии провести анализ связи данных феноменов с позиций институционального подхода. Хотя еще в работах таких классиков социологической науки как Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс встречаются идеи, позволяющие исследовать профессию как особый социальный институт, но проработки ее в тот период в российской социологии не было. Да и сейчас, чаще всего, когда в некоторых работах ставится вопрос об институциональных основах профессии, профессиональном разделении труда и профессиональной стратификации, то авторы либо останавливаются на уровне декларации идеи, либо рассматривают институт профессии как априори известное и хорошо исследованное в теории явление.

Сложность работы была связана с тем, что в период кризисных 90-х гг. доступ к отечественной и западной литературе был ограничен. Выходило мало монографических исследований, недостаточно издавалось трудов по классической и современной социологии. Даже с наследием П. Сорокина российские социологи только еще начинали знакомиться. Отсюда оценить состояние разработанности проблемы было крайне сложно. Но здесь существовала и другая сторона медали: свобода для собственного творчества, отсутствие подспудного давления мнений авторитетов.

Моя авторская идея состояла в том, что профессия одновременно представляет собой вид деятельности, социальный институт и социальную общность и функционирует в обществе в системном единстве этих трех составляющих. Ее состояние определяет и развитие института образования. Не случайно в мировой практике первоначально формируется система профессионального образования, а уже гораздо позднее – общего. Институциональный уровень профессии и образования определяет характер и направленность их взаимосвязи в обществе. Именно это легло в основу моей теоретической концепции и развивалось в докторской диссертации через анализ института профессии, этапов его формирования и функционального назначения, исследование институциональных особенностей становления и функционирования профессионального образования. Отдельно поднималась проблема социальных механизмов, обеспечивающих связь между профессией и образованием. Была сделана попытка выявить и проанализировать такие механизмы с учетом уровня их функционирования, направленности и масштаба действия.

Основной вывод, который был сделан в результате работы, состоял в том, что решения любого уровня по реформированию или совершенствованию профессионального образования должны учитывать исторически сложившиеся институциональные нормы и традиции как объективные регуляторы взаимодействий и отношений внутри и между социальными общностями. В противном случае эти нормы и правила выступают барьерами, чаще всего невидимыми, для проводимых реформ и трансформаций. При общности институционального содержания в различных странах существуют свои особенности складывания и функционирования институтов профессии и образования, а также механизмов, обеспечивающих связь.

Проводимая в России реформа профессионального образования, которая сегодня обозначается как его модернизация, подтверждает этот вывод. Я в течение многих лет включена в процессы бесконечного реформирования высшего профессионального образования и имею возможность наблюдать и оценивать их результаты. Сегодня в рамках модернизации решаются вопросы консолидации его с мировой практикой. Изменение структуры подготовки профессиональных кадров (бакалавриат, специалитет, магистратура), внедрение компетентного подхода, системы кредитов и т. д. пока порождает дикого кентавра, с трудом стоящего на своих глиняных ногах. Мы пишем программы учебных дисциплин, где должны учитывать какие-то заданные сверху Федеральным образовательным стандартом компетенции (в большей степени профессиональные), формируемые учебной дисциплиной, даже если эта дисциплина

способствует общему развитию личности. Кроме того, масса времени тратится на расчет и перерасчет баллов, в которых оцениваются знания и достижения студента (они далее должны переводиться в кредиты), а потом эти баллы переводятся в традиционную для России и понятную всем систему оценок: отлично, хорошо и т. д.

Специальные профессиональные компетенции, их набор и перечень должны формироваться с учетом потребителя и будущего работодателя, но кто сказал, что высшее профессиональное образование обязано подготовить профессионала, удобного всем, да еще и за государственный счет в основном? А как же динамика профессионального разделения труда и завтрашняя потребность уже в других профессиях и специальностях? Это противоречия сегодняшнего дня, которые требуют для своего разрешения участия науки и учета ее мнения при принятии управленческих решений. Но это уже другая проблема.

Я не преувеличиваю роль своей диссертации в развитии социологии профессий. Для большинства она прошла незамеченной, но после ее защиты и выхода монографии «Профессия и образование: социологический аспект связи» (тираж небольшой, да издана в местном университетском издательстве) появились новые исследования, были защищены кандидатские диссертации по данной тематике. В Институте социологии РАН был создан сектор по социологии профессий и профессиональных групп, который возглавил В. А. Мансуров. Его аспиранты провели интересное исследование по проблемам профессиональной общности врачей. В этой области интерес представляют работы Е. Ярской-Смирновой, П. Романова, Р. Абрамова.

Итак, уже полтора десятилетия прошло после остепенения. У вас стало больше возможностей заниматься наукой, готовить публикации, участвовать в конференциях, продвигать свои идеи через дипломников, аспирантов? Или не все так однозначно?

Как оказалось, именно время, приближенное к сегодняшнему дню, охарактеризовать сложнее всего. После защиты докторской диссертации у меня был выбор: заняться административной работой (сразу поступили предложения на заведование кафедрой), продолжать работу в вузе с хорошей оплатой, но по подготовке специалистов несоциологического профиля, и заняться подготовкой будущих социологов, но с меньшей финансовой поддержкой. Я выбрала третий путь и перешла на работу в Уральский государственный университет на кафедру прикладной социологии на должность профессора.

Уральский государственный факультет начал подготовку социологов в 1988 г. одним из первых в России, в 2000 г. была открыта магистратура по направлению «Социология». Преподаватели, работающие с будущими социологами, имели большой опыт работы в области как теоретической, так и эмпирической социологии (А. В. Меренков, Е. С. Баразгова, Г. П. Орлов, Н. Н. Маликова, С. Н. Чаплыгина и др.). Еще в середине 60-х гг. XX в. в УрГУ была создана лаборатория социологических исследований, которая продолжает работать и до сих пор. Это создавало условия для участия в эмпирических исследованиях, как преподавателей, так и студентов. Кроме того, при университете была открыта аспирантура по социологии и с середины 90-х гг. работал диссертационный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций в области социологических наук. Это позволяло готовить кадры профессиональных преподавателей-социологов. Многие нынешние преподаватели – это наши выпускники.

Работу на факультете политологии и социологии УрГУ я совмещала с преподаванием ряда дисциплин на кафедре социологии и социальных технологий управления УПИ, которой руководил и по сей день руководит Ю. Р. Вишневский. Для этого пришлось освоить учебные дисциплины в области подготовки менеджеров (Основы менеджмента, Управление персоналом, Социальные технологии), которые, с одной стороны, расширяли кругозор, а с другой, – обогащали собственно социологические курсы, которые я преподавала уже в УрГУ (Общая социология, Социология организаций, Социология конфликта, Методика преподавания социологии и др.). На освоение учебных дисциплин, отработку методов и приемов работы с аудиторией с учетом особенностей курса и особенностей студентов у профессионального преподавателя уходит много времени, но все это компенсируется результатом. Особый интерес представляет работа с дипломниками. У нас подготовка к дипломированию фактически начинается с первых курсов. Научно-исследовательская работа студента организована таким образом, что, выбрав тему курсового исследования и его руководителя, студент дальше идет по пути ее углубленного изучения, осваивая как теоретические аспекты проблемы, так и методы ее эмпирического исследования. Конечно, не каждый студент в течение всех лет обучения занимается одной и той же проблемой, но важно, что руководитель имеет возможность наблюдать за его профессиональным развитием и ростом и корректировать его.

Кроме того, много времени занимает работа с магистрами и аспирантами. Собственно в магистратуру поступают чаще всего наши выпускники, возможности и интересы которых ты уже представляешь. Часть из них идет в аспирантуру. Работа с аспиранта-

ми – это, пожалуй, наиболее интересное и сложное дело. За полтора десятка лет под моим руководством защищены более десяти кандидатских и одна докторская диссертации. А мне важно наблюдать дальнейший путь моих аспирантов и соискателей в науке. Темы работ достаточно разнообразны: часть их связана с анализом функционирования и развития социальных, в том числе и профессиональных, общностей. Другие уходят в область иных социальных процессов: например, блогосфера или влияние глянцевого журналов на социальную идентификацию молодежи. Но ни одна из работ не является для меня случайной или проходной, поскольку вместе с соискателем я погружаюсь в проблему, ее методологические и эмпирические проблемы, и снова узнаю много нового в области социологической науки.

Что касается конференций, то, честно говоря, я потеряла к большинству из них интерес. Когда-то многолюдные профессиональные тусовки ушли в прошлое, если не считать социологические конгрессы. В чем преимущество бывшей многолюдности – это возможность встречи с интересными учеными, это новые контакты и связи, это разнообразие дискуссий. Вероятно, в моем возрасте интересы уже устоялись и система профессиональных контактов сложилась, поэтому открытия случаются редко. Многочисленные заочные конференции еще менее интересны, поскольку исключают возможность живого общения. Но в последние годы, особенно с объединением двух университетов Екатеринбурга – УрГУ и УГТУ–УПИ и созданием Уральского федерального университета расширились возможности поддержки исследовательских проектов (федеральные гранты мы выигрываем далеко не столь часто как москвичи), зарубежных командировок и стажировок. И в этом плане я больше радуюсь за молодое поколение преподавателей, у которых появились возможности установления международных контактов, вхождения в мировую социологическую науку. Отсюда я не поддерживаю пессимистических настроений о кризисе отечественной социологии. Думаю, что у нее еще все впереди. И из наших рядов тоже выйдут ученые, которые когда-нибудь будут называться классиками. Но это уже завтрашний день.

П. А. Амбарова

**«СМОТРИ НА МИР И ВРЕМЯ
РЕАЛИСТИЧНО,
ДУМАЙ ОПТИМИСТИЧНО»**

Полина Амбарова – это Ваша фамилия по рождению или после замужества? В любом случае, Вы знаете ее происхождение? Насколько глубоко Вам знакома история Вашей родительской семьи?

Амбарова – это моя девичья фамилия, полученная по традиции от отца – Анатолия Иосифовича Амбарова. Мне пришлось поменять ее лишь однажды, ненадолго, потом «вернуться» к ней снова и уже никогда не менять. Из ближайших родственников я, пожалуй, единственная, кто сохранил ее. Правда, однажды я выступила и под фамилией своей мамы – Александры Сергеевны (в девичестве Двойниковой). Мне нужно было поставить подписи под двумя заметками в газете, в которой я работала корреспондентом. Одной фамилии не хватило, и пришлось позаимствовать мамину. Мне трудно было сдерживать смех, когда мама прочитала заметку, увидела знакомую фамилию и обратилась ко мне со словами: «Представляешь, на Урале тоже есть Двойниковы! Вот, смотри». Мне пришлось признаться в своей проделке с фамилиями и немного ее расстроить – у мамы сильно развито чувство землячества и ностальгия по ее малой родине – рязанской земле.

Происхождения своей фамилии я не знаю, но встречала ее упоминание в интернете у людей из разных регионов России. Наверно, это не самая редкая фамилия.

История моей семьи – и по отцовской, и по материнской линии – в подробностях мне известна только до поколения бабушек-дедушек. К сожалению, мне почти не довелось общаться с ними – бабушки умерли, когда я была еще маленькой, дедушек я вообще не застала – оба они прошли войну, были сильно изранены.

Семья Амбаровых, по разговорам, была исконно уральской, проживала в селах и деревнях Ирбитского района. Город Ирбит, в котором я появилась на свет, – один из старинных не только уральских, но и российских городов, был основан в 1631 г. Иваном Спи-

циным, сначала под названием Ирбеевской слободы. Именно там гремели знаменитые Ирбитские ярмарки, описанные в романе Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Я люблю бывать в этом городе, несмотря на плачевное состояние памятников архитектуры – изумительной красоты одно- и двухэтажных каменных домов, изукрашенных каменным узором – и несмотря на угасшие заводы, из которых самым знаменитым на всю страну был Ирбитский мотоциклетный завод. На этом заводе много лет работали мои родители и почти все соседи по дому. Мы жили совсем близко, на ул. Советской, и иногда ходили с сестрой встречать маму со смены. Видели, как заканчивается рабочий день у заводчан, как идут они через проходную, прощаются друг с другом... Крыши многих домов, ограждения в Ирбите были выкрашены «знаменитой» зеленой мотоциклетной краской.

Именно в этом городе прошло мое советское детство: с бабушками у подъезда, с играми в «казаки-разбойники» в большой дворовой компании. Переезд нашей семьи в 1980 г. на другое место жительства совпал со смертью бабушки. С тех пор обязательно раз в год кто-то из нашей семьи приезжает в Ирбит на могилу к ней. Это традиция: прибраться на могиле, пройти мимо знакомых до буквы старинных камней, вросших в землю, а потом зайти в старую церковь, в которой до сих пор сохранился ярко-синий со звездами потолок (как помню из детства).

Дед по отцовской линии был деревенским кузнецом. Человек он был суровый, и мой отец его боялся, особенно тогда, когда тот был побрит (почему-то таким он казался ему еще более суровым). Бабушка была хорошей стряпухой, готовила очень вкусную выпечку. От бабушки отец унаследовал любовь к пирогам и от деда – мастеровитость и «золотые руки». Трудно сказать, чего он не умеет делать: может выстроить дом (на его счету три больших капитально отстроенных дома), отремонтировать любой прибор (кроме, конечно, электронных), сконструировать механизм, инструмент. Его так и называют соседи и знакомые – «наш Кулибин».

Трудное военное и послевоенное детство не позволило отцу получить образование. Но, если бы это случилось, из него получился бы хороший инженер, а может быть и инженер-конструктор. Впрочем, отсутствие формального образования не помешало ему заниматься самообразованием. Отец много читал и до сих пор читает. В гараже хранятся многолетние подшивки журналов «Моделист-конструктор», «Техника – молодежи», отдельные номера которых я потихоньку от него выдергивала и читала. Помимо интересных научно-познавательных заметок, в них печатали фантастические рассказы.

Может быть, благодаря этому, а скорее всего из-за того, что отец никогда не возражал против моего присутствия во время его работы, я научилась каким-то нехитрым приемам мужской домашней работы, которые мне до сих пор пригождаются в быту. Мне очень нравилось смотреть, как плавится олово, как пахнет канифоль, как из-под отцовских рук что-то появляется. До сих пор мы с ним нет-нет и садимся один на один, чтобы обсудить какие-то технические «проекты» (дачного дома, водопровода), обязательно с элементами «автоматизации».

Семья мамы, так же, как и у отца, была большой деревенской семьей. Из десяти детей пятеро погибли на войне. Пятерых оставшихся бабушке – Анне Михайловне – пришлось поднимать одной. Ее муж – Сергей Иванович Двойников – был демобилизован в конце войны из-за ранений и умер почти за месяц до окончания войны и рождения своей последней дочери Саши (моей мамы). Семья пережила пожар, в котором сгорело все – и дом, и вещи, и семейные фотографии. Бабушка с такими же погорельцами ходила с корзиной по деревням, собирая продукты и одежду. Работала водовозом на ферме, зимой возвращалась домой в одежде, покрытой коркой льда, выпивала несколько стаканов горячего чая и только тогда приходила в себя.

Никого из детей бабушка не отдала в интернат или родственникам (хотя те просили), всех подняла сама. Все пятеро оставшихся детей «вышли в люди». Трое сыновей уехали строить Магнитку и там осели, завели семьи.

Чем жили и занимались родственники по линии бабушки, не знаю. А вот по линии деда история известна. Семья была «крепкая», поскольку держала постоянный двор. Трое сыновей жили дружно и все были женаты на Аннах. Бабушка вышла за деда в 16 лет. Свадьбу играли скоро: бабушка, Анна Михайловна, была красивой – статной, высокой, с черными выразительными глазами – и приглянулась невысокому и коренастому Сергею Ивановичу. Бабушка сохранила свою красоту даже в старости, несмотря на тяжелую жизнь, рождение десятерых детей, пять похоронок. Моя сестра унаследовала от нее красивые темно-карие глаза.

Дед в колхозе почти не работал, служил лесником и всегда говорил бабушке: «Ничего, Аннушка, проживем хорошо». Действительно, семья никогда не бедствовала. Может быть, эта черта была семейной. Два других брата деда тоже жили зажиточно. Один, правда, бежал в леса, когда раскулачивали. Другой остался в деревне, но жил на особинку – выращивал с женой помидоры и качал мед, затем куда-то продавал или сдавал.

Почему я считаю это семейной чертой? Потому что моя мама унаследовала ту же домовитость и рачительность. Наша семья,

хоть и жила, как многие советские семьи, небогато, но никогда не бедствовала благодаря маминому ведению хозяйства: в доме было всегда чисто, всегда была вкусная, сытная еда, пироги, мясо, рыба, заготовки. Надеюсь, что это передалось по наследству и следующим поколениям нашей семьи.

К сожалению, я почти не поддерживаю связей с нашей многочисленной родней (это делает моя сестра через социальные сети). Но в кругу ближайших родственников у нас культивируются тесные семейные связи: мы очень близки с сестрой и воспитываем и принимаем всех наших четверых детей как одинаково родных. Иногда мне приходится выступать посредником между ней и ее «кризисным» ребенком, иногда она защищает или воспитывает моих детей. У меня хранятся небольшие записи семейных историй и родословных, записанных со слов родителей. Но это лишь то немногое, что удалось сделать за время коротких разговоров. Хорошо, что сейчас есть техника и можно записывать, чтобы сохранять для детей семейную память.

Вы пошли в школу в Ирбите или уже на новом месте жительства? Какие воспоминания о школьных годах: как шло учение? что читали? что вообще интересовало?

С переездом из Ирбита в Рефтинский – поселок городского типа – закончилась детсадовская жизнь. Отец в поисках лучшей жизни за несколько лет до этого уехал на строительство Рефтинской электростанции, а затем перевез и всю нашу семью – маму, меня и мою старшую сестру Веронику. Поселок был «молодым», с чистыми широкими улицами, огромным Дворцом культуры с Зимним садом и осетрами в маленьком бассейне. В нем были построены благоустроенные дома с горячей водой в кране! После Ирбита для меня это было самым удивительным делом. До переезда в Рефтинский я думала, что ванна существует в доме для того, чтобы полоскать в ней белье, а моются люди в бане.

Школа, в которую я пошла через несколько месяцев после переезда, располагалась в трех минутах от дома. Одновременно я поступила в музыкальную школу по классу фортепиано. В учебе примером для меня во многом была старшая сестра. У нее всегда все было в порядке – уроки, учебники, тетрадки, все было чисто и аккуратно, училась она старательно. И несмотря на то, что у меня уже появились школьные подружки, я тянулась к ее компании, особенно когда она закончила восьмилетку и поступила в музыкальное училище в соседнем городе Асбесте. Тогда у нас дома стали появляться ее подружки по училищу. Они привозили комплекты пластинок с записями опер (иногда оперетт), обсуждали

фильмы. А мы с сестрой потом слушали оперы с клавиром. Иногда они брали меня с собой на концерты в Асбест или Екатеринбург. В музыкальной школе мне было легко учиться, потому что многое я уже знала и, например, на уроках музыкальной литературы воспроизводила отрывки просто по памяти. По примеру сестры я даже хотела потом поступить в музыкальное училище, но обязательно по классу фортепиано. К сожалению (или к счастью), меня остановило предупреждение педагогов о том, что это невозможно из-за маленькой руки и соответственно недостаточно хорошей техники. Мне предлагали теорию музыки, что было совсем не интересно.

В общеобразовательной школе (как и в музыкальной) меня знали почти все учителя (конечно, из-за сестры). Училась я хорошо и легко, поэтому поддерживать «репутацию» семьи было нетрудно. Школьные годы не оставили каких-то очень ярких событий в моей памяти, хотя я помню всех учителей и все это время. Событий, может быть, и не назову, но воспроизведу атмосферу последних двух школьных лет, когда сформировались интересы, определившие дальнейшую жизнь.

Мне было примерно шестнадцать лет, когда я резко поменяла свое окружение. В 10 классе я попала в смешанный класс, образованный из учеников других классов. Среди них оказались девочки, любившие хорошую музыку и хорошую литературу. Кроме того, появился человек, который объединил нас и наши интересы. Это был преподаватель литературы Лидия Ивановна Кочнева, Лидиван, как мы ее звали. Это было время, когда стали читать Гранина, Шаламова, изучать поэзию «серебряного века». Я часто бывала в доме у Лидии Ивановны, брала читать книги из ее библиотеки. Именно через нее, через ее дом и ее детей мне открылся путь в университет. Ее старшая дочь – Алена – училась в те годы на филологическом в Уральском университете. Умница, красавица, легкая во всем...

Я рано научилась читать, дома книг было немного (все домашние книги при переезде подарили городской ирбитской библиотеке), и я с первого класса стала ходить в библиотеки, которые только были в поселке, брала книги у подруг. Кроме того, родители не жалели денег и выписывали для нас журналы – «Юный натуралист», «Уральский следопыт», «Музыкальная жизнь», «Студенческий меридиан», «Юность». Читала всегда и везде, где только было можно – Майн Рида, Марка Твена, запоем – Владислава Крапивина, всю классическую детскую литературу. У моей тетушки с папиной стороны дома были исключительно хорошие книги. Она жила (и до сих пор живет в Екатеринбурге), и я, приезжая иногда к ней на каникулы, читала собрания сказок народов мира и литературные сказки. Помню свои впечатления от печальных сказок Андерсена и страшных немецких народных сказок.

С тех пор я продолжаю свято верить, что «книга – лучший подарок». В старших классах начала собирать книги для домашней библиотеки. Вначале это были сборники поэтов «серебряного века» (Гумилев, Цветаева, Ахматова, Мандельштам), книги и альбомы по искусству. Все свои книги потом я всегда возила с собой, по всем городам-весям. Много привозила из поездок из других городов, покупала в букинистическом магазине на Вайнера в Екатеринбурге (но это было уже позже, в годы учебы в университете).

Когда встал вопрос о выборе вуза, то колебаний никаких не было – это был университет. Собственно, сомнений по поводу выбора факультета тоже не было. По крайней мере, для меня было ясно: из трех – филологического, журфака и факультета искусствоведения и культурологии – последний был самым привлекательным. Хотя бы потому, что я не знала, как туда поступить. Дело в том, что первым экзаменом нужно было сдавать историю искусства, но ни в одной из школ ничего подобного не изучали. Весь последний, 11 класс я самостоятельно готовилась. Поступила на заочные подготовительные курсы, писала контрольные. Получив их обратно с рецензиями, расстраивалась в ответ на замечания типа «Старая литература». А какая еще литература была в поселковой библиотеке? Старые книги, журналы, буклеты. Искала книги по знакомым, по другим библиотекам. До появления Интернета было еще лет 10.

Вообще-то я была обычной советской школьницей: бегала в выходные и каникулы по окрестным сугробам или лужам (в зависимости от сезона), выкладывала «секретрики» из стекол, была октябренком (в комсомол, когда подошел возраст, можно было уже вступать или не вступать по желанию). Потом были школьные компании, в которых слушали В. Бутусова, В. Цоя, первые влюбленности, занятия классическими танцами и дискотеки. Надо отдать должное моим родителям: они никогда не мешали мне в выборе интересов, друзей, занятий. Но я не помню ни одного случая, когда они пропустили бы учебный концерт в музыкальной школе, родительское собрание или другое мероприятие, связанное с дочерями. Они всегда брали нас с собой – в кино, на индийские фильмы, в поездки к родственникам, на рыбалку, летнюю и даже зимнюю. Кстати, благодаря рыбацкой страсти моих родителей (мама, пожалуй, до сих пор более страстный рыбак, чем папа) я чуть не родилась на льду далекого озера в глухом углу Ирбитского района. Буквально за два дня до родов в январские морозы мама еще ночевала в палатке на льду и толкала с папой наш «ушастый» «Запорожец».

И вот школа позади. Вы решились поступать на факультет искусствоведения и культурологии или в последний момент передумали? Поступили с первой попытки?

Выпускной в школе пришелся на 1992 г., время смутное в политическом и экономическом отношениях, но очень интересное для меня в личном плане. Все социально-экономические и политические передраги больше осознавали и испытывали на себе родители, а я, как и все мои одноклассники, скорее была озабочена будущим.

В университет я поехала поступать без родителей, с подругой Юлей Гуляевой (она наперекор своей семье, в которой были одни медики, хотела стать психологом). Мы самостоятельно нашли жилье, устроились на абитуру. Утром бегали на курсы, днем сидели в библиотеке, а вечером – на кухне большой коммуналки в самом центре Екатеринбурга, на проспекте Ленина напротив Главпочтамта. К нам в гости приходила еще одна знакомая девушка, которая в то время уже училась в университете на социологическом факультете и одновременно на факультете социальной психологии Гуманитарного университета. Как ни странно, я не заинтересовалась тем, чему она училась, – ни социологией, ни социальной психологией. Но слово «социология» уже мелькало в наших разговорах.

Да, я поступала на культурологию. Мы были вторым набором на эту специальность, конкурс был высоким, и главную конкуренцию нам составляли выпускники СУНЦа (специализированного учебно-научного центра УрГУ – лицея). Мне не хватило одного балла для поступления на очное отделение, так как получила одну единственную четверку как раз по истории искусства. Недолго думая, я перевела документы на заочку и 4 августа была зачислена в университет. Надо сказать, что на следующий год я вновь попыталась поступить на очное, но ушла прямо в начале экзамена (на то были причины личного характера). Никогда потом не жалела об этом.

В группе заочников (она была большой – 25 человек) оказалось очень много интересных людей. С двумя из них я до сих пор иду по жизни. Первая – Марина Козлова (Коваль), в семье которой я прожила в качестве ее члена все 12 университетских семестров. Вторая – Альбина Железникова – прирожденный педагог (сейчас работает и в школе, и в одном из университетов Екатеринбурга). С ней я не только училась, но и некоторое время жила в одном из военных городков Свердловской области.

Марина работала в замечательной библиотеке им. Герцена, расположенной в старинном особняке на ул. Чапаева. Сейчас все дома на этой улице отреставрированы, сама улица стала чистой, светлой, красивой. А тогда она была не менее красивой, но тенис-

той, заросшей липами и тополями, с узенькими тротуарами с торчащей вкривь-вкось плиткой. Когда я приходила к Марине в методический отдел в один из флигелей, там, как правило, уже «заседала» компания филологов, которые рассказывали интересные литературные байки, истории из университетской жизни, филологически «хулиганили».

Марина возила из библиотеки домой огромные сумки с книгами и альбомами, которые мы изучали, читали и конспектировали. Это избавляло нас от многочасовой работы в библиотеках и давало возможность основательно все изучать. Особенно хорошо было летом на огромной Маринкиной лоджии, на старом диванчике, который сейчас «доживает» на ее даче. Здесь мы читали, дремали после бессонных сессионных ночей, ели абрикосы или клюкву в сахаре (смотря по сезону), слушали радио-болтушку, праздновали дни рождения (мой приходился на зимнюю, Маринин – на летнюю сессию).

Нам повезло. Лекции читали лучшие на тот момент университетские профессора и доценты. Первое занятие вел профессор Всеволод Иванович Колосницын – талантливый ученый-филолог и культуролог, замечательный лектор и чудесный человек. Он пришел на занятие в легком летнем пиджаке и сандаликах, чуть присел на край стола и так, небрежно покачивая ногой, негромко начал рассказывать нам о том, что такое культурология, история культуры и искусства.

Второй фигурой, которая поразила нас, был Лев Наумович Коган – в отличие от невысокого, худощавого Колосницына, очень большой и очень громкий. Он читал «Введение в специальность» – один-единственный курс, очень короткий, который я бы назвала «Погружение в специальность». Естественно, не было в его лекциях никаких определений, концепций, были образы, были имена, была философия профессии. Первая книга по социологии, попавшая в мою библиотеку, принадлежала ему – это была «Социология культуры». На моей рабочей полке этот тоненький учебник стоит рядом с коганской «Теорией культуры». Обе книги исчерканы, истрепаны, заклеены, прочитаны вдоль и поперек, от начала до конца и наоборот. Позже появились у меня и другие книги Когана – «Философия: серьезное и веселое. Очерки о философии Уильяма Шекспира», «Цель и смысл жизни», «Вечность», «В четвертом измерении», «Зло», «Человек и его судьба». Льва Наумовича мы знали и слушали в то время немного, а за год до нашего выпуска из университета он ушел из жизни.

Вообще надо сказать, что учебный план, по которому мы учились, был выстроен очень необычно. Специальных курсов по культурологии как науке нам не читалось, но зато крупными блоками

изучалась история искусства, мировая и отечественная история, философия, а также литература. Сквозь призму этих наук и личное общение с некоторыми преподавателями формировалось культурологическое видение. Мне кажется, что в те годы не все в университете еще толком понимали, что такое культурология, и поэтому ее всегда скромно, через запятую, ставили после искусствоведения. Искусствоведы с издевкой называли нас «дилетантами широкого профиля», а мы доказывали, что знаем искусство не хуже, чем студенты-искусствоведы, и можем рассказывать не только о Лотмане или Хейзинге, но и подробно знаем технологию подготовки холста или можем сказать (и даже доказать), кисти какого художника принадлежит копыто правой ноги вороной лошади на крошечном фрагменте репродукции. И не удивительно, ведь нам читали мэтры уральской школы искусствоведения – Г. Б. Зайцев (известный коллекционер, один из первых организаторов художественных аукционов в постсоветское время), С. В. Голынец, С. П. Ярков, А. М. Раскин, А. Ю. Каптиков. Роль Анри Юрьевича Каптикова была особая. Историк русской архитектуры, знаток русской художественной культуры, он первый начал читать нам историю искусства культурологически, причем и через философию искусства, и через исследование повседневных практик.

Студенческая жизнь заочника сильно отличается от образа жизни студента-дневника. Приходилось работать и учиться, учиться и работать, а учились и работали мы все взахлеб. Все, чему учили нас, переносили в практическую работу, и наоборот. И всегда во всем было напряжение, плотность – и в учебе, и в работе, и в личной жизни. Как я уже говорила, мне не пришлось учиться в университете на дневном отделении, и я не жалела об этом потом. Думаю, что эти шесть лет научили меня даже большему, чем это могло бы быть. Возможно даже, я бы не пришла в социологию, поскольку особенности именно заочного обучения заставили меня обратить внимание на эту науку. Пришла я в нее по необходимости, а осталась по желанию.

Прежде всего, похоже, Вы не написали о своей работе... вы ведь, по-моему, должны были работать по характеру учебы...

К сожалению, нет такой работы, которая бы в полной мере соответствовала моей первой специальности. Хотя интересно было бы увидеть запись в трудовой книжке: «С такого-то числа работает в должности культуролога...».

К счастью, я могла работать (и работала) в различных местах. Недолго – 1,5 года – корреспондентом в газете «Рефт» в том самом поселке, где жила с родителями (в течение последнего школь-

ного года я училась в Школе юнкора и уже была знакома с редакцией). Срок не долгий, но за это время я приобрела большой и жизненный, и трудовой опыт. Приходилось общаться с разными людьми, искать интересные сюжеты, нужную информацию, писать материалы различных жанров, осваивать навыки технической редакции (я еще застала время печатной машинки и линотивов, компьютерная верстка и печать только-только входили в газетную практику). Все эти знания и навыки пригодились потом. Наша небольшая редакция на 80 % состояла из университетских людей и соответственно в ней создавалась особая атмосфера, разговоры и отношения. Хотя меня журналистика никогда особо не привлекала, тем не менее это был жизненный старт, замечательный и полезный во всех отношениях.

В последующие годы мне приходилось много ездить (это было связано с семейными обстоятельствами) и, соответственно, постоянно менять работу, почти каждые 1,5–2 года. Но среди многочисленных видов занятости главной и постоянной была педагогическая деятельность. Я начала работать в школе сразу, как только выпустилась из нее. Сначала это была музыкальная школа, школа искусств, затем еще и общеобразовательная. Иногда приходилось работать сразу в двух школах. Преподавала мировую художественную культуру, историю, культуру Урала, историю музыки, организовывала литературные гостинные, музейные экскурсии. И конечно, фигурально выражаясь, мне в школе было тесно. Меня буквально распирало от того знания и образования, которые я получала в университете, многое оставалось «про запас». В итоге пришлось понимание того, что все нужно кардинально менять.

Через год после окончания университета я оставила школу и уже никогда в нее не возвращалась. Правда, опыт преподавания очень пригодился в университете: мне легко было структурировать лекции, выстраивать практические занятия, организовать работу студентов, писать рабочие программы, за непринужденным, на первый взгляд, разговором и художественными примерами четко видеть дидактику, логику, цели занятия. Получается, что педагогическую практику я проходила все шесть лет не на словах, а на деле, как бы готовясь к преподаванию в вузе. Кстати, некоторых своих школьных учеников я потом встречала в университете и даже учила.

Итак, учились Вы пять или шесть лет, значит – закончили в 1997 или 1998 годах. Вы привыкли к Екатеринбург... Что было дальше?

Университет я закончила в 1998 г. и сразу прикрепилась соискателем на факультет социологии УрГУ. Шансов поступить в социологическую аспирантуру у меня как несоциолога практически

не было. Екатеринбург к тому времени стал родным и очень притягательным, но переехать в него удалось только через год. Я бы не сказала, что мне пришлось привыкать к нему, как-то сразу влилась в этот город, в его темп, ритм, масштабы. Может быть, в этом определенную роль сыграл мой кочевой образ жизни.

В 1999 г. я с радостью окунулась в новую жизнь. В ней уже появилась наука: к моменту переезда я сдала кандидатский по философии, начала писать диссертацию, были поездки на конференции, публикации. Первый год был очень не простым, не в плане адаптации, а в плане работы. Нужно было зарабатывать, чтобы снять квартиру, обеспечить себя, нужно было готовиться к кандидатскому по иностранному. Вставать чаще всего приходилось в 4–5 часов утра, чтобы переводить тысячи, учить диалоги и пр. Затем бежать на работу (тогда я работала в небольшом негосударственном вузе). Вечером – английский или самостоятельные занятия по социологии, работа с книгами, журналами в «Белинке» (областной библиотеке имени Белинского). А еще хотелось почитать, сбежать в театр и... поспать. Мне кажется, тот темп, который я задала себе в тот год, никогда больше не снижался, а может быть даже увеличился с годами.

Социологию мне пришлось осваивать самостоятельно, по учебникам Зборовского, Фролова, Смелзера и... книге Дж. Александера на английском языке! Только потом я поняла, на что замахнулась. К сожалению (а может быть к счастью), все свои переводы я выбросила, поэтому сейчас не могу оценить свой переводческий «труд». Этот сложный 1999 год закончился успешной сдачей очередного кандидатского, переходом на работу в Уральский политехнический университет (знаменитый УПИ), переездом в собственную квартиру и замужеством.

С Юрием Рудольфовичем Вишневым я познакомилась на Файнбургских чтениях в Перми еще до того, как перешла работать к нему на кафедру социологии и политологии. Я тогда плохо знала уральских социологов, практически никого, кроме Л. Н. Когана, Елены Викторовны Грунт, моего научного руководителя и ученицы Льва Наумовича, и заочно – Гарольда Ефимовича Зборовского – по его учебникам. Тогда в Перми я впервые увидела М. А. Слюсарянского, Г. В. Разинского, В. А. Мансурова, познакомилась с екатеринбургскими социологами – Н. И. Шаталовой и Ю. Р. Вишневым. Причем с последним – при веселых обстоятельствах. На дружеском банкете вдруг появился очень громкий, веселый, большой человек, точно не пермяк, и взял на себя роль тамады. Я спросила у Н. И. Шаталовой, кто это, и она с удивлением ответила: да ведь это Вишневский! Так я познакомилась с главным тамадой Урала.

В какой-то момент у меня появилась возможность устроиться на профильную кафедру – кафедру культурологии, но что-то тогда меня остановило. Через две недели мне позвонил Юрий Рудольфович и пригласил на кафедру. Так я окончательно осталась в социологии и на той кафедре, с которой не расстанусь уже пятнадцать лет.

...ясно, Вы заработали себе право быть в нужном месте и в нужное время... С чего Вы начали свою деятельность на кафедре Ю. Р. Вишневого?

Нет, я думаю, что это произошло по другим причинам (или законам). В терминологии синергетики это означает «выпасть в аттрактор». Просто формируется некая область деятельности, интересов, людей, событий, которых ты притягиваешь и к которым притягиваешься сам. И все, что ты предпринимаешь (случайно или сознательно, «для того, чтобы» или вопреки), подталкивает тебя к той траектории, которая тебе необходима в этой жизни.

Начну с того, что на кафедре у Ю. Р. Вишневого я сразу почувствовала себя комфортно, и это чувство с тех пор не покидало меня. Я считаю, что мне крупно повезло: иметь работу, которая нравится, иметь профессию, которую никогда не хотелось менять, иметь руководителя, от которого не хочется уходить – это дорогого стоит.

Придя на кафедру, я сразу приняла ее «формат». Кафедра выпускающая, много лет готовит студентов по управленческим специальностям. Социология, которая когда-то была основной дисциплиной, читаемой преподавателями кафедры социологии и политологии УПИ, в 1990–2000-е гг. ушла на второй план, а сейчас, в связи с изменениями образовательных стандартов, и вообще на последний. Я начала читать социологию студентам технических факультетов и менеджмент – студентам нашего факультета – факультета гуманитарного образования. Немного выполняла ассистентскую работу и очень быстро перешла на лекции и дипломирование. «Засиживаться» не давали, да и не хотелось. А вскоре – в 2002 г. – состоялась защита диссертации, которая положила конец беззаботной ассистентской жизни. Вообще на кафедре всегда царил дух свободы, и можно было ее брать, сколько унесешь (как у Ельцина).

Социологию я читала, как песню пела (по крайней мере речитативом). Конечно, в переносном смысле, но отчасти – и в прямом. Дело в том, что студенты-технари – слушатели особые. Для них социология, философия, культурология представляют собой «плетение словесных кружев», только мешающих освоению их про-

фессии. Поэтому очень быстро я поняла, что академический стиль преподавания социологии только мешает и мне, и студентам. Придуманный мной художественно-публицистический стиль включал различные жанры и приемы: биографический (когда сквозь призму биографии социолога, в рассказе об особенностях его личности вдруг вычерчивается концепция, теория, созданные им), фольклорный («иллюстрации» в виде анекдотов, слухов, баек, афоризмов, каламбуров и проч.), литературно-кинематографический (мною приводились примеры, сюжеты, ситуации, высказывания героев известных фильмов, романов, рассказов). Все это «работало» на то, чтобы возник эффект переинтерпретации действительности. Я как бы говорила: «Я рассказываю вам о том, что вы уже знаете, но это можно понимать иначе. Все знакомое, обыденное должно стать незнакомым и непонятным, то, что было невидимым, должно стать очевидной реальной силой, влияющей на вашу личную жизнь и судьбу». Эти приемы помогли мне излагать историю социологии, сложные для будущих инженеров теории Конта, Парсонса, не говоря уже о том, насколько это легко было делать по проблемам социологии личности, культуры. Даже методы социологии осваивались нетрадиционно: на материалах университетского сленга («большак» = большой перерыв, «паркет» = холл третьего этажа главного корпуса с паркетным полом, «теплый» = теплоэнергетический факультет и пр.), граффити, надписей на партах, подоконниках аудиторий (факультеты, на которых я читала, в то время считались «бедными» и мебель в аудиториях стояла старая, сплошь исписанная студенческими «мудризмами»).

Я очень сожалею, что сейчас социологию приходится читать редко и небольшими курсами. В большей степени она осталась для меня только наукой и моим собственным образом жизни и мышления. Думаю, что если бы ее сохранили в качестве обязательного для всех специальностей предмета, мы бы получали профессионалов иного качества – думающих, рефлексирующих, способных видеть за формулами и технологиями человека.

Кроме преподавания, конечно, была наука. И в ней тоже была свобода: можно было выбирать кафедральную тему, а можно было заниматься тем, что тебе интересно. Можно было влиться в научную группу, а можно было работать в одиночку...

Первые годы университетской жизни были связаны с еще одной сюжетной линией, характеризующей культуру Уральского политеха. Это кураторство. Безусловно, этот институт существует во всех вузах, но в УПИ он был и остается краеугольным камнем внеучебной работы со студентами. Мы с моими молодыми коллегами прошли «курс молодого куратора»: несколько лет курировали академические группы, хотя ненамного отличались по возрасту

от своих подопечных, ходили на учебу и конференции. Помню, как-то в УПИ проводился день здорового образа жизни, и нас обязали прочитать студентам лекцию о здоровом образе жизни. Скукота! Но социология опять выручила. Я дала задание провести опрос студентов и преподавателей университета, состоящий из одного вопроса: «Что такое здоровый образ жизни?». А потом мы все вместе весело обсуждали результаты. Самым интересным и здоровым оказался ответ Ю. Р. Вишневецкого, который «попался» моим анкетерам: «Здоровый образ жизни, – сказал он, – это здорово жить!».

Вернусь к началу ответа на заданный Вами вопрос. На кафедре, на которой я оказалась вроде бы так, случайно, работали не случайные для меня люди. С ними я познакомилась намного раньше моего прихода в университет. Видимо, все те, с кем нужно идти по жизни, все-таки притягиваются. Например, с Татьяной Анатольевной Юшковой, несмотря на ее уход в другой вуз, не только поддерживаем контакты и дружим, мы просто породнились. Поэтому моя профессиональная биография состоит еще из встреч, разговоров, противоречий с этими замечательными людьми – из всего того, что составляет сущность человеческих отношений.

Какую тему Вы избрали для кандидатского исследования? Как работа шла? Когда Вы ее завершили и защитили?

Кандидатская диссертация была посвящена профессиональной культуре офицеров современной российской армии. Как я уже говорила, в социологию меня привела еще в годы учебы в университете необходимость. Несколько лет подряд я писала курсовые работы на тему «Смысл русской иконы», связанную с научными интересами моего руководителя. Однако смысл темы, да и самой русской иконы, несмотря на три или четыре курсовые и огромное количество богословских, культурологических, искусствоведческих и иных книг, прочитанных мной, так и остался для меня темным. Может быть, я бы поняла его к 5 или 6 курсу, но как раз в это время у нас читалась «Социология культуры». И это решило мои проблемы.

Курс вела ученица Льва Наумовича Когана Елена Викторовна Грунт. Высокая, красивая, приветливая, она рассказывала о живых людях, их реальных мнениях, оценках, образе жизни, интересах и мотивах поведения. Это было понятно, зримо и интересно. Окончательное решение о том, что нужно менять тему, руководителя, а может быть и научное направление, было принято после прочтения книг двух Коганов – Льва Наумовича и Леонида Борисовича. Город, горожане, городская культура, культурные потребности, са-

морализация... Так я вышла на проблему художественных потребностей социальных общностей. Но в то время единственной доступной для меня общностью были жители военных городков, офицеры.

Сначала возникла тема дипломной работы (это была первая выпускная работа по социологии культуры на факультете культурологии, и было немного страшно от ожидания реакции комиссии и руководства кафедры), потом была написана сама работа, на ее основе – сразу две публикации. Как оказалось, труднее всего было набрать текст диплома с помощью только появившегося персонального компьютера, в редакторе «Лексикон», чем провести анкетирование и проанализировать материал. Работать было легко.

Также легко далась тема кандидатской и исследование по ней, хотя в то время у меня уже возникли проблемы с объектом эмпирического исследования. Военные организации чрезвычайно закрытые, приходилось пользоваться всеми возможными путями – официальными, полуофициальными, неформальными, личными связями. Помогали все – научный руководитель, знакомые, друзья, преподаватели военных кафедр УрГУ и УПИ, друзья мужа – военные журналисты.

Вторая проблема, возникшая по мере появления эмпирического материала, – это его обработка и анализ. Все-таки отсутствие профессионального социологического образования давало о себе знать здесь достаточно остро. Я купила программу «Vortex», разработанную екатеринбургским социологом Денисом Шкуриным, самостоятельно ее освоила, тем более, что она была несложной (SPSS была еще впереди), обработала массив и... опять зашла в тупик. Термины «корреляция», «коэффициент Спирмена», «факторный анализ» и пр. для меня были высшей математикой. Пришлось учиться, читать книги, ходить на консультации к знакомым социологам, обитать порог социологической лаборатории, которой тогда заведовала Оксана Шубат (с ней мы сейчас случайно или неслучайно (?) работаем в одной научной группе). До сих пор я до конца не преодолела в себе «комплекс профессиональной неполноценности» и с пиететом отношусь к тем коллегам, для которых статистическая обработка данных представляется социологической эквилибристикой.

«Благодаря» этой проблеме моя библиотека и архив конспектов весьма существенно пополнились работами В. А. Ядова, Г. Г. Татаровой, И. Ф. Девятко, А. О. Крыштановского, Ю. Н. Толстовой. Потом появились книги по качественным методам исследования А. Готлиб, С. Белановского, В. Семенович и др. Помню мою первую реакцию от «Стратегии социологического исследования» В. А. Ядова. Было желание все закрыть: книгу, свое исследование,

тему, диссертацию и пр. Но после, наверно, десятого прочтения «Стратегии» (а читала я ее и целиком, и по частям, главами и абзацами, вдоль и поперек, с карандашом, выписками, рабочими материалами своей программы и инструментария), стало проясняться. Я поняла, что смысл и стратегию социологического исследования, в отличие от смысла русской иконы, я все-таки найду.

Работа состоялась, даже успешно прошла социологическую «цензуру» Н. Н. Маликовой, главного специалиста по организации и методам социологического исследования факультета социологии УрГУ, и в апреле 2002 г. была защищена. Эту защиту мои коллеги помнят до сих пор, потому что она была в прямом смысле кафедральной: диссертации представляли трех молодых преподавателей кафедры Ю. Р. Вишневого. Может быть, не так мы были хороши, как нас было много.

Через некоторое время, достаточно быстро, я отошла от темы диссертации. Для меня это была действительно квалификационная работа. Я училась мыслить и действовать социологически, преодолевать в себе культуролога и определенную научную маргинальность. Мне кажется, не все это удалось, культурологические «уши» нет-нет, да и высовываются, иногда мешая, иногда помогая мне в сегодняшних исследованиях. Свои достижения в этом направлении я вижу хотя бы в том, что четко определяю возможности той и другой науки в исследовании одного и того же феномена, где их можно соединить, а где они кардинально расходятся и мешают друг другу.

Зачем (или почему) Вы выбрали тему, связанную с опросом военнослужащих, Вы же понимали, что возникнут трудности со сбором данных? Не проще ли было приняться за разработку теоретической проблематики, лежащей в области пересечения культурологии и социологии?

Да, я понимаю, «нормальные герои всегда идут в обход». Но у меня так не получилось. Тема была уже определена руководителем, теоретическая часть продвигалась хорошо, был задел, и бросить все на полдороге не возникало даже мысли. Проблемы с эмпирикой были, но они все равно решались и не было причин отказываться от работы. Мне кажется, такие проблемы достаточно часто возникают у социологов: туда не пускают, здесь не разрешают, там опасаются чего-то. Я воспринимала эту ситуацию как нормальную. Иногда было даже интересно находить выход из той или иной ситуации.

Сейчас я понимаю, какие интересные темы можно было бы исследовать на стыке социологии и культурологии. Но понимание

этого пришло позже, с опытом работы в социологии и определенной свободой, которая наступает после защиты диссертации.

Полина, только что увидела свет Ваша монография «Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей», поздравляю Вас. Ниже я попрошу Вас рассказать о содержании книги и Ваших основных выводах. А сейчас, пожалуйста, поясните, как Вы от интересов культурологического плана и изучения профессиональной культуры военнослужащих перешли к анализу темпоральной тематики?

Спасибо. Эта книга – определенный (конечно, промежуточный) итог в работе, которая началась несколько лет назад. В 2004 г. пришлось осваивать новый курс – межкультурные коммуникации (его «сбросили» нам лингвисты, читавшие его как страноведение). Это была удача, «Остапа понесло»...

Проблемы понимания Другого, символические границы культурных групп, латентные межкультурные конфликты, язык и культура, этнокультурная политика, кросскультурный менеджмент, глобализация и сохранение культурной самобытности, инкультурация, категоризация культуры и многое другое. И все это опять изучалось и потом рассказывалось (замечу – не гуманитариям, а управленцам, экономистам) через историю, литературу, социологические исследования, фильмы, иллюстрации, анализ повседневных ситуаций и жизненных историй.

Результаты освоения этой области науки и практики были различными: три учебных пособия (которые до сих пор мне самой нравятся), ряд публикаций, программы дополнительного образования и самое главное – выход на тему, которая сегодня для меня стала главной – проблема времени. Постепенно из всего массива межкультурной проблематики она стала основной. Я стала осознавать, что о чем бы я не говорила, над чем бы не размышляла, везде возникает тема времени – до, после, вместе с основным сюжетом анализа, а порой и вместо него.

Кроме того, интерес к времени подогревался личными и профессиональными задачами. С 2009 г. резко возросла моя занятость: в семье появился второй ребенок, я очень быстро вернулась к работе в университете, муж заканчивал докторскую диссертацию и выходил на защиту, выросла учебная нагрузка на кафедре, нужно было осваивать новые курсы, образовательные технологии дистантного обучения, разрабатывать электронные образовательные комплексы и многое другое. Хотелось серьезно заниматься наукой, нужно было все успеть. Мои сутки растягивались на 26–28 и более

часов, время уплотнялось и стремительно летело. Не думаю, что это были только субъективные ощущения, объективно российское общество в те годы качественно изменялось, стремительно менялось положение дел в сфере образования и науки, появились новые требования и новые возможности в университете, который получил статус федерального.

Все сошлось в единой точке – теоретический интерес к социальному времени и практическая необходимость управлять им, плюс мое биографическое время, мой собственный возраст. А той самой отправной точкой послужила встреча с профессором Г. Е. Зборовским, для которого социальное время оказалось не просто одной из научных тем, а, по его собственным словам, «первой любовью». Его идеи, советы, концептуальное видение определенных проблем определили в дальнейшем границы моего научного поиска и окончательно оставили в рамках социологии. Долгое время я работала самостоятельно, мечась между социологией, культурологией и философией. Окончательную точку в моем стихийном освоении темы времени поставило решение пойти в социологическую докторантуру. Так начался новый этап в моей научной работе.

Первоначально меня интересовало понимание времени и отношение к нему в различных культурах. Поскольку время выступает базовой категорией культуры, я искала его отражение в различных ее формах и комплексах. По мере углубления в проблематику я вышла на такой поворот в теме, как страх перед временем и способы его преодоления. Я начала изучать мифологию, работы по средневековой культуре (прежде всего Ф. Арьеса), философию страха (С. Кьеркегора и др.), немногочисленные современные работы по проблемам избегания смерти, ностальгии. Однажды я поняла, что в работе над этим аспектом надо остановиться: слишком много страха, пессимизма и других негативных эмоций я начала пропускать через себя, не только свои страхи, но и чужие, накопленные за многотысячелетнюю историю человечества. Так начался поворот к противоположному полюсу – надеждам, связанным с временем, ожиданиям.

...и что? Какую собственно исследовательскую проблему Вы перед собой поставили? Как ее анализировали, на основе какой методологии? К каким главным методологическим и содержательным выводам Вы пришли? И последний в этой обойме вопрос, личного плана: помогло ли это в упорядочении собственного времени? Поделитесь опытом...

Книга посвящена управлению темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, формируемыми в условиях нели-

нейной динамики социального времени. Ее главная идея заключается в том, чтобы показать, как возможно и насколько необходимо регулирование темпорального поведения представителей различных социальных общностей с целью ориентации их жизненных стратегий на социальное время (в самом широком спектре его проявлений). В книге доказывается, что качество жизни, успешность и реализация потенциала социальной общности во многом зависят от того, выбрано ли социальное время в качестве стратегического ресурса и ориентира ее жизнедеятельности или нет, насколько позитивно воспринимаются социальной общностью нелинейное время и его свойства, в какой мере развиты темпоральные навыки и потребности у членов социальной общности.

Основную проблему книги я бы сформулировала в виде двух противоречий: 1) противоречие между необходимостью и стремлением одних социальных общностей к максимальной реализации выработанных ими эффективных, конструктивных темпоральных стратегий и реальными социокультурными условиями, препятствующими этому; 2) противоречие между объективной необходимостью других социальных общностей формировать инновационные, конструктивные темпоральные стратегии поведения и отсутствием у них потребности, знаний и опыта в выстраивании четкой темпоральной позиции и стратегии поведения.

Актуальность исследования названной проблемы была связана как с острыми проблемами социальной практики, так и с особенностями развития самого научного знания о социальном времени. С одной стороны, мы наблюдаем проблемы «прессинга времени», связанные с чрезвычайным ускорением всех социальных процессов, возникновением ситуации высокой неопределенности и ограниченными способностями людей управлять своей жизнью, своим поведением в этих условиях. С другой стороны, мы видим недостаточность традиционной теории и методологии изучения социального времени (реализующей прежде всего количественный подход к нему) и необходимость развития концепций социального времени в его современной нелинейной конфигурации, с резкими темпоральными поворотами, разрывами, замедлением/ускорением, многоуровневостью и многовекторностью. Также очевидно отсутствие управленческих подходов к регулированию жизненных стратегий с учетом влияния фактора времени.

Замечу, что анализ современной отечественной литературы по социологии времени показал отсутствие терминов «нелинейного времени» (исключение составляют работы С. А. Кравченко) и «темпоральных стратегий поведения» в социологическом тезаурусе. Концепция нелинейного времени и его динамики как таковая не разработана в отечественной социологической науке, в ликвидации этого пробела и состояла одна из задач моего исследования.

Главные методологические предпосылки предпринятого мной исследования связаны с работами постмодернистов – З. Баумана и Дж. Урри. Их труды для многих социологов стали «локомотивом», стремительно продвигающим и направляющим поиск путей решения актуальных, сложных, смысло-жизненных проблем современности. Полагаю, что изучаемый мной вопрос также относится к этому предметному ряду. Однако книги Баумана и Урри – ключевые, но не единственные в разработке методологических основ исследования управления темпоральными стратегиями социальных общностей. Дело в том, что в них изложены постулаты новой теории времени (нелинейного, текучего, мобильного, мгновенного и т. д.), но нет опыта эмпирического его исследования. Поэтому, конечно, огромное значение для меня имел тот огромный пласт социологического знания, который был связан с традиционным подходом к социальному времени и который нашел свое воплощение в конкретных методиках его эмпирического изучения. Я имею в виду исследования времени, а также его бюджетов (Г. Виленски, Ж. Дюмазедье, М. Каплан, С. Паркер, В. Д. Патрушев, Г. А. Пруденский, Р. А. Стеббинс, Д. Робинсон, Ж. Фридман), отечественную философско-социологическую традицию изучения различных видов социального времени – рабочего, внерабочего, свободного, досуга и т. д. (В. А. Артемов, Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Г. Е. Зборовский, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев, Г. С. Петросян, Г. П. Орлов, Н. А. Хренов и др.), коллективной и исторической памяти, а также времени поколений, биографии и жизненного пути (В. Н. Ярская, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, В. В. Семенова и др.).

Методологию собственного исследования я бы изобразила в виде четырехлистника, в котором первый лист – это методология изучения темпоральных явлений, второй – теория социальной общности, третий лист – методология исследования темпоральных стратегий поведения, четвертый – управленческий поход. Судя по объему выше написанного мной о социальном времени и порядке перечисления составляющих элементов методологии, уже можно говорить, что изначально главный интерес был связан с темпоральной проблематикой. Однако сегодня имеет смысл говорить и о смене приоритетов: управление временем выходит на первое место, о чем свидетельствует название книги.

Помимо теоретико-методологического материала в книге содержатся результаты эмпирических исследований темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей, которые были проведены небольшим научным коллективом, включающим, помимо меня, профессора Гарольда Ефимовича Зборовского и ассистента кафедры Анечку Кузьминчук. Эти исследования в 2014 г. были поддержаны РГНФ, что не только придало нам уверенности

в значимости нашей темы, но и обеспечило финансовыми ресурсами проведение массовых опросов и качественного исследования. На первом этапе мы провели анкетирование студенческой молодежи (выборка охватывала государственные вузы Екатеринбургa, N = 1 200) и волонтеров Екатеринбургa и Каменск-Уральского (выборка составила 600 человек). На втором этапе были проведены глубинные интервью с представителями научно-педагогического сообщества и бизнес-сообщества (предпринимателями, менеджерами, фрилансерами).

Хотя мы изначально предполагали, что представители всех четырех общностей будут демонстрировать инновационные темпоральные стратегии поведения, на самом деле оказалось, что в большей степени они сформированы только в бизнес-сообществе и в отдельных группах научно-педагогического сообщества. К сожалению, волонтеры и студенческая молодежь, при всех замечательных их качествах, в большинстве своем не обнаружили интересующих нас новых, конструктивных темпоральных стратегий. На мой взгляд, ситуация с волонтерами не выглядит критичной, потому что общность чрезвычайно дифференцирована, имеет подвижные границы, структуру, проходит первые этапы своего становления в российском обществе. Главный вывод по ней связан с осознанием специфичности временного капитала данной общности, реализуемого не в профессиональной сфере, а именно в области волонтерской работы: для волонтеров время (прежде всего, свободное время) – это ресурс, который они при непрямом конвертировании обменивают на другие социальные блага, это ресурс, который они добровольно отдают другим людям (в отличие от тех же менеджеров или фрилансеров, для которых дефиниция «время – деньги» в определенном смысле остается актуальной).

А вот ситуация со студенчеством настораживает. Их отношение к времени, способность жить в турбулентных режимах нелинейного времени, не говоря уже о стремлении использовать те преимущества, которые оно дает для развития, самоосуществления, жизненного продвижения, далеки от тех показателей, которые сегодня не только желательны, но просто необходимы молодежи.

Я называю не все результаты исследования, поскольку о них можно прочесть в книге, но только те, которые действительно заставляют задуматься о проблемах темпорального существования социальных общностей и которые необходимо решать с помощью инструментов «мягкого», регулирующего управления. Кроме того, это результаты, связанные с определенными находками методического плана. Речь идет о «глубинниках», к которым, честно признаюсь, было страшно приступать: все-таки время – это тоже «звук не для земных ушей», и было не ясно, как работают вопросы о

восприятии нелинейного времени (понятие которого оказалось очень трудно операционализировать), биографическом времени и др. Но после одного–двух интервью страх прошел. Информанты легко шли на контакт, проявляли живой интерес к проблематике, раскрывались не только передо мной, но и перед самими собой. Многие из тех, с которыми мне впоследствии довелось еще раз встретиться, признавались, что, рассказывая «о времени и о себе», открывали себя заново. Более того, эта саморефлексия подтолкнула некоторых из них что-то изменить в своей жизни, принять какое-то жизненно важное решение, просто задуматься над тем самым драгоценным временем, которое на самом деле дороже денег.

Именно тогда, в период проведения «глубинников», я в полной мере поняла, что такое профессиональная ответственность социолога. Не ставя целью вмешательство в личное поле (пространство-время) информантов, тем не менее невольно я это делала. Я рада, что от этого был только положительный психотерапевтический и социальный эффект. Надо сказать, что он сказался и на мне.

Как я уже говорила, к проблеме времени я пришла не только из чисто научного интереса, но и необходимости выстроить траекторию собственной жизни. Совру, если скажу, что теперь мне все стало понятно, и я приобрела все необходимые темпоральные способности и навыки. Вовсе нет. Хотя количество прочитанных книг, освоенных методик тайм-менеджмента действительно перешло в определенное качество жизни. Наверно, объективно я стала успевать больше, по крайней мере, больше, чем некоторые из моих коллег или близких, благодаря умению расставлять приоритеты, все четко планировать, чувствовать время, его нелинейные изгибы и пульс, иногда жить сразу в нескольких его измерениях. Но это всего лишь технология. На самом деле больший эффект был в другом. Погружаясь в жизненный мир моих собеседников, я ощутила, что время живое. Оно переливается красками (как заметила одна из моих собеседниц), оно многомерное (как 3D, по мнению другой), оно проявляется в таких формах социальной жизни, о которых я и не подозревала («и это тоже время? и это тоже о нем?» – говорила я себе в этом случае). Время нужно любить, с ним можно и нужно дружить, договариваться. Воевать с ним, обманывать его бесполезно и даже вредно. Может быть, говоря об этом, я опять ухожу из рамок социологического дискурса, и из социолога превращаюсь в 300-летнюю черепаху Тортиллу? (кстати, черепаха в мифологии многих народов была связана с темпоральной символикой вечности, бессмертия, начала сотворения времен, предсказания будущего и т. д.).

В качестве P.S. Про время и социологию.

Мне кажется, что социология, как никакая другая наука (может быть, за исключением истории), связана с временем. У истории и социологии разное отношение к времени и разные отношения со временем. Мне пришлось интервьюировать двух преподавателей-историков и двух социологов (хотя считается, что этого нельзя делать, но я все равно интервьюировала, поскольку они имели иное первое образование – экономическое и естественно-научное). Совершенно очевидно было, что их понимание и восприятие времени кардинально отличаются. Историки «привязаны» к прошлому и даже при описании прошлого показывали, как в древности, местонахождение прошлого в направлении от себя (будущее оставалось за плечами). Социологи же, напротив, ориентированы на настоящее и будущее. Нарисованные ими образы времени были больше похожи на футуристические картинки или постмодернистскую архитектуру. Их представления оказались более позитивными, чем у историков. Вообще я мало встречала пессимистов среди коллег по профессии. Их мало и в старшем, и в среднем, и в младшем поколениях, хотя судьбы у многих из них были далеко не простыми. Да и та реальность, с которой социологам приходится работать, далеко не радужная. Наверно, втягиваясь в социологическую орбиту, я интуитивно чувствовала это.

Социологи не просто занимаются настоящим по необходимости, им нравится настоящее и будущее. А мне нравится девиз, который соответствует духу, природе нашей науки: смотри на мир и время реалистично, думай оптимистично. На том и стоим.

А. П. Багирова

«СКОРЕЕ НАС УЧИЛА САМА УНИВЕРСИТЕТСКАЯ АТМОСФЕРА»

Аня, Вы принадлежите, если иметь в виду мою классификацию поколений современных советских/российских социологов, к шестой когорте. Это социологи, родившиеся в период с 1971 года по 1982 гг. Ваше поколение будет образовано из специалистов, из которых никто не работал по профессии в советское время. Это – весьма знаменательно. И многое у вас «не так», как у старших... или у них «не так», как у вас... начнем наш разговор. Где Вы родились? Из какой Вы семьи, что вообще Вы знаете о ваших предках? Старшие поколения социологов мало знали, от них многое скрывалось... Вы формировались в другое время...

В моей семье сочеталось порой кажущееся несочетаемым. Предки по папиной линии – из еврейского местечка Ярышев в Винницкой области. Бабушка и дедушка – дочь владельца мехового магазина и пролетарий, с тремя своими братьями в составе «еврейского призыва» уехавший строить Магнитку. Перед самым началом войны бабушку занесло на Украину, она оказалась в гетто, оттуда бежала и чудом осталась жива. У всех моих прадедов и прабабок по папиной линии жизнь закончилась в один и тот же день. Дедушка воевал, после ранения вернулся в Магнитку, закончил горно-металлургический институт и работал на комбинате. С бабушкой они прожили долгую счастливую жизнь, показав нам, внукам, пример оптимизма, терпения, доброты, семейных отношений.

С маминой стороны бабушка и дедушка – дочь кулака и батрак, женившиеся в один день, поскольку нависла угроза раскулачивания и ссылки в Сибирь. Они жили в маленьком городке в Башкирии, но были выходцами с Украины.

Мои родители создали межнациональную семью (в начале 70-х такое встречалось не так часто), что не дало им эмигрировать в 90-е, когда уехали наши многочисленные магнитогорские родственники. Моя мама успешно заведовала экономической кафедрой

в горно-металлургическом институте, а папа всю жизнь проработал инженером на комбинате (сначала конструктором, а потом техническим аудитором). Через месяц после 60-летия и выхода на пенсию он неизлечимо заболел...

Я верно понял, что Вы родились в Магнитогорске? Как прошли школьные годы? К каким предметам у Вас больше душа лежала? Успели ли Вы побыть в комсомоле или, когда Вам по возрасту можно было в него вступить, этой организации уже не было? Обучение в старших классах совпало по времени с перестройкой. Как школьники воспринимали все происходившее в стране?

По стечению обстоятельств я родилась в башкирском городке Сибее, но выросла в Магнитогорске. Почти все школьные предметы давались мне достаточно легко, особенно всегда нравилась математика. Помимо школы, я занималась в секции художественной гимнастики и училась в музыкальной школе. Все это я очень любила, и посвятила этим увлечениям 7–8 лет. В комсомол вступила (хотя это уже и не было обязательным) под давлением традиций – семья наша всегда была «правильная»: бабушка с внуками в первых колоннах на демонстрациях, бабушка всегда знала, кому из нас, как и что надо сделать (при этом сама она нечасто выходила из дома), и т. д. и т. п.

Да, вокруг бушевали страсти, все менялось, но мы, школьники, казалось, не замечали этого... Рискну предположить, что молодыми людьми этот ход событий воспринимался более спокойно, чем взрослыми, казалось, так и должно было случиться. Мы еще не успели «испугаться», не очень осознавали, какая жизнь нам уготована в советские времена, и не особо понимали, что она на наших глазах так резко меняется... Школьники, наверное, воспринимали все изменения так, как это осознавалось в их семьях. Не помню, чтобы мы с одноклассниками что-то всерьез такое обсуждали... Зато дома (у нас была огромная библиотека) стали появляться «Дети Арбата» (по-моему, в «Роман-газете»), «Архипелаг Гулаг» (в каком-то американском издании) и т. д., причем все это доставалось родителям всего на несколько дней. Я, конечно, тоже пыталась успеть прочитать все прежде, чем это нужно было передавать следующим счастливым... Изменились и некоторые учителя. На уроках литературы мы вдруг начали изучать Серебряный век, на обществоведении – перестроечную публицистику (вспомнился сборник «Иного не дано», что-то еще...).

Личное осознание перестройки для всей нашей семьи пришло в тот момент, когда меня – вопреки еврейской фамилии и амери-

канским родственникам – в составе делегации школьников от Магнитогорска (победителей специально организованного конкурса) отправили в США с «миссией доброй воли». Пожалуй, мало кто из родственников, друзей семьи, да и я сама верили, что меня в последний момент не заменят на кого-то «более подходящего». Это был 1989 год. Наверное, начало шестого поколения социологов в Вашей классификации, Борис Зусманович, – последние, кто может понять, почему я говорю об этом здесь. Гремевшие по советскому телевидению Саманта Смит, Катя Лычева, потом выставка «Информатика в жизни США», проехавшая по шести советским городам (в том числе на месяц остановившаяся в Магнитке) – на тот момент это, пожалуй, все, что было известно нам, школьникам, жившим в закрытом городе, о жизни вне СССР.

О той моей поездке хотелось бы рассказать чуть поподробнее. Мы – ученики 9-х классов – конечно, не были готовы увидеть то, что увидели. Это были ребята из обычных семей, победившие в олимпиадах по школьным предметам (которые мы и ехали изучать в американском колледже), при этом так или иначе занимавшиеся спортом и проявившие себя в творчестве. Отбирали нас открытым конкурсом, результаты печатались в городской газете. Из Магнитки в Америку на целый месяц поехали около 30 ребят. По несколько дней мы жили в двух разных семьях, а все остальное время – в кампусе колледжа. Все, что мы видели и где бывали – музеи, школы, больницы, кинотеатры, магазины, зоопарк в Bronx – производило неизгладимое впечатление. В Магнитогорске в то время целый ряд продуктов питания можно было купить только по талонам (эта норма касалась и курицы, и колбасы, и масла). Metallургический комбинат тогда начал обменивать металл в Китае на одежду и обувь (это называлось бартер), и право купить эти товары получал тот, кто выигрывал в своем подразделении лотерею. Так вот, моему папе, зная, что его дочь едет в Америку, кто-то подарил выигравший билет; так я оказалась счастливым обладателем спортивных тапочек красного цвета. В нашей группе путешественников еще несколько человек были точно в таких же...

Что удивило в колледже, так это свободное, на равных, общение студентов и преподавателей, раскованность студентов. Питание в столовой по принципу all inclusive. Запомнились исследования в научной группе – горящими глазами молодых ученых, студентов, настойчивостью, интересом, необычайной атмосферой, наполненной пытливостью и тягой к знаниям.

Когда мы вернулись домой, в жизни многих наступил психологически очень тяжелый период. Помню, как целую ночь я рассказывала об увиденном папе, а потом просто замолчала... Было ощущение, что «сказка» закончилась и никогда не вернется. Абсолютно

ничего не хотелось. А впереди ведь был выпускной класс... Я даже не помню, как потом оказалась опять в своей школе, как снова и снова рассказывала о поездке сверстникам...

...Мне кажется, или так оно и есть, что наши, как бы сейчас сказали, «мобильные» умы, легко восприняли произошедшие в стране изменения, до конца не осознавая их. Многие из нас уехали поступать в вузы в разные города, даже не понимая, что больше такой мы родную Магнитку не увидим. Впереди были приватизация (которая сразу и сильно коснулась Магнитогорского металлургического гиганта, где у многих работали родители), рыночная экономика, непрогнозируемое личное будущее...

Да, действительно, удивительная история... не было желания искать возможности для обучения в Америке? Какой вообще путь Вы выбрали после школы?

Интересно, но даже мысли не возникало о том, что мы как-то можем «зацепиться» в Америке... Вспоминается такая деталь: по возвращению в единственный тогда международном аэропорту «Шереметьево-2» у нас собрали загранпаспорта, и больше мы их не увидели. Мы ведь возвращались в СССР, и даже в самых заветных мечтах не могли представить, что наступят времена, когда мы будем летать в другие страны не по разу в год...

Та поездка повлияла на выбор моей профессии. До нее я готовилась к поступлению в медицинский институт, и даже проходила обучение в профильном УПК (по-моему, это расшифровывалось как «учебно-производственный комбинат»); двухлетнее обучение в нем в выпускных классах школы давало возможность поступать в медицинский вуз). Когда мы с подружкой жили в американской семье, «мама» с «папой», узнав, что мы – будущие врачи, решили сделать нам экскурсию по обычной американской больнице. Идея, конечно, была замечательной, и никакого «злого умысла» не преследовала. Но я, побывав там, навсегда отказалась от этого профессионального выбора – столь большая пропасть разделяла американскую и советскую медицину, что работать в последней мне показалось для себя уничтожительным.

Дальнейший же выбор профессии во многом оказался случайным: социология тогда вдруг стала очень актуальной, «модной» наукой, для поступления надо было сдавать математику (а я ее хорошо знала и любила), учиться можно было в Свердловске (а это всего час лета от Магнитогорска) и т. д. Да, еще был такой факт: знакомая родителей работала социологом на Магнитогорском металлургическом комбинате, и она дала почитать мне несколько книг. Среди них оказалась «Социология для всех» В. Э. Шляпен-

тоха. Пожалуй, то чтение окончательно и направило меня на специальность «Прикладная социология» Уральского государственного университета.

А чем же социология и книга кланяющегося Вам В. Э. Шляпентоха привлекали Вас? В какую сторону неслись Ваши мысли?

Приятно и почетно, спасибо... Первое впечатление от этой книги было то, как интересна и разнообразна социология. Хотелось участвовать в исследовании всех проблем сразу, попробовать себя в изучении разных объектов. Впоследствии, кстати сказать, меня какое-то время действительно бросало из стороны в сторону: были и пенсионеры, и учителя, и люди еврейской национальности, и студенты, и молодые родители, и т. д.

Привлекло в социологии и то, что, как показалось, в ней все зависит от людей – самих социологов. Для качественной работы не нужно дорогостоящее, отсутствующее тогда оборудование (я ведь сравнивала с медициной), необходимы настроенные определенным образом мозги, хорошие учителя, желание учиться. Сейчас немного стыдно об этом говорить, но еще возникло ощущение, что профессиональный труд социолога не так уж сложен...

Пожалуйста, максимально подробно о годах обучения: с явками, паролками, датами...

Наша группа будущих социологов призыва 1990 года оказалась вторым набором кафедры прикладной социологии Уральского государственного университета. Мы в своем роде еще были экспериментом, многое на нас «обкатывалось»: это касалось как преподавательского состава, так и перечня дисциплин, их содержания, методик преподавания. Будучи сама преподавателем, сейчас я понимаю, что нашим учителям что-то удалось, а что-то – не совсем. Хотя впечатляющие результаты нашего выпуска говорят сами за себя: пять человек в скором времени после окончания университета стали кандидатами социологических наук, преподающими те или иные профессиональные дисциплины, еще несколько с головой окунулись в социологическую практику.

Размышляя о годах обучения, приходит ощущение того, что нас, скорее, учила сама университетская атмосфера: кафедра прикладной социологии была в составе философского факультета, и лишь когда мы учились на пятом курсе, она вошла в созданный в 1994–1995 годах факультет политологии и социологии...

Безусловно, были дисциплины и – самое главное – преподаватели, давшие нам «ремесло».

Прежде всего, к ним относится Наталья Николаевна Маликова, на первом же курсе познакомившая нас со статистикой. Все на ее занятиях было просто и понятно и, скажу к слову, – трое в прошлом студентов нашей группы сейчас преподают именно статистику. Это, конечно, ее заслуга.

Посчастливилось нам учиться и у основателя уральской социологии Льва Наумовича Когана. Его «Социология культуры», сочетающаяся с великолепным ораторским искусством, мощью личности Льва Наумовича (которую, надо отметить, он не экономил даже на студентах) оставили неизгладимый след в нашей памяти и – поистине – ощущение прикосновения к чему-то великому.

Нельзя не вспомнить Гарольда Ефимовича Зборовского и Георгия Петровича Орлова. К сожалению, они вели у нас какие-то небольшие, даже, наверное, факультативные курсы вроде «Социологии конфликта» и «Индустриальной социологии». Именно здесь была развита системность мышления, логичность рассуждений, понимание предназначения теоретической социологии.

Очень интересна была история зарубежной социологии, которую на старших курсах вела Евгения Станиславовна Баразгова. Мы читали тогда труднодоступные работы классиков и современных социологов, занимая очередь за единственным экземпляром в «филкабе» (философском кабинете – читальном зале для студентов-философов, социологов и политологов). Обсуждение работ Мертона, Парсонса, Вебера, Турена, Тоффлера, Белла на семинарах привило необходимым будущим социологам искусство интерпретации и творческого мышления.

О многих отраслевых социологиях мы узнали от преподавателей кафедры прикладной социологии: Ольги Викторовны Рыбаковой, Ларисы Леонидовны Рыбцовой, Леонида Васильевича Сысолятина. Елена Львовна Могильчак познакомила нас с методами измерения в социологии. За годы учебы мы в силу объективных причин практически ничего не узнали о компьютерных программах обработки информации; заложенной базы хватило для того, чтобы все это освоить впоследствии самостоятельно. Возглавлял кафедру тогда и продолжает это делать сегодня Анатолий Васильевич Меренков – его теория единства в человеке биологического, психологического и социального лежала в основе всех преподаваемых им курсов.

Пожалуйста, порисуйте портрет Льва Наумовича Когана, чем же его лекции «магнитили»?

Какое точное слово – «магнитили»... Во-первых, как я уже заметила, они были чрезвычайно просты для восприятия и понимания. Казалось бы, он не говорил ничего неизвестного нам – хотя, конечно, материал был абсолютно для нас новый. Это ведь, наверное, и есть основной признак преподавательского мастерства – уметь рассказать просто о сложном... Материал был великолепно логически выстроен, изобиловал результатами проведенных под руководством Льва Наумовича исследований... Кроме этого, завораживала, конечно, сама манера вести занятия – его раскатистый баритон был слышен далеко за пределами аудитории. Увлеченный рассказом, он гулял по аудитории (видимо, поэтому деканат специально ставил занятия в больших аудиториях), мог в процессе взять что-то с одной парты и спустя какое-то время положить совершенно на другую... Его всегда сопровождал ореол величия... Мы едва соприкоснулись с той глыбой, которую Лев Наумович представлял собой как человек, ученый, преподаватель, организатор. Но даже это полугодовое общение с ним в роли студентов очень заметно повлияло на наше профессиональное становление.

Очень хорошее замечание: «нас, скорее, учила сама университетская атмосфера»; что же это была за атмосфера? Что ее определяло?

Самое главное было то, что это была атмосфера поиска знаний, глубоких знаний. Будучи студентами сначала философского факультета, мы ведь столкнулись с необходимостью очень много читать и размышлять о прочитанном. Другая часть обучения – социологическая – отличалась тем, что преподаватели нашей кафедры сами, по сути, еще учились на нас, учились преподавать... Приобретенные именно тогда умения самостоятельно добывать знания, не пасовать перед трудностями, браться за любое, даже самое сложное дело, проявлять инициативу многим из нас помогли впоследствии (когда все быстро менялось и в науке, и в жизни) состояться профессионально.

Студенческие годы – не только учеба, это и разнообразные формы освоения культуры, путешествия, неформальные дискуссии, новые встречи... чем эта сторона университетской жизни запомнилась?

«Соседство» с философами по факультету и общежитию сыграло определенную роль в дальнейшем жизнеощущении. Хотя

всерьез они социологов и не воспринимали (обзывая нас позитивистами), даже пассивное участие в их дискуссиях сказывалось на дальнейших художественных вкусах. Это касалось и литературы, и кино, и театра...

Не помню уже, как, но именно в студенческие годы я узнала о появившихся тогда во многих крупных городах (в том числе и Екатеринбурге) еврейских организациях. Они проводили семинары, конференции, отмечали праздники, организовывали молодежные лагеря. Наверное, нет смысла говорить здесь об этом подробно, но именно в тот период передо мной встал серьезный выбор, связанный с возможностью эмиграции. О целесообразности такого шага много спорили в еврейских молодежных лагерях и, надо сказать, что подавляющее большинство приобретенных там друзей, как и в целом посещавших такие лагеря молодежи, в скором времени действительно уехали.

У меня же благодаря тем поездкам появились научные интересы. Одним из еврейских лидеров в Екатеринбурге был и сейчас остается Михаил Оштрах. В отличие от некоторых активистов того времени, целью его деятельности было сохранение еврейского наследия и создание еврейской национально-культурной автономии на Урале. Именно с общения с ним (а он, кстати сказать, ученый-биофизик) и начались мои социологические исследования еврейского населения. Спустя какое-то время он познакомил меня с Владимиром Давидовичем Шапиро, профессором Института социологии РАН, который руководил большим проектом по изучению российского еврейства. Благодаря участию в том проекте я попробовала вкус уже настоящей работы социолога.

Студенту никогда не хватает денег, даже если он получает стипендию, если ему помогают родители. Тем более – начало 1990-х... Вы работали в студенческие годы?

Пожалуй, первая серьезная работа и была связана с проектом В. Д. Шапиро. Я была руководителем полевых работ в Екатеринбурге. Это был 1994 год. В задачи входила вся организация интервьюирования 300 евреев, поиск которых осуществлялся методом снежного кома, в соответствии с характеристиками выборочной совокупности. Интервью длилось больше часа и затрагивало самые разные аспекты: национальное самосознание, эмиграцию, знание истории и языка, соблюдение еврейской традиции в родительской и собственной семье и т. д. Конечно, интервьюеров нужно было инструктировать, помогать им, и это тоже входило в мои обязанности. Многих респондентов я опрашивала и сама.

Впоследствии проект расширился до Украины, Владимир Давидович предложил мне поработать и там. Я тогда училась на 5-м курсе. Уехать надо было на месяц, и я выбрала Киев. Работа была знакомая, желающих поработать в качестве интервьюеров пенсионеров было много, и, несмотря на то, что нужно было опросить уже 500 респондентов, у меня оставалось много свободного времени для экскурсий по Киеву...

В студенческие годы я пробовала себя и в еще одном виде профессионального труда. Наш одноклассник, Денис Шкурин, разработал программу обработки количественных данных «Vortex» (об SPSS тогда никто не знал). С ее помощью обрабатывались все исследования, которые проводила кафедра и университетская социологическая лаборатория. Кому-то надо было вводить в базу информацию из анкет, мне это нравилось и получалось довольно быстро... Да, надо сказать, что тогда у меня появился первый компьютер (по-моему, это был или 1993, или 1994 год). Если в процессе возникали какие-то сложности, выяснялось, что программа работает некорректно, Денис сразу же что-то в ней доделывал... Надо сказать, что «Vortex» по-прежнему живет, постоянно совершенствуется (последние версии, например, предусматривают возможности многомерного анализа), и сейчас нет ни одного социолога-выпускника университета, который бы им не владел.

Ну что же... Вам повезло: и тема (российское еврейство) – интересная и мало изученная, и признанный специалист в этой исследовательской области – Владимир Шапиро. Вы только занимались организацией поля или включились и в анализ собранной информации?

«Повезло» – это, наверное, очень мягко сказано. Я бесконечно благодарна судьбе, что она познакомила меня с Владимиром Давидовичем.

Действительно, тема еврейства в силу моего полукровного происхождения была мне интересна всегда. В студенческие постперестроечные годы появилась возможность дискутировать о национальной идентичности – как в кругу студентов, так и с молодежью, вовлеченной в те или иные формы еврейской жизни. О том же, чтобы сделать российское еврейство объектом своих исследований, мне кажется, я даже и не мечтала. Все же сильна была еще «закрытость» этой темы, высок риск возможного неприятия... Когда же появился Владимир Давидович Шапиро с российским проектом, конечно, все эти опасения в один момент были сняты. У меня родилась дерзкая идея не только писать диплом, но и продолжать исследования по этой теме в рамках кандидатской дис-

сертации (впоследствии, кстати, именно Владимир Давидович придумал формулировку ее названия)... Несколько интервью в Москве (куда меня пригласили «на учебу» в рамках проекта) и около полсотни в Екатеринбурге я провела самостоятельно – надо ведь было «почувствовать» объект. Тем более, Владимира Давидовича всегда интересовала эта обратная связь с интервьюируемыми, которая выходила за рамки заполненного опросника. Надо сказать, что я многому научилась у В. Д. Шапиро – его скрупулезность, четкость и тщательность в работе, требовательность и внимание к мелочам (казалось мне) позволили мне увидеть организационную сторону высокопрофессиональной социологической работы, которая, как известно, во многом предопределяет достоверность и качество получаемых результатов.

К сожалению, мне не пришлось вместе с Владимиром Давидовичем работать и дальше, принимая участие в анализе результатов того проекта – да и кто бы мне это позволил сделать, я ведь была студенткой... Но он любезно поделился первичными данными по российскому массиву. Блок вопросов, связанных с эмиграцией, я – по условиям договоренностей – анализировала сама, на основе собственных гипотез, «не подсматривая» в выводы, сделанные В. Д. Шапиро и его коллегами (надо сказать, что результаты их исследования были опубликованы позже, чем я защитила кандидатскую диссертацию)... Готовую работу я возила Владимиру Давидовичу и, получив его благословение, успешно в Екатеринбурге ее защитила.

В 1970 году я участвовал во Всесоюзной переписи населения как переписчик, ходил по адресам. Я до сих пор помню некоторые встречи, обстановку комнат (в том районе, где я работал, не было отдельных квартир). Наверное, и у Вас были и сохранились какие-то эмоции по поводу встреч и общения с респондентами. Ведь и для них все это было ново и необычно...

Действительно, для многих респондентов это интервью было воспринято как редкая возможность поговорить о своем еврействе: о том, как оно воспринималось в семьях их родителей, бабушек и дедушек, о том, как все это – в подавляющем большинстве – с годами ушло из их жизни, из жизни их детей и внуков (в Екатеринбурге расцвет «еврейской жизни» начался несколько позже)... Старшее поколение говорило на идише... Конечно, люди рассказывали о своих непростых судьбах, о том, как они оказались в Свердловске, как создавали семьи... Помню, одна женщина призналась, что она несчастлива в браке из-за того, что национальность ее мужа иная, нежели у нее... Один молодой человек совершенно не ощущал себя евреем, несмотря на запись в паспорте, отрицал все еврей-

ское... По свидетельствам специалистов, антисемитизма в Свердловске почти не было, но респонденты часто говорили, что сталкивались с его проявлениями... Вообще, для меня это был калейдоскоп судеб интересных, разных людей, которые вели со мной открытую, интересную, неспешную беседу. Многие интересовались, конечно, моей национальностью, семьей, профессией – думаю, что это тоже располагало респондентов к столь необычному для них разговору.

Что же составило содержание дипломной работы? Были ли сложности с отбором материалов, с интерпретацией полученных результатов?

Дипломная работа была посвящена факторам еврейской эмиграции. Поскольку к тому времени у меня сложился круг еврейских знакомых и друзей, сложностей со сбором материалов не было. Мне сейчас сложно вспомнить детали (тем более, что последующая кандидатская была во многом по этой же проблеме, а диплом писался на бумаге обычной ручкой – ничего не сохранилось). Помню, что читала работы Л. Л. Рыбаковского, В. Д. Шапиро, В. И. Переведенцева, Ю. В. Бромля, Ж. А. Зайончковой, изучала историю еврейского народа, труды Т. Герцля. Одним из выводов, основанных на результатах эмпирического исследования, стало то, что респонденты, в целом не сталкиваясь с проявлениями антисемитизма в быту, на работе, все же говорят, что эмигрируют из-за него. Заведующий нашей кафедрой и руководитель моей дипломной работы А. В. Меренков тогда изучал стереотипы населения, и это повлияло на мой вывод о том, что одним из факторов еврейской эмиграции является не сам антисемитизм, направленный на конкретного человека, а стереотипное представление о его возможности.

Сложностей в сборе и интерпретации материала, похоже, не было никаких – вспоминается такой факт: защита диплома была назначена на июнь, работу я завершила еще в апреле, и весь май мы с папой путешествовали по Израилю, встречаясь с многочисленными родственниками. Кстати сказать, беседы с ними подтвердили правильность сделанных выводов о преимущественно экономическом характере той волны эмиграции.

Не уникальный, но и нечастый случай, как Вам удалось одновременно с освоением социологии получить и экономическое образование?

Второе образование – это была возможность, которую на семейном совете решили не упускать. Видя, как мне легко учиться в Университете, возникла идея совместить это обучение с эконо-

мическим заочным образованием в Магнитогорском государственном техническом университете. По-моему, я тогда была на 4-м курсе в УрГУ... Приезжая домой в Магнитку на каникулы, я ходила на занятия с заочниками, сдавала все, что могла, и возвращалась к своей основной учебе. Честно говоря, всегда воспринимала экономическое образование как что-то не очень нужное, «про запас», «на всякий случай»... Особых усилий не прилагала – ну что можно выучить и сдать за 3–4 дня... Все, что я осваивала, с таким же успехом и скоростью улетучивалось... Конечно, многие дисциплины пересекались, и мне их перезачли. Где-то, скажу честно, помогала мама, которая работала в этом университете... Из всех изученных таким образом дисциплин больше всего понравился экономический анализ, который я потом много лет преподавала сама (конечно, тогда уж я в нем разобралась досконально)...

Итак, в 1995 году закончен УрГУ, что было дальше? Как развивались события?

Дальше, в том же 1995-м, было поступление в аспирантуру. Так получилось, что места в родном УрГУ не оказалось, но зато были места в Уральском политехническом университете (УПИ), где, собственно, своих выпускников-социологов никогда не было. Нас с подругой-одногруппницей, Анастасией Бельковой, с радостью и большим радушием взял к себе на научное руководство заведующий кафедрой социологии и политологии УПИ Юрий Рудольфович Вишневецкий...

Новый вуз, конечно, сильно отличался от нашего университета. Во-первых, УПИ был просто огромный, в нем бурлила студенческая жизнь (в частности, это проявлялось на большом перерыве («большаке»), когда огромное фойе («паркет») заполняли на своих спевках стройотрядовцы). Привычная нам университетская «камерность» ощущалась только на кафедре социологии и политологии, и то недолго – с коммерциализацией образования, в которую кафедра кинулась одной из первых, это чувство быстро прошло. Во-вторых, УПИ был «технарским» вузом, и нас, гуманитариев, особо всерьез технари не принимали: наука наша – не наука, читаемые нами курсы – не учеба и т. д. Еще был такой непростой для выпускников социологического факультета момент: в УПИ студентам-технарям читался общий курс «Социология» объемом около 48 часов. Каково же было наше с коллегой недоумение, когда мы в качестве аспирантов проходили педагогическую практику! Мы не могли понять, как можно прочитать за 4 часа историю социологии (в университете на ее изучение отводилось около 200 часов), еще за 2 – методику социологического исследования и т. д.

Вместе с тем, упийские преподаватели социологии (у большинства из которых было философское образование) с честью с подобной задачей справлялись и во многом помогли нам.

Аспирантура запомнилась занятиями философией и английским, сдачей кандидатских экзаменов, подготовкой диссертации, которая более или менее успешно совмещалась с работой, массой новых знакомых и друзей. Именно в тот период я начала преподавать экономику в одном колледже и параллельно работать социологом в аналитическом центре в другом. Конечно, я понимала, что эта деятельность временна (в первую очередь этим приходилось заниматься из-за денег, ведь аспирантская стипендия у гуманитариев была крайне низкая), и основные усилия были связаны с работой над диссертацией.

...Вы пишете – «массой новых знакомых и друзей». Это очень интересно... Каким был Ваш круг новых людей? Что именно Вас с ними объединяло?

Пожалуй, объединяли прежде всего молодость и аспирантура, остальное скорее разъединяло, но именно в силу этого было особенно интересно... Учась в УрГУ, мы общались с философами по профессии и складу мышления, а в УПИ нас окружали технари. Открытием стало, что такое общение тоже может быть увлекательным и полезным... Деканом нашего факультета гуманитарного образования был Виктор Иванович Кашперский – доктор философии с техническим образованием. Его лекции по философии для аспирантов заметно отличались от тех, которые мы слышали в УрГУ – причем не простотой (учитывая не совсем привычную к постижению философии аспирантскую упийскую братию), а структурированностью, «техничностью» рассуждений... Уникальны были и лекции Германа Викторовича Мокроносова, где он знакомил нас с разработанной им теорией единства общественных отношений и жизнедеятельности личности, основанной на его прочтении Маркса.

Какую тему для диссертации Вы избрали? В чем Вам виделась главная исследовательская проблема? Кто был Вашим руководителем?

У научного руководителя, которым стал Юрий Рудольфович Вишневецкий, доктор философских наук, профессор, зав кафедрой в УПИ, был и остается единый подход к диссертациям – развитие темы дипломной работы. Эмиграция была массовой, тема оставалась актуальной. Основной проблемой стало изучение процесса

развития эмиграционных настроений диаспоральных этносов, сфокусированное на российских евреях. Все респонденты были поделены на группы – в зависимости от стадии, интенсивности их эмиграционных настроений (теория была построена на идее работы Ж. Т. Тощенко «Социальное настроение»). Затем каждая группа изучалась отдельно и в сравнении с соседними, на основе чего делались выводы о тех представлениях, изменение которых стало ключевым для усиления эмиграционных настроений. Честно говоря, все выводы я переносила на себя, проживала как бы изнутри – мне было интересно, почему же не уехала я, в чем мои мысли отличны от мнений моих респондентов – тех изученных групп, которые приняли решение эмигрировать. Надо сказать, что этим методом я нашла для себя какое-то обоснование собственных действий...

Ну а с формальных позиций – работа над диссертацией шла достаточно быстро, руководитель ставил какие-то сроки, я их старалась выдерживать. Защита состоялась в сентябре 1998 года, незадолго до завершения обучения в аспирантуре. Мне было 25 лет.

Да, Вы многое успели: два высших образования и завершённая кандидатская диссертация. К этому моменту Вы уже были замужем?

Почти. Как-то так оказалось, что два этих важных события в моей жизни пересеклись, и буквально «наползли» одно на другое – свадьбу мы сыграли меньше чем через два месяца после защиты. Семья будущего мужа была связана с высшим образованием и наукой, а дед супруга – Александр Васильевич Бакунин – был известным уральским историком, организатором науки.

После защиты Вам скорее всего предложили работу на кафедре. Или не так?

Это произошло само собой. Кафедра начала стремительно расти: из скромной, читающей социологию и политологию студентам технических специальностей, она за короткий период превратилась в выпускающую будущих менеджеров в социальной сфере. В конце 90-х в России как раз наступил бум подготовки менеджеров... Кафедра набирала много первокурсников, причем не только в Екатеринбурге, но и в многочисленных, расположенных по всему Уралу, филиалах и представительствах УПИ. Число преподавателей кафедры выросло в разы (в какой-то период нас было около 80 (!)), большинству приходилось осваивать новые для себя дисциплины,

и тут же, «с колес», их преподавать... Мое экономическое образование оказалось, надо сказать, весьма кстати – вместо социологии для технарей (второстепенной и ненужной – в их понимании – дисциплины) я с большой радостью стала читать любимую статистику и экономический анализ будущим менеджерам... Научные интересы в тот период, честно сказать, отошли на второй план – вместе с кафедрой надо было ориентироваться в быстро меняющейся обстановке, поспевая за все возрастающим спросом абитуриентов и их родителей на такое образование.

Создается такое ощущение, что Вы не были связаны с социологами Москвы (за исключением В. Д. Шапиро), Петербурга, других крупных социологических центров России. Так ли это? Ведь Вы, наверное, участвовали в различных конференциях, семинарах, знакомились с Вашими ровесниками, старшими по возрасту социологами?

Действительно, Борис Зусманович, подобного общения было немного. Тому вижу несколько причин. Во-первых, кафедра социологии УПИ была немного «на периферии» социологического образования в Екатеринбурге. Не забывайте, что эта кафедра никогда не готовила социологов-профессионалов, в отличие, скажем, от кафедры прикладной социологии УрГУ и ряда других вузов Екатеринбурга и Урала. Конечно, это влекло за собой определенное игнорирование нас социологическими центрами и Урала, и России. Кафедра, если можно так сказать, решала другую важную для социологической науки задачу – задачу выживания «общеобразовательной» социологии в техническом вузе. При этом, разумеется, преподаватели реализовывали и собственные проекты, наиболее масштабный из которых – мониторинговый проект «Студент» (1995–1999–2003–2007–2009–2012), посвященный исследованиям различных аспектов социокультурной жизни студенчества. В одном из этапов этого проекта (1999 года) довелось участвовать и мне.

Вторая причина, по которой внешние контакты были минимизированы, – финансовая. Общеуниверситетский статус кафедры накладывал свои ограничения и в этом плане, о финансирующих поездки фондах мы тоже ничего не знали... Сейчас ситуация в корне изменилась. Университет стал федеральным, а молодежная наука превратилась в одно из наиболее поддерживаемых направлений. Сегодня даже наши студенты имеют возможность участвовать в различных конференциях в городах России и, надо сказать, активно этим пользуются.

Рискну предположить, что в определенном смысле ограниченность узко-профессиональных контактов преподавателей нашей

кафедры с социологическим сообществом компенсировалась более широким гуманитарным общением, что позволило нам достаточно разносторонне воспринимать мозаику происходящих событий как в университете, так и далеко за его пределами. Мы работали в тесном взаимодействии с философами, культурологами, психологами, историками – все эти кафедры составляли факультет гуманитарного образования тогдашнего УПИ, все вместе старались выжить, не только доказывая свое «право на существование», но и открывая новые направления подготовки студентов, реализуя новые – зачастую междисциплинарные – исследования. Из этого сотрудничества впоследствии рождались совместные гранты, конференции, диссертационные советы.

Когда Вы задумали работать над докторской диссертацией? Как возникла проблематика исследования? Какие сложности были видны сразу? Были ли неожиданности в разработке темы?

Желание продолжить научную деятельность пришло, честно говоря, только спустя годы. Оно, конечно, должно было «вызреть»... За это время родился и подрос сын, расцвело «коммерческое» образование с массой возможностей заработать для преподавателей, затем была административная работа в негосударственном вузе... Все эти внешние обстоятельства отодвинули науку на периферию интересов, хотя, конечно, понимание того, что когда-то я к ней вернусь, никогда меня не отпускало. Переломный момент наступил после моего знакомства с профессором нашего Университета, экономистом Анатолием Михайловичем Ильшевым – для этого человека подготовка научных кадров в тот период жизни стала основным занятием, которому он посвящал себя целиком. Видимо, «разглядел» меня и он, предложив три научных направления, которые были интересны прежде всего ему, и отпустил меня подумать обо всем об этом на лето 2007 года... Надо ли говорить, что с самого начала сентября 2007 года я стала вникать в проблематику родительского труда (или, как мы его тогда называли – репродуктивного труда). Анатолий Михайлович познакомил меня со своими наработками в этой сфере, с трудами его учеников. Конечно, у меня зародились определенные сомнения. Прежде всего, они были связаны с необходимостью внедрения результатов экономических исследований – а тут было ясно, что наши идеи не лягут ни в одну концепцию демографической, семейной политики (по крайней мере, в ближайшие годы). В связи с этим Анатолий Михайлович мне предложил выход на систему образования, которую можно рассматривать как один из механизмов подготовки к

родительскому труду. Это требовало изучения основ педагогики, не очень интересной мне науки... Были опасения и такого рода: экономисты-«трудовики» всегда исследовали профессиональный труд, ни о каком родительском труде они не слышали и слышать не хотели. Это влекло потенциальные сложности с прохождением диссертационного процесса: публикации, рецензенты, оппоненты, диссертационный совет, ВАК. Каким-то слабым утешением звучали тогда слова Анатолия Михайловича о том, что в нашем университете планируется создание совета по экономике труда, где эта проблематика будет горячо приветствоваться.

Если отбросить эти два сомнения прежде всего организационного характера, то тема родительского труда понравилась мне сразу: во-первых, идея восприятия родительства как трудовой деятельности мне показалась правильной (напомню, у меня ведь был маленький ребенок) и перспективной; во-вторых, она не была «кондово-экономической», тут в полной мере были востребованы мои социологические знания и интересы; в-третьих, огромны были напор будущего научного консультанта и моя уверенность в том, что в случае необходимости он защитит и непонятное экономистам направление в целом, и меня как его приверженца... Надо сказать, что последующие годы показали, что с тем выбором я не ошиблась ни в одном его пункте...

Итак, решено было работать над исследованием репродуктивной активности – так было названо качество репродуктивного (родительского) труда, необходимого для преодоления негативных демографических тенденций. Эта категория «родилась» так: читая немногочисленную литературу по репродуктивному труду, написанную моим консультантом в соавторстве с его первой докторанткой, я оставляла на полях какие-то заметки. Среди них были словосочетания, с которыми ассоциировалось у меня прочитанное. В конце концов появился список из десятка таких категорий, одна из которых – репродуктивная активность – была признана Анатолием Михайловичем наиболее перспективной.

Работа началась с изучения... учебников по экономике труда. Потом пошли монографии – Гастев, Струмилин, Тоффлер. Потом работы, в которых так или иначе можно было найти обоснование понимания родительства как труда, как сектора экономики – Маркс и Энгельс, Коллонтай, Радаев, Барсукова, Бек. Были и демографы (Рыбаковский, Елизаров, Архангельский, Зверева), и социологи-фамилисты (Антонов, Медков, Харчев), и трудовики (Тощенко, Кравченко, Дряхлов, Щербина). Конечно, Беккер, Шульц... Разумеется, это далеко не полный перечень того, что изучалось... Я ушла с административной работы, существенно потеряв в деньгах, но научная работа меня, надо сказать, захватила. Я много

выступала на конференциях, доклады, как правило, вызывали много вопросов, высказывались разные мнения (от «какой труд? это же счастье!!!» до «как правильно, почему мы раньше сами-то не догадались, идея ведь на поверхности...»). Трудовики принимали нас лучше, демографы – хуже. Ситуация усугублялась тем, что Анатолий Михайлович в силу своего горячего, бескомпромиссного характера далеко не со всеми коллегами был в хороших отношениях.

Спустя некоторое время после начала этой работы, на конференции в Сургуте, куда Илышев привез всех своих учеников, я познакомилась с будущей коллегой Оксаной Шубат – она в то время писала кандидатскую диссертацию. Оксана была асом в статистике, в многомерных методах статистического анализа. Именно благодаря общению с ней, а потом и курсам по SPSS в Московском экономико-статистическом институте у меня в работе появились исследования межрегиональной и межстрановой репродуктивной активности, выполненные с помощью методов регрессионного, факторного, кластерного анализа.

Конечно, в работе были и периоды спада. Когда-то они были связаны со сложностью и нежеланием решать задачи, которые ставил Анатолий Михайлович, когда-то – с отсутствием (как мне казалось) перспектив защиты... В феврале 2009 года наступил день, когда Илышев радостно сообщил, что в нашем университете открылся диссертационный совет по экономике труда. Он лично прикладывал к этому много усилий, но раз за разом ВАК по каким-то причинам отказывал. И вот это событие произошло. На мой вопрос, сколько совет просуществует, Илышев ответил, что до конца года (2009) – точно, потом планируется изменение номенклатуры научных специальностей, в связи с чем возможно закрытие всех существующих советов в стране... На мое изумленное восклицание о том, что мне не успеть написать работу за это время, Илышев ответил, что на меня он, собственно, и не рассчитывает, есть, мол, и другие желающие и готовые защититься...

Конечно, меня это очень задело. Работа к тому времени была готова чуть больше чем наполовину, много необходимых публикаций уже было сделано. И вдруг такая реакция Илышева – сейчас понимаю, что он на меня в тот момент был несколько в обиде, потому что пару месяцев не видел от меня никакого нового материала. Пришлось мне напроститься на встречу, захватив с собой отчет о промежуточных итогах и сформулировав все возможные обещания. В итоге мне были поставлены условия: готовность работы и всех недостающих публикаций к 1 сентября, предзащита на кафедре с присутствием внешних экономистов-трудоустроителей в первых числах сентября. Если на заседании будет принято положительное решение, то защита – в декабре 2009 года.

Самый сложный организационный момент здесь был – публикации. И тут Илышев сыграл огромную роль. Он находил в моих текстах то, что может превратиться в статью, подсказывал, где это лучше опубликовать, зачастую сам договаривался с редакциями. В итоге публикаций было так много, что некоторые «доброжелатели» на защите говорили о якобы «подпольном цехе», который писал эти работы... Только близкие люди и Илышев знали, как тяжело все это давалось, сколько приходилось работать без сна и отдыха...

Чему меня научила работа с Анатолием Михайловичем? Кроме содержательных моментов (сама идея родительского труда, разработка методологии анализа, структурирование научной работы), у меня появилось умение организовывать научную деятельность – как свою, так и – впоследствии – своих учеников. Многие личностные качества, которые пришлось сформировать и развить во всем этом процессе (уверенность в правильности своих идей; умение, как он говорил, «держать удар»; просчитывание каких-то ситуаций; гибкость там, где это необходимо «ради дела») – тоже его заслуга.

Что удалось выявить? Какими были главные теоретические выводы?

Во-первых, было дано глубокое обоснование того, что родительство – это труд. Определен круг «заказчиков» этой деятельности, которые, правда, себя таковыми не считают. Причина, на мой взгляд, кроется в том, что семья сегодня выступает своего рода «дешевым удовольствием» для государства, и такая ситуация всем (кроме родителей) очень выгодна. Родители же зачастую сами способствуют подобному восприятию, считая, что мамы «сидят дома» с детьми, что их труд второсортный (в отличие от профессионального), что они рожали ребенка «для себя» и т. д.

Во-вторых, была разработана методология анализа родительского труда. Она ориентировалась прежде всего на анализ затрат, возникающих в ходе этого труда (временных, финансовых), и анализ его результатов (вот тут и потребовались навыки многомерного статистического анализа). С последним аспектом возникали сложности в первую очередь этического характера («Как можно оценивать результаты труда родителей...», «А если ребенок родился больной..., родители в этом виноваты?» и т. д.). Действительно, тема спорная, но находящая все же свое решение в западной науке, прежде всего, в русле социэкономии... Надо отметить, что сегодня и у нас темы качества населения, «качества рождаемости» поднимаются все чаще. Этому способствовала политика стиму-

лирования рождаемости – прежде всего, программа материнского (семейного) капитала... В своей работе я пошла и дальше – была сделана попытка предложить систему показателей, оценивающих эффективность родительского труда. Часть из них предполагалось собирать социологическими методами.

Еще одна идея состояла в том, что для того, чтобы родительский труд реализовывался грамотно, а его результаты были качественными, будущие родители должны этому где-то учиться. Одна глава работы была целиком связана с педагогикой, с методикой преподавания соответствующих дисциплин, с акцентами, которые необходимо расставлять в уже существующих курсах. Для этого, в частности, выбирались дисциплины, где сейчас (пусть эклектично) говорится о семье, родительстве, человеческом капитале. В каждую такую дисциплину было предложено добавить определенные темы, которые бы помогали формировать у выпускников высшей школы компетенции в сфере родительского труда. В итоге была разработана концепция перехода вузовского образования к «репродуктивно-ориентированному».

По мне, так понятие «родительского труда» весьма содержательно, здесь синтетично смотрятся концепции социологии, экономики, педагогики, есть простор для анализа. После защиты докторской Вам удалось продолжить изучение этой темы или, в силу разных обстоятельств, Ваши исследовательские интересы сместились в новые области?

Темой родительского труда я продолжаю заниматься очень активно. После защиты докторской и благодаря ей появились ученики, коллеги, с которыми мы исследуем отдельные аспекты этого вида труда. Тема действительно многогранна, сегодня мы работаем и в социологическом, и в экономическом поле. В социологию исследование органично вошло после поддержки темы грантом РГНФ Анатолием Ивановичем Антоновым, который был экспертом по моей заявке (Это я узнала позже и случайно, в разговоре с ним на Валентеевских чтениях в МГУ). Много для меня значило и своего рода «социологическое благословление», полученное от Гарольда Ефимовича Зборовского, по работам которого я изучала социологию еще будучи студенткой и который с недавнего времени плодотворно работает на нашей кафедре. Он пристально следит за поворотами нашей темы, подсказывает, помогает и поддерживает, радуется нашим достижениям.

Согласна с Вами: тема имеет перспективы в разных исследовательских областях. Прежде всего это социология семьи, социология труда, экономическая социология, демография, экономика

труда, экономика народонаселения. Хотелось бы, чтобы кто-то взялся за изучение педагогических, психологических, юридических аспектов родительского труда... Новые идеи и планы сейчас рождаются благодаря обсуждениям результатов наших исследований на российских и зарубежных конференциях, изучению иностранной литературы. Уральский федеральный университет, где в принципе родилась эта тема, давая сегодня широкие возможности, ставит и новые задачи, к выполнению которых мы с коллегами стараемся приближаться. Например, только что мы вернулись с Всемирного социологического конгресса в Йокогаме, где я работала в рамках исследовательского комитета Family Research. С одной стороны, это позволило познакомиться с актуальными исследовательскими трендами (успешное родительство, материнство и отцовство, конфликт между семьей и работой, поддержка семьи обществом и др.), с другой – понять, что наши исследования лежат в русле общемировых тенденций.

Сегодня я работаю с научной группой единомышленников, которая состоит из преподавателей, аспирантов, соискателей, время от времени появляются студенты. В первую очередь хочется сказать об Оксане Михайловне Шубат, с которой мы познакомились, занимаясь каждый своей темой под руководством профессора Ильшева. Учет затрат времени на родительский труд, представления и знания о будущем труде студенческой молодежи, детерминанты вторых рождений, выявленные на основе опроса беременных женщин (идея этого исследования родилась и была реализована, когда мы с Оксаной ожидали своих вторых детей), особенности реализации родительского труда в отдельных социальных группах и общностях (в частности, сейчас нас особенно волнует тема материнства в академической среде) – это эмпирические исследования четырех последних лет. С Оксаной Михайловой мы издали две монографии, написали большое количество статей в ВАКовских журналах, сейчас пытаемся пробиваться в столь востребованные сегодняшним научным сообществом издания, входящие в Web of Science и Scopus. Пока дается тяжело, но не в наших традициях отступать – работаем, учимся признаваемому в научном мире академическому письму, участвуем в зарубежных конференциях, Университет создает условия, рассчитываем на результат...

Несколько качественных исследований проведено с молодым преподавателем нашей кафедры Анжеликой Ворошиловой. Это – биографические эссе студентов на тему родительского труда, глубинные интервью с чиновниками, реализующими меры семейной и демографической политики. После Конгресса появились планы углубления анализа результатов качественных исследований с по-

мощью специально предназначенных для этого прикладных программ, позволяющих применять к качественным данным известные методики количественного анализа (например, кластерный анализ).

На теоретическом уровне мною разрабатываются проблемы понимания родительского труда как социального института, социального процесса и деятельности, его взаимодействия с другими социальными институтами, вопросы мотивации и стимулирования родительского труда. Крайне актуальной для нашего общества сегодня является сложнейшая тема качества результатов родительского труда, к изучению которой мы постепенно приблизились за эти годы.

Здесь самое уместное поговорить об Йогогамском социологическом конгрессе. Какова была его сквозная тема и много ли было участников? Сколько было российских социологов, наверное, с кем-либо из них встретились впервые и познакомились?

Тема конгресса была связана с проблемами неравенства и вызовами, возникающими в связи с этим для мировой социологии. Этой теме было посвящена пленарная сессия и, конечно, доклад Президента Международной социологической ассоциации Майкла Буравого. Его выступление перед 4-тысячной аудиторией из 120 стран мира, пожалуй, захватило дух каждого присутствующего. Он очень наглядно и убедительно продемонстрировал «социологию для всех» в своей интерпретации – публичную социологию. Искусно оперируя яркими образами (от Папы Римского до Карла Полањи), он привел восхищенных слушателей к выводу, что социология сегодня стоит перед вызовом, который все мы обязаны, объединив свои усилия, принять и преодолеть.

Всего же на конгрессе работало более шести тысяч социологов, объединившихся в 55 исследовательских комитетов. Для каждого комитета была организована программа, включающая собственные тематические заседания и мероприятия, общие с другими родственными комитетами. Численность российской делегации в этот раз превысила все предшествующие конгрессы – нас было более 160 человек. Отмечу, что в нашем комитете россиян было совсем немного – свои результаты, помимо нас с Анжеликой Ворошиловой, представили лишь два молодых исследователя из Института социально-политических исследований РАН.

Много ли участников собрал ваш исследовательский комитет Family Research? Кто из зарубежных лидеров этого направления был? Кто из россиян работал в вашем комитете? Чему было посвящено Ваше выступление или участие в дискуссии? Как были восприняты Ваши построения, выводы?

В нашем комитете работало около 300 человек. Последние восемь лет этот комитет возглавляет профессор Венского университета Rudolf Richter, известный своими работами о родителстве, отцовстве, межпоколенных отношениях в семье. Он, как и вице-президент Rudy Seward из Университета Северного Техаса, присутствовали на всех заседаниях, активно участвовали в дискуссиях. Более того – в силу, видимо, малочисленности россиян в этом комитете, Rudolf Richter отдельно пригласил нас с Анжеликой Ворошиловой на социологический форум, который пройдет через 2 года в Вене и также будет организован Международной социологической ассоциацией. Российскую социологию в нашем комитете представляли также москвичи Светлана Свистоплясова и Евгения Сигарева из ИСПИ РАН с постерным докладом, тема которого оказалась созвучна нашим исследованиям – они изучали представления о семье студенческой молодежи нескольких российских городов. Кроме того, на совместном заседании с комитетом «Женщины в обществе» (он, кстати, согласно статистике Конгресса, оказался самым многочисленным) выступила Татьяна Карабчук из Высшей школы экономики с интересным докладом по результатам кросс-культурного исследования на тему «Карьера против детей: эффекты институционального влияния на субъективное самочувствие женщин в европейских странах». Наш же доклад был посвящен динамике ценностей семьи и родительства студенческой молодежи – мы представили результаты качественного изучения полутора сотен биографических эссе, написанных студентами Уральского федерального университета. Наши выводы были созвучны результатам коллег из самых разных стран мира – семья сегодня переживает многовекторную трансформацию, но при этом остается эффективным социальным институтом, реализующим уникальные социокультурные, экономические, психологические механизмы для жизнедеятельности, поддержки вовлеченных в его деятельность людей.

Одним из важных результатов конгресса для нас (кроме многочисленных идей и новых контактов, конечно) стало знакомство с программой обработки результатов качественных исследований. К своему стыду, раньше мне не довелось узнать об их существовании (правда, впоследствии выяснилось, что не мне одной – наши университетские социологи также пребывали в неведении по этому

поводу). Возможности подобных программ напоминают SPSS, позволяя применять хорошо знакомые нам количественные процедуры к материалам, собранным в процессе интервью, фокус-групп, написания текстов и т. д., а затем визуализируя результаты обобщений. Существенно облегчается ввод информации в программу (например, для ряда социальных сетей может быть использована функция автоматического переноса), а выводы, которые могут быть сделаны на этой основе, для меня (в душе все же «количественника») во многом становятся более обоснованы... В планах – изучение программ подобного класса, знакомство с ними коллег по кафедре, магистрантов, аспирантов, активное их использование в исследовательской деятельности.

В. П. Засыпкин

**«В ИТОГЕ,
ПОСКИТАВШИСЬ ВО ФРАНЦИИ
ОКОЛО ТРЕХ МЕСЯЦЕВ,
Я ВЕРНУЛСЯ В СУРГУТ»**

Владислав, сейчас Вы живете в Сургуте... Вы и родом из тех краев? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье...

Я родился в Тюмени 20 октября 1971 года. Это мой родной город, у меня с ним очень много связано. А в Сургуте я с 1976 года, приехал с папой и мамой, точнее, они меня привезли, после того, как в семье моими родителями было принято окончательное решение перебраться на север (папа уже тогда работал в Сургуте больше года). С тех пор Сургут – мой второй родной город. Здесь меня водили в детский сад, здесь я окончил школу, здесь я отслужил в армии, вернувшись из Тюмени после университета в 1994 году. Теперь в Сургуте у меня работа, семья, коллеги, друзья. Таким образом, если не считать пятилетний университетский период моей учебы в г. Тюмени, то в Сургуте я почти всю свою сознательную жизнь.

Интересен тот факт, а я узнал об этом уже взрослым, что тогда, в середине 70-х, мои родители стояли перед серьезным выбором, поехать ли им на комсомольскую молодежную стройку в Сургут или в Припять, на Всесоюзную стройку в совсем тогда еще молодой, только отстраивающийся город. Скажу сразу, что Припять рассматривалась ими очень серьезно. Во-первых, в новом молодом городе у молодых семей было гораздо больше возможности получить хорошую работу и, что самое главное, жилье, во-вторых, у папы украинские корни (его мама, моя бабушка из Николаевской области), в-третьих, там теплее и комфортнее. Но... победил Сургут, он ближе к Тюмени, да и все родственники тоже рядом. Вот так, сибирские и уральские корни моих родителей взяли верх.

Моя мама, Людмила Николаевна Засыпкина, до замужества Медведева, родилась в Омске. В середине 50-х с родителями переехала в г. Тюмень, где окончила школу и Тюменский педаго-

гический институт, и к тому времени, в 70-х, уже несколько лет работала учителем истории. Папа, Павел Николаевич Засыпкин, родился в Свердловске, он также в конце 50-х с родителями переехал в Тюмень, где впоследствии учился в военном училище, но, не окончив которого, стал работать на Тюменской ТЭЦ. Мои родители поженились в 1970 г. Они могли бы остаться в Тюмени, причем для этого были все возможности, их родители (отцы, оба фронтовики) занимали руководящие должности на все той же Тюменской ТЭЦ, а вот мама, моя вторая бабушка, уже не один десяток лет работала в системе образования г. Тюмени учителем начальных классов. Мои родители были молоды, у них было огромное желание сделать что-то самим и с самого начала. Их родители поддержали это желание. Вот так я и оказался в Сургуте. Сегодня мои папа и мама, отработав по тридцать с лишним лет на Севере, вернулись в Тюмень, они теперь на пенсии, воспитывают внуков, с ними уехала моя родная сестра, у нее в семье двое детей.

Вспоминая то время, я бы сегодня сказал, что у нас была типичная советская семья: мама – учитель истории, папа – водитель, я – пионер, сестра – октябренок. Жили мы в типовой двухкомнатной квартире московского проекта в центре города, а вокруг был с нуля строящийся город. Мама периодически говорила отцу: «Павлик, мы с тобой живем на стройке». Действительно, так и было, старый Сургут с его деревянными застройками и деревянными тротуарами уступал место пятиэтажным панельным типовым новостройкам, возникавшим с невероятной скоростью. Город строился микрорайонами: «Энергетик», «Строитель», «Нефтяник», «Геолог» и т. д. В каждом микрорайоне был свой центр с площадью и Домами культуры, поэтому все жители Сургута всегда говорили, что живут в «центре», других мест просто не было. Если и были, то страшные окраины, застроенные «балками». Это сегодня Сургут – современный город с хорошей транспортной инфраструктурой, раньше все было по-другому. Вдобавок к этому очень короткое лето и почти сразу зима. Снег ложится уже в октябре, а последний тает во второй половине мая, и все это на фоне короткого светового дня, поэтому благодаря отцу основным активным времяпрепровождением у меня был зимний спорт (хоккей, лыжи и даже горные лыжи). Папа очень спортивный человек, еще в Тюмени профессионально (если можно так сказать о том времени) занимался русским хоккеем и футболом, играл за городскую тюменскую команду «Рубин». Любовь к спорту, точнее к регулярным физическим нагрузкам, привил мне именно он. Папа и мама много читали, и поэтому нехватки книг в доме не было. Доступ к литературе и возможность ее выписывать и покупать, которые были у отца (книгами у него на производстве, по-моему, занимался профком), служили

своеобразной компенсацией очевидной нехватки культурной составляющей в молодом городе. Дома читали русскую и зарубежную классику, обязательным атрибутом библиотеки была серия «Жизнь замечательных людей». У мамы была неплохая историческая библиотека по древней и российской истории, это и «Жизнеописания» Плутарха, «История Рима» Т. Моммзена, позднее появились «Очерки по истории римской империи» Р. Виппера. Ключевский соседствовал на полке с многотомным академическим изданием «Истории СССР» и трехтомником «Истории КПСС». Были отдельные издания Маркса, Энгельса и Ленина, в середине 80-х у мамы появилось много «перестроечной» и другой общественно-политической литературы. Родители всегда выписывали много газет и журналов: «Литературная газета», «Роман-газета», «Учительская газета», «Труд», местные издания и, конечно же, «Советский спорт» для папы и «Пионерская правда» для меня и т. д. Был и самиздат, точнее перепечатанный на пишущей машинке Солженицын, Булгаков, Войнович, анекдоты И. Губермана, эпиграммы В. Гафта, в доме слушали записи В. Высоцкого. Мои родители никогда не были в партии, более того, маминого отца в конце 50-х исключили из КПСС, так как он, будучи председателем колхоза, отказался сеять кукурузу в сроки, указанные партией. Позже его восстановили. Вообще вольнодумие в доме было в чести, хотя к власти всегда относились с уважением. Все это идет от моего любимого деда «бунтаря», маминого папы Николая Тимофеевича Медведева.

Возвращаясь к теме книг, не скажу, что я читал днями напролет, много времени занимала школа, спорт, пионерская, а затем и комсомольская общественная работа. Вместе с тем литература и чтение – это то, чему мои родители и я, благодаря им, уделяли очень много времени. Многое из прочитанного в доме обсуждалось и рассказывалось. Необходимо сказать, что, несмотря на рабочую профессию моего отца, у нас все-таки в большей степени была учительская семья. Авторитет интеллектуального труда в доме был незыблемым.

А в целом, как бы Вы сегодня, уже будучи социологом, охарактеризовали социальную, информационную, интеллектуальную обстановку Сургута 1970-х – первой половины 80-х?

Несмотря на возраст (а Сургут возник во второй половине XVI века как казацкий острог и в разные периоды своей истории становился даже уездным городом), его население до индустриального освоения было малочисленным, что, кстати, стало одной из причин потери им городского статуса на заре советской власти.

В 70-е и 80-е из небольшого заштатного села он превращается в серьезный индустриальный город с населением в четверть миллиона человек. Этот период принято называть вторым рождением города. Сургут становится крупным многонациональным городом, собравшим молодое трудоспособное население со всего СССР.

Сургут принимал всех. Кроме нефтяной и газовой отраслей, здесь очень интенсивно развивается энергетический комплекс, строительная отрасль, транспорт. До 1975 г. в Сургут можно было добраться только малой авиацией или водным транспортом, а зимой еще автомобилем по «зимнику». Только в 1975 г. в городе была запущена железнодорожная ветка, связывающая его с югом Тюменской области и Транссибом. Параллельно интенсивно развивается социальная сфера: детские сады, школы, профтехучилища, больницы, учреждения культуры, досуга, дополнительного образования детей (музыкальные и спортивные школы), кинотеатры, библиотеки, Дома быта и т. д.

Многие из тех, кто приехал в город, как тогда говорили, «за длинным рублем», оседают в Сургуте, создают семьи. Правда, по данным различных опросов, которые проводились и проводятся в городе и округе, до 50 % проживающего здесь населения не планировали и не планируют связывать своего будущего с Югорским севером. «Временщики» – так здесь называют тех, кто ходит с обратным билетом в кармане.

Вопрос сохранности генофонда, закрепления в Югре населения всегда стоял очень серьезно. Это было объективной трудностью. Дело в том, что, кроме работы по узкопрофильным промышленным специальностям (нефтяник, газовик, геолог, строитель и т. д.), здесь молодежи больше нечего было делать. Был и определенный информационный голод: кроме местной газеты «К победе коммунизма», все центральные, даже тюменские, такие как «Тюменская правда», например, приходили в Сургут с суточным опозданием, т. е. мы всегда читали вчерашние газеты, которые вдобавок получали только после обеда или вечером, журналы же приходили с опозданием в месяц. Основным источником свежей информации было радио и телевидение. Информационно-культурный и социально-культурный слой в городе был очень тонким. Первый вуз появился только в 1995 году, до этого выпускники школ массово уезжали учиться, как тогда говорили, на «большую землю», которая чаще начиналась с Тюмени и Свердловска. Именно там были музеи, театры, художественные галереи. Туда всегда стремились. Сургуту было не до этого. Летом и осенью сургутяне занимались заготовками продовольствия на предстоящую зиму: рыба, ягоды, грибы. Дачные участки появлялись медленно и не у всех, поэтому с большой земли везли почти все: овощи, фрукты, мясо и все те же ягоды и грибы.

Культурный досуг горожан, в особенности работающей и учащейся молодежи, был незатейливым. В каникулы – это кинотеатр. В Сургуте в то время их было целых два. Школьникам выдавали абонемент на детские сеансы (10 маленьких синих билетов по 10 копеек). Мама в школу в последний день занятий перед каникулами для этого давала целый рубль, насколько помню, билеты распространяли в школах централизованно. Фильмы для детей шли до обеда, после обеда и, тем более, вечером в кинотеатр детей уже не пускали. Для тех, кто был старше, организовывались развлекательные мероприятия в Домах культуры микрорайонов города. Именно тогда в Сургуте стали зарождаться самостоятельные народные, да и не только, танцевальные и музыкальные коллективы, которые сохранились в городе и сейчас, и приносят ему славу на всероссийских танцевальных и музыкальных площадках. В Сургуте действовали музыкальные школы и единственное на севере музыкальное училище, в котором готовили педагогов и исполнителей. Досуг и отдых горожан большей частью был коллективным. Так, для Сургута были характерны общегородские субботники по озеленению города. В них активное участие принимали все жители, что называется, «от мала до велика». Нельзя не сказать об общегородских ежегодных демонстрациях 7 ноября и 1 мая, праздниках на Новый год, Масленицу и т. д. Кроме того, в большой городской праздник превращались различные выборы в городской и районные советы и т. д.

Оторванность от цивилизации здесь ощущалась очень остро, и это касалось не только информационной и культурной составляющих, хотя их не хватало в большей степени, но и многие материальные блага всегда здесь были большим дефицитом. Правила доступа к ним были такими же, как тогда и во всем Советском Союзе. 70-е и 80-е – это период, когда в Сургуте можно было сделать только профессиональную карьеру производственника или комсомольского работника. В это время Сургут – не только город молодых, но и город постоянно обновляющегося населения, собственные пенсионеры, точнее, пенсионеры – как социальная общность, появляются здесь только в 90-е и вместе с ними и вся соответствующая социальная инфраструктура. Местное постоянное население Сургута формируется медленно. Многие из тех, кто достиг пенсионного возраста, возвращались на свою родину, другие уезжали, не дожидаясь этого. Причины разные: и климат, и географическая удаленность, и многое другое, о чем я уже говорил. Тогда прошло еще очень мало времени для того, чтобы Сургут стал комфортным городом для проживания всех категорий граждан.

Как припоминаются школьные годы, учителя, какие были интересы?

Школьные годы вспоминаю с удовольствием. Скажу больше, мне всегда нравилось учиться, и я делал это с увлечением. Секции и кружки, которые я посещал после уроков, школа пионерского актива и многое другое – все это было связано со школой. Школьная жизнь была очень насыщенной. В среднем звене я ходил в радиокружок, занимался фотографией, волейболом, увлекался хоккеем, дзюдо, плаванием. Специально готовился и поступил в музыкальную школу по классу гитары, правда, вот учиться не стал, не сложилось. Желание заниматься музыкой реализовал в школьном пионерском отряде барабанщиков (шутка). Пионерская жизнь – это особая история. Я был, как тогда говорили, «пионером-активистом», а в старших классах – председателем Совета школьной пионерской дружины. Хорошо помню, что, будучи в шестом классе, я выиграл общегородской конкурс среди школьников, посвященный истории пионерской организации, как понимаете, меня готовила мама. В результате в качестве награды получил бесплатную путевку во Всероссийский пионерский лагерь «Океан» на Дальний Восток. Там я провел целую смену в сорок незабываемых дней. Позже, уже в восьмом классе, городской пионерской организацией был направлен во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». До сих пор храню свой дневник с той поры, значки и прочие пионерские атрибуты.

Что касается учебы, то мне она давалась достаточно легко. Я был гуманитарием (история, география, литература, в старших классах – обществоведение – это дисциплины, которые я изучал с удовольствием), хотя и точные дисциплины осваивал без особого труда. Трудности, пожалуй, были с физикой, поэтому и возникло желание посещения радиокружка, а в школьном учебном комбинате, будучи уже в старших классах, я записался на обучение автослесарному делу. Сработал принцип: «Клин клином вышибают», на практике все эти механизмы, радиотехнические и электротехнические секреты оказались совсем не такими сложными, как в теории. Вместе с тем особая любовь – это французский язык, который я начал учить, как и все школьники тогда, в четвертом классе. Так получилось, что в пятом я уже ходил на дополнительный факультатив к семиклассникам. Все это привело к тому, что моей главной школьной мечтой было стать военным переводчиком. Я к ней шел медленно, но верно. Правда, вот реализовать ее удалось только частично. Любовь к языкам – это от мамы. Она в свое время выбирала между историческим факультетом и факультетом иностранных языков в пединституте Тюмени. По результатам всту-

пительного экзамена она проходила и туда, и туда. Любовь к истории взяла верх. Как понимаете, любимой учительницей была именно мама. Буквально, мама в моем классе преподавала обществоведение: помню, что меня это настолько увлекло, что я с удовольствием конспектировал тексты Ленина, Маркса, Энгельса. Мне это очень помогло позднее на семинарах по истории КПСС в университете. Но дома в маминой библиотеке хранилась еще литература и учебные книги на немецком языке, учебники по польскому и английскому языкам. Мой же выбор выпал на французский язык, не могу объяснить почему. Для меня он действительно был очень интересен. Может быть потому, что в доме слушали и любили Джо Дассена, Мирей Матьё, Эдит Пиаф, Далиду и других французских исполнителей, а фильмы франко-итальянского производства, особенно с Луи де Фюнесом, были самыми любимыми и ожидаемыми на телевидении и в кинотеатрах.

В основном все, о чем Вы написали, проходило в доперестроечный период, но завершали Вы школу в самые бурные перестроечные годы. Что сохранилось в Вашей памяти о том времени? Вы еще застали комсомол или уже все рассыпалось?

Да, застал, и до заката тогда было еще далеко. В отношении себя, могу сказать, что мне довелось пройти полный цикл идеологического воспитания, который проходили в то время дети и учащаяся молодежь СССР.

В комсомол я вступил, как и было положено, по рекомендации моих старших товарищей, комсомольцев школы. Это случилось достаточно рано, мне было 14 лет (весна 1986 г.). Очень хорошо помню, как это происходило. Во-первых, нужно было хорошо знать Устав ВЛКСМ (цели, задачи, структуру организации, моральные принципы, права и обязанности комсомольца и т. д.), во-вторых, нужно было хорошо ориентироваться в решениях, которые принимались комсомольскими и партийными съездами; в-третьих, нужно было разбираться в международной обстановке и еще многое другое. Но самое интересное – это были «вопросы-ловушки», которые задавала комиссия по приему в комсомол. Меня, например, спросили, сколько стоит Устав ВЛКСМ. Ответ я, что 2 копейки (а это буквально так и было, я его, как сейчас помню, купил вместе с комсомольским значком в киоске «Союзпечати» около моего дома), то неизвестно еще, приняли бы меня или нет. Правильный ответ я знал: «Устав – бесценный».

Я оставался комсомольцем до того момента, как эта организация перестала существовать, т. е. вплоть до конца 1991 года. Более того, уже, будучи в университете (1989 г.), мне пророчили

вступление в кандидаты в члены КПСС. Об этом первым заговорил сам преподаватель дисциплины «История КПСС», вероятно, здесь свою роль сыграли мои школьные конспекты ленинских, да и не только, работ. Но этого не случилось, да и я не особо об этом мечтал.

Мое комсомольское прошлое было не таким бурным и запоминающимся, как пионерия. Дело в том, что, став комсомольцем, я в течение двух лет занимался в школе пионерскими делами как наставник (раньше таким комсомольцам присваивали почетный статус «старшего пионера», я тоже был его обладателем, даже особый нагрудный знак выдавали). Но когда меня выдвинули к избранию на пост секретаря школьной комсомольской ячейки, я взял самоотвод. Помню, что в какой-то момент мне стало вдруг, именно вдруг, все это не так интересно, как раньше. Причин тому было две. Самая главная причина – это подготовка к поступлению на переводческий факультет, а так как мой выбор пал на Московское высшее военное пограничное училище КГБ СССР им. Моссовета, ведь я мечтал стать именно военным переводчиком, то языковую подготовку необходимо было сочетать с интенсивными физическими тренировками, что занимало много времени. Правда, скажу сразу, что моей мечте не довелось сбыться в полной мере: в год моего поступления в том вузе этот факультет закрыли, и я (здесь опущу подробности) остался «на гражданке», поступив на факультет романо-германской филологии Тюменского госуниверситета и получив впоследствии диплом лингвиста, преподавателя иностранных языков. Но это было гораздо позднее. А тогда, в перестроечные годы была еще одна причина, но не менее важная. Причина моего отказа от активной общественной комсомольской жизни – это именно те события, о которых Вы спрашиваете. Я очень хорошо помню это время. Публикации в газетах, репортажи, новые телепередачи, такие как: «Прожектор перестройки», «Взгляд», и, конечно, советско-американские телемосты, которые вели Владимир Познер и Фил Донахью, а ведь это были в чистом виде ток-шоу, телевизионный формат, который не был нам знаком. После советских «Сельского часа» и «Специальных выпусков сессий Верховного Совета» они воспринимались как настоящая информационная революция.

Мы все понимали и искренне поддерживали М. С. Горбачева в том, что нужно было менять в первую очередь «мышление», но не знали, как. При этом мы его критиковали за то, что он начал с «ускорения», а не собственно с «перестройки». Помню, рассуждали так: неужели они там наверху не понимают, что нельзя перестроиться «на ходу при высоком ускорении». Это был период действительно настоящего, как нам тогда казалось, свободомыслия, эпоха

гласности и ускорения, перестройки и демократизации. Я очень хорошо помню, как дома родители и я, мы вместе сопереживали и поддерживали советских участников телемоста СССР – США, отстаивавших и доказывающих преимущества плановой экономики, но, тем не менее, соглашались с необходимостью перемены и ждали их. Прекрасно также помню, что многое менялось и в школьном образовании: появлялись советы учащихся и родителей, дни самоуправления школьников. В образовании это была эпоха педагогов-новаторов (педагогика Амонашвили, методика опорных конспектов Шаталова). Эти изменения мне были близки, и я знал о них не понаслышке. Проблемы реформирования образования бурно обсуждались дома. Вспоминаю еще такой факт, что, отвечая на выпускном экзамене по истории в школе на вопрос о политике СССР в этот период, я говорил о достижениях Горбачева только во внешней политике, но критиковал его за неудачи во внутренней, и комиссия со мной соглашалась. А вот мои ощущения после экзамена: школьник может открыто критиковать партию, и получает за это высокую положительную оценку членов комиссии. Это на самом деле было чем-то невероятным. Именно тогда я стал, наконец-то, понимать рассказы родителей об «оттепели 60-х», а «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, другие книги, которые появились в доме, многое перевернули в сознании. К сожалению, они тогда перевернули только наше, того времени, восприятие советского прошлого, но, будучи по своей сути и содержанию трагичными, не содействовали оптимистическому и конструктивному взгляду на будущее.

В завершение добавлю, что сейчас я понимаю, что мой пионерско-комсомольский задорный период в жизни был, если так можно сказать, очень серьезной школой самовоспитания, и в этом, по моему мнению, большой плюс той советской системы: мы сами планировали, организовывали и проводили строго по плану множество мероприятий (сегодня это называют тайм-менеджментом), мы сами продумывали и реализовывали «Дни полезных или добрых дел» (сегодня я бы это назвал социальным проектированием). Тогда этому было одно название – НОТ (научная организация труда), и нас этому учили.

Итак, Ваш подростковый, юношеский интерес к языкам к окончанию школы стал основой для выбора профессии. Почему Вы остановились на Тюменском университете, а не попробовали поступать в один из московских или петербургских вузов? У Вас уже был опыт самостоятельного перевода прозы

или поэзии или общения с иностранцами? Как прошло поступление? Какие языки стали для Вас при обучении основными?

Так получилось, что Тюменский госуниверситет выбрал не я, а он меня, точнее обстоятельства, тому предшествовавшие. Начну по порядку.

Вспоминая последний год школы, должен заметить, что до сих пор у меня осталось в памяти ощущение неизбежности отъезда из Сургута. Эта была участь любого выпускника школы, который стремился продолжить обучение в вузе. Я был готов поступать в Московский военный вуз, ну а гражданские вузы мной просто не рассматривались. Я даже не помню, чтобы интересовался каким бы то ни было из них. Хотя, конечно, знал и о МГИМО, и Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза, и МГУ, и о свердловских вузах. Мои одноклассники, школьные друзья уезжали поступать в томские вузы: Томский политехнический, Томский госуниверситет. Я же тогда считал, что свой выбор давно сделал (у меня уже был печальный опыт непрохождения комиссии в Свердловское суворовское училище после 8 класса). Поэтому остановать меня никто не мог, даже родители, они просто смирились.

Вообще, все, что произошло сразу после окончания 10 класса – это была почти детективная история (опять шутка). Дело в том, что в это же время в Тюмени мой двоюродный брат бросает Тюменский нефтегазовый, не доучившись на первом курсе, для того, чтобы поехать поступать в Горьковское высшее военное ракетное училище в знак солидарности со мной. Вот так в июне 1989 года мы оказались в военно-полевых курсантских лагерях, я в Подмосковье в погранучилище, а мой двоюродный брат, Денис Медведев, где-то под г. Горький у ракетчиков. Система поступления в военный вуз отличается от гражданских. Там всех абитуриентов сразу берут в оборот, делят на отделения, взводы и роты, назначают командиров из числа курсантов; жесткий распорядок дня, дисциплина, физподготовка, теоретическая подготовка и т. д. Только через несколько дней, когда я стал понимать вообще, где я, мне удалось узнать, что моего факультета уже как год в этом училище не было, и мне надо было выбирать из имеющихся или уезжать домой, и я был такой не один.

Не знаю до сих пор, как это вышло. Ведь и набор вступительных испытаний там был, «мягко говоря», не тот: математика, физика, химия, а не французский, история и литература, которые я готовил. Просто какое-то наваждение. Это сегодня абитуриенты имеют возможность получить всю достоверную и полную информацию. А тогда было так: прибыл в училище, сдал документы,

значит – в строй и вместе со всеми по приказу все вступительные испытания проходишь. Вот так. Вероятно, в Сургуте в то время не только газеты и журналы приходили вчерашние, но и городской военный комиссариат тоже получал старую информацию, а других источников о военных вузах, как Вы понимаете, у меня не было. Так как перспектива инженерно-технических и военно-тактических специальностей мне была не очень интересной, я принял решение уехать. Вступительные экзамены в гражданские вузы были в июле, поэтому я успевал подать документы. Вот здесь и появился для меня Тюменский университет. Он возник случайно, как единственный вариант, так как других у меня просто не было. Ведь я был совершенно уверен, что поступлю в военное училище в Москве, даже, наверное, чересчур самоуверен. Но, увы. Я был первый раз в Москве, точнее, даже не в Москве, а в подмосковном лесу. В итоге, отец меня оттуда забрал и увез в Тюмень. Вот так, еще и не начавшись, завершилась моя офицерская карьера военного переводчика. Настроение было ужасным, осадок на душе от неисполненного долга и несбывшейся мечты давил и мучил меня...

Брат же мой, в отличие от меня, поступил, отучился, а теперь уже и отслужил. Он уволился в запас подполковником. Живет сейчас со своей семьей во Владивостоке.

Я же, в свою очередь, через несколько дней после моих московских военных приключений, уже, будучи в Тюмени, готовился к поступлению на факультет романо-германской филологии...

Всего в тот год в ТюмГУ на французский зачислили 36 человек, при конкурсе 5 человек на место. На французский брали со знанием любого иностранного языка (английским, немецким), поэтому и конкурс был солидный. Вступительные экзамены я сдал очень хорошо. Написал сочинение по теме, связанной с современной советской прозой. Должен сказать, что здесь сыграла свою положительную роль домашняя библиотека. Потом сдал «на отлично» французский, и еще устный экзамен по литературе и русскому языку. В итоге набрал 14 баллов из 15 возможных и сразу был зачислен, так как это и был проходной балл. Да к тому же я был единственным юношей, поступавшим на французское отделение.

Горечь московских неудач вскоре стала забываться. Учеба поглотила меня целиком. Пришлось очень много работать, так как мой сургутский французский оказался не таким уж и французским. Он был хорош для поступления, но в университете пришлось все начинать заново. Да и откуда ему было взяться. Франкоговорящих иностранцев я никогда не видел, ну а самым аутентичным французским источником, который я знал и мог читать еще в школе, была газета французских коммунистов “L’humanite”. Ее иногда продавали в ларьках тюменской союзпечати. Художественными пе-

реводами в школе я не занимался, а вот политинформации по зарубежному источнику проводил.

В университете все было по-другому. Весь образовательный процесс был ориентирован на изучение и познание языков: современных – французского, русского и английского, и древних – латинского. Была и литература, но нас готовили по программе лингвистической подготовки, поэтому мы подробно изучали, в первую очередь, языкознание, практические курсы морфологии и синтаксиса русского языка, практической и теоретической фонетики и грамматики французского, потом были курсы лексикологии, истории французского языка (старофранцузского, среднефранцузского, новофранцузского). Латынь мы также изучали диахронно, т. е. от архаической до «вульгарной», галло-римской. Потом с третьего курса был и английский, а на четвертом – факультатив по китайскому языку. В аспирантуре пришлось осваивать испанский. Мы очень много читали на языках, преимущественно на французском, хотя были книги и на английском, куски на латыни, но это – большей частью в учебных целях. Огромное количество того, что читалось, заучивалось наизусть. Мы много писали, смотрели и слушали фильмы и передачи. В специализированных фонолабораториях мы имитировали звуки, интонацию вплоть до региональных особенностей французского разговорного языка. Потом были стажировки, поездки, работа переводчиком. Я учился с большим увлечением, и теперь понимаю, что, наверное, московские приключения лета 1989 должны были произойти, чтобы, как говорят, почувствовать разницу. В университете фактически сразу, наконец-то, я понял, что это именно то, чего я хотел и к чему стремился, будучи в школе.

Похоже, попытку поступления в военное училище и собственно поступление в Тюменский университет надо рассматривать как нечто единое, связанное. Вас готовили переводчиками или преподавателями языка? Думаю, что, несмотря на большую учебную загруженность, у Вас была и внеучебная «вольница». Как Вы проводили свободное время?

Нас готовили преподавателями иностранных языков. Хотя сегодня, отработав 20 лет в педагогическом вузе, скажу, что в Тюменском университете это скорее была классическая подготовка лингвиста, собственно, как, наверное, и должно было быть в классическом университете. Мы занимались нюансами языка, деталями, частностями, смыслами, двойственностью языковых смыслов, обусловленных как системой языка, так и социальными контекстами. Педагогика была вторична, помню ее как обычную рядовую дисциплину (не в обиду моему педагогу), просто она (педагогика) для меня не была главной.

Мы занимались текстами. Текстами разножанровыми. Чаще это была проза, проза классическая и современная, редко поэзия. Поэзия чаще сочеталась с фонетикой, так как это ритм, мелодика и т. д. Как и положено, мы осваивали теории. Все начиналось со структурализма Фердинанда де Соссюра, затем были Шарль Балли, Альбер Сеше, Андре Мартине, Эмиль Бенвенист. От двойственности языкового знака, лексики мы перешли к синтаксису, постигали в том же ключе текст. Потом была французская интерпретация текста, дискурс-анализ: Ролан Барт, Патрик Серио, Мишель Пешё, Мишель Фуко. Затем текст как знак по Юрию Лотману и Михаилу Бахтину. Непосредственно источники были в очень ограниченном доступе. Копии, иногда оригиналы, привозили нашим преподавателям французские стажеры, которые уже тогда работали у нас в университете. Было сложно. Оттого даже иногда скучно, но это в начале. Зато всегда увлекательно после первых успехов анализа. Это как головоломки. Подготовка же к преподаванию была вторичной.

С благодарностью и любовью вспоминаю университет, потому что и «вольница» была настоящая. У нас был студенческий франкоязычный театр, это было на младших курсах, вплоть до третьего. Я туда попал только после успешного выступления на фонетическом конкурсе, который проводился обычно на первом курсе. Конкурс включал декламацию поэтического текста или прозы на языке. Успех мог быть только в том случае, если это приближено к оригиналу (интонация, смыслы, подача и прочие штучки). Я читал басню Ля Фонтена «La Cigale et la Fourmi» («Стрекоза и муравей»). Потом было публичное чтение на языке «с листа». Мне попался, по-моему, кусок из Пруста «В поисках утраченного времени» («A la recherche du temps perdu») про неожиданные детские воспоминания и ощущения автора, нахлынувшие на него после того, как он попробовал, будучи взрослым, кусочек пирожного «Мадлен».

Театр был любительским. Режиссером и вдохновителем был любимый всеми студентками молодой тогда преподаватель кафедры французской филологии Октябрьский Михаил Юрьевич. Мы ставили небольшие пьесы, отрывки из пьес Жана Ануйя, пьес театра абсурда Э. Ионеско, С. Беккета. Нашими зрителями были студенты и преподаватели факультета. Ежегодно весной накануне сессии театр делал постановку, которой предшествовал длительный репетиционный период. Все было серьезно: текст, костюмы, грим, прогоны, даже отбор на роли. Была конкуренция. Моей первой ролью была роль дворцового с одной единственной репликой. Я один раз за весь спектакль выходил на сцену и с торжественным видом громко говорил, что в гости пожаловали г-н и г-жа такие-то, ну и потом сразу уходил. Вот такая роль – а ля «Кушать подано!». Ве-

роятно, уж очень колоритно это сделал, так как уже на будущий год я играл одну из главных ролей пьесы Ануйя «Африканская любовь». Это была комедия. Для этой пьесы пришлось осваивать арабский акцент. Я играл роль богатого султана, у которого его друг бедуин, спасший однажды ему жизнь (эту роль играл сам Михаил Юрьевич Октябрьский), отбивает какую-то там по счету, не помню, жену. Мы даже специально ставили поединок на клинках с прыжками и кувырками. Был грим, кожа должна была быть смуглой, в общем, все атрибуты. Дома, в университете, как Вы понимаете, был абсолютный успех. Апогеем стал наш дебют в Москве. В тот год Посольство Франции на Якиманке организовало театральный фестиваль молодежных франкоязычных любительских театров. Нас туда командировал университет. В Москве тоже был успех, мы заняли первое место, в зале были овации. Зрители, а это работники посольства, французы, как нам потом сказали, «лежали на боку от гомерического смеха!», виной тому арабский акцент, он у нас особенно удался. Мы сами не знали, что это может быть так смешно. Нас потом спрашивали, сколько времени мы провели в Марокко! Невинная комедия в нашей интерпретации приобрела почти этнополитическую окраску. Нам подарили много подарков, это были книги, и мы получили приглашение участвовать в конкурсе на будущий год. Следующий год был для нас не такой успешный. Кусок из исторической пьесы Ануйя «Бекет, или Честь Божья» оказался сложным для нас. Да и формат фестиваля изменился, там стали участвовать студенческие театры из профессиональных театральных училищ. С французским у них были проблемы, ну, а вот игра, конечно, вне конкуренции. Все равно, это был незабываемый опыт.

В это же время и позже, на старших курсах, я ходил в политическую студию при университете. Мы учились анализировать политические события, которых в стране было хоть отбавляй, мы анализировали публичные выступления Горбачева, Ельцина, других политиков, события начала 90-х, сравнивали различные точки зрения, учились делать прогнозы. Много внеучебного времени занимала работа переводчиком в Тюмени, были стажировки и работа во Франции: июль – август 1991 – стажировка в детском летнем лагере на Лазурном берегу Франции. Нас направило Французское посольство за наши театральные успехи. В ноябре – декабре 1991 – обучение в Высшей школе переводчиков Сорбонна – Дофин. Потом были стажировки во Франции в туристических фирмах, в ассоциациях по культурному обмену и т. д. Думаю, что для тюменского студента мне очень повезло с учебной и, особенно, внеучебной деятельностью. У меня остались самые теплые воспоминания о моих пяти годах учебы в университете.

Вы обмолвились об аспирантуре. Она была сразу после завершения университета или Вы какое-то время работали по полученной специальности? Какую тему Вы разрабатывали в аспирантские годы?

После университета летом 1994 года я отработал в очередной раз во Франции. У меня были попытки остаться там учиться и работать, я даже направлял резюме своей дипломной работы одному профессору из Сорбонны (к сожалению, забыл его имя). Мы с ним говорили по телефону, и он готов был меня взять для подготовки диссертации. Но главную проблему мне так решить и не удалось: разрешение на работу. В итоге, посчитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут. Почти сразу принял решение устроиться на работу тогда еще в педагогический колледж (сегодня Сургутский государственный педагогический университет) преподавать французский язык и латынь. Что, собственно, и сделал. Осенью вышел на работу, а в октябре того же года поступил в заочную аспирантуру в Московский педагогический университет по целевому направлению из педколледжа на специальность «Романские языки». В аспирантуре разрабатывал и через пять лет (в 1999 г.) защитил диссертацию на тему «Неполные и односоставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Работу делал на основе диалогов из театральных пьес, как понимаете, пришлось осваивать испанский. Суть работы, если кратко, заключалась в том, чтобы найти вторичные смыслы в вопросах и то, как это отражается в их внешней структуре, а также то, как их (смыслы) можно обойти в ответах. Мне это очень пригодилось впоследствии, когда я стал заниматься социологией, в частности, при разработке анкет и гайдов интервью.

Таким образом, практический опыт в этом направлении у Вас есть. Прекрасно. Пожалуйста, два-три примера приведите... эта тема очень актуальна...

Согласен. Действительно, очень актуальна. Ведь от того, как спросить, как задать вопрос, зависит результат. Только разница между социологией и лингвистикой в том, что социолог думает, как спросить, т. е., как точнее сформулировать вопрос, а лингвист анализирует, что уже спросили и какие средства при этом использовали, а также их соотношение. Другими словами, если говорить о синтезе интересов, то социолог и лингвист идут по встречным направлениям одной дороги.

Поясню. Так, например, будучи сотрудником лаборатории региональных исследований нашего университета, я вел инициативное социологическое исследование, посвященное учительству, и входил в группу, изучающую проблемы толерантности и межэтнических отношений в школе. Передо мной стояла задача нарисовать социальный стереотипный портрет городского учителя. Во время разработки инструментария исследования я принял решение отказаться от традиционной анкеты и провести эксперимент на свободную интерпретацию псевдотавтологий. Это не мое изобретение, а по своей сути в чистом виде лингвистический эксперимент, хорошо известный и описанный в лингвистической семантике как отрасли языкознания. Он используется для того, чтобы выявить разницу между сходными в семантическом отношении лексемами или синтаксическими конструкциями, а также построить их иерархию. Мне показалось, что если его применить в социологическом опросе, то можно получить интересный результат. Что, собственно, и было сделано. Так, для выявления стереотипного образа учителя респондентам мной задавался вопрос: **Если бы Вы услышали, что кто-то сказал это, то что, по-вашему, он имел в виду?** А затем предлагалась собственно реплика – тавтология: **Учитель есть учитель.** Хитрость здесь в том, что если бы у меня стояла задача приукрасить образ учителя, то я бы дал другую реплику к моему вопросу: **Учитель – это учитель.** Дело в том, что свойства, приписываемые учителю в первом и втором случаях, не тождественны. Во втором случае они будут преимущественно положительные, а вот в нашем случае, первом, мы получили массу интересных, в том числе и отрицательных коннотаций, таких как «жаба», «злюка» и т. д. Не поймите превратно, я не ставил задачу очернить образ, нет, наоборот, он как раз получился очень живым, т. е. со своими плюсами и минусами, которых, конечно, было гораздо меньше. Кстати, результаты исследования были опубликованы позже в «Журнале социологии и социальной антропологии» в г. Санкт-Петербурге в № 2 за 2007 год.

Другой пример. Это уже из моих давних диссертационных наблюдений, впоследствии я взял это на вооружение при проведении интервью, да и не только. В диссертации, помимо разных прочих задач, я должен был найти коммуникативное различие между односоставным вопросительным предложением и неполным вопросительным предложением, а также их коммуникативную роль в диалогической речи. Дело в том, что в романском языкознании была определенная узконаучная полемика на этот счет, я, естественно, здесь это опушу. Так вот, проанализировав более 1 500 примеров различных диалогических ситуаций, я установил, что в диалогическом тексте частный односоставный вопрос, т. е. вопрос о

причине, цели, времени и т. д., включающий в свою структуру только специальное вопросительное слово, семантически открывает отвечающему большое пространство для ответной реакции. Проиллюстрирую сказанное: – **(1) Я не поеду с тобой в кино. – (2) Почему?** (Почему ты? Почему ты не поедешь? почему ты не поедешь со мной? почему ты не поедешь со мной в кино?) – **(3) Потому что у меня много дел (Потому что хочу в театр; Потому что ты плохо водишь машину и т. д.)**. Более того, такой вопрос чаще способствует нелинейному развитию диалога, что, собственно, видно из примера. Реплики 1 и 3 хоть и связаны как части сложноподчиненного предложения, но могут развить диалогическую ситуацию в любое русло. Частный же неполный вопрос семантически ограничивает коммуникативное пространство ответа за счет того, что жестко привязан к первой реплике структурно, и может, в свою очередь, не включать специальное вопросительное слово. Так, в нашем примере это может быть вопрос-догадка: **Занят?** который бы предвосхитил ответ о причине; вопросы-подхватывы: **Со мной?** или **В кино?**, или обе реплики вместе: **Со мной? В кино?** (так называемый вопрос-парцелляция), – которые не исключают выяснение причины, но фокусируют внимание собеседника на интересующем только нас направлении беседы.

Вот, собственно, может быть, не очень иллюстративно, дело в том, что в романских языках на уровне синтаксиса это работает несколько иначе, но все же, если в общих чертах, то так.

Я уже не говорю о том, что такие знания помогают в оценке правильности поставленного вопроса или предлагаемой для ответа шкалы в закрытом вопросе, а также последовательности вопросов в анкете. Еще один пример. Так, однажды к нам в университет в лабораторию обратились представители одной очень серьезной организации (не буду ее называть), которая хотела провести опрос с целью выявления мнения и оценок жителей города об их деятельности. Их анкету венчал вопрос об оценке деятельности этой организации с тремя вариантами ответа: **Оцените деятельность нашей организации – а) хорошо; б) удовлетворительно; в) не слышал о такой организации.** Забавно, мало того, что здесь была грубая ошибка в шкале, но вот что еще интересно. Можно, конечно, понять их желание получить только положительные оценки населения их деятельности. Но какой бы они, представители этой организации, сделали бы вывод на основе полученных данных, обнаружив, например, что какая-то доля опрошенных, ответив, естественно, при этом, на предыдущие вопросы анкеты о содержании и характере деятельности этой организации, выбрала для этого последнего вопроса последний вариант ответа, т. е. **в)**! Вот так бывает.

Естественно, я не претендую на совершенство в «вопросе о вопросах», хотя знаю, что это очень сложная, интересная и актуальная для социологии тема.

Возможно, здесь есть нечто новое в синтезе лингвистики и методики конструирования вопроса... подумаю... а пока вернемся к траектории Вашей жизни; все шло в целом гладко, и как Вы «прыгнули» в социологию?

На самом деле все произошло очень гармонично. Ведь параллельно моей работе преподавателя французского языка и латыни я с 1998 года стал возглавлять кафедру германских и романских языков в педагогическом университете, тогда еще институте. И, помимо всякой прочей организационной и административной работы, по роду своей деятельности должен был бороться за набор, за сохранение французского языка как в нашем университете, так и в школах города. Уже тогда ни о чем особо не подозревая (то, что проникаю в совершенно новую для себя сферу), я проводил микроисследования среди школьников и студентов, выявляя мотивы их выбора иностранного языка для изучения.

У нас на кафедре падала учебная нагрузка, я это в первую очередь сам и ощущал. В школах ситуация была вообще катастрофической, учителя французского переходили на преподавание других языков, чаще немецкого или английского, или вообще на пенсию. Выясняя через ответы учащихся, что выбор иностранного языка, в основном, определяется родителями, мы стали проводить разъяснительную работу среди них. Потом оказалось, что «пятой колонной» выступало руководство школ. Им было так выгоднее, удобнее составлять расписание, формировать нагрузку, да и, к тому же, не надо было убеждать и уговаривать родителей и пр. В итоге за двадцать лет (с 1994 года) из более чем 20 школ города французский язык (да он и тогда был не везде) безвозвратно ушел. Сегодня его преподают только в двух-трех муниципальных школах и в таком же количестве частных школ. Нас не слышали.

Постепенно исследования стали масштабнее. Потом я участвовал в полевых этапах по другим заказам, это в основном исследования студентов и старших школьников. До 2003 г. я ничего из этого не публиковал, да и не думал этого делать. Действовал по принципу: принял участие, провел поле, да и все. Конечно, что-то использовал в институте на внутренних конференциях, совещаниях для иллюстрации проблем, и не более того. За несколько лет таких исследований в режиме самоучки я осваивал нюансы социологического полевого исследования. Конечно, не было написанных программ, обоснований, основной инструмент – только анкета. Все это

появилось гораздо позднее. Преподавать английский я не хотел, да и без меня там народу хватало, поэтому необходимо было искать альтернативу.

Так, в 2004 г. наш институт получил заказ от Администрации Сургутского района на проведение социологического исследования на тему «Ценностные и профессиональные ориентации школьников Сургутского района». В институте меня спросили, не хотел бы я взять в разработку эту тему. А я вот как-то так взял и легко согласился. Откровенно говоря, дополнительный заработок был не лишним. У меня был год времени на это, была небольшая группа и административный ресурс. Там проблема была в том, что некоторые территории Сургутского района расположены далеко от Сургута и труднодоступны, и поэтому без помощи районной администрации только ресурсами института, даже теми, которые были выделены, эту тему двинуть было сложно. Как Вы понимаете, здесь все было уже по-настоящему: и программа исследования, и ее обязательное согласование с заказчиком, и расчет выборочной совокупности, и обработка массива данных тогда еще в Excel, а также все, что окружает исследование: согласование сроков, официальные письма, контроль бюджета, командировки т. д. Скажу кратко – мы успешно справились, акт о выполненных работах был сразу подписан заказчиком. Знаю, что глава районной администрации использовал наш отчет в своей работе. Видимо, действительно, получилось, так как были хорошие отклики о полезности проведенной работы, а наш ректор мне вдруг неожиданно при очередной встрече задала вопрос: «Не хотите ли Вы продолжить эту работу, т. е. проведение социологических исследований, но уже под руководством профессионалов с перспективой подготовки и защиты докторской диссертации?». Я пообещал подумать. Вот так чуть позже, уже подумав, я оказался на собеседовании у доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны Барбаковой в г. Тюмени. В Тюменской области было только два вуза с ректорами женщинами во главе: институт Клары Григорьевны Барбаковой и наш институт, теперь университет, Надежды Васильевны Коноплиной, доктора педагогических наук, профессора. Естественно, ректоры хорошо знали друг друга.

Был и другой фактор моего ухода в социологию. Я все дальше уходил в моих научных интересах от традиционной структурной лингвистики в сторону социолингвистики, дискурс-анализа, прагматики. Междисциплинарные сферы меня интересовали все больше и больше. У меня был долгий период раздумий (почти метаний), попытки заниматься сравнительным образованием (многое из того, что было исследовано, я потом использовал в своих работах, но это было потом). Социология открывалась для меня постепенно.

К началу «нулевых» в России уже было многое сделано в области социологии образования: классические исследования В. Н. Шубкина и его последователей, работы екатеринбургских социологов, Е. Э. Смирновой, Ф. Э. Шереги и т. д. Имелась ли в Сургуте возможность ознакомиться с этими исследованиями, был ли доступ к зарубежной литературе?

Да, тогда уже мне были известны эти авторы, однако с большинством из них я знакомился благодаря «Соцису», который выписывала и городская, и институтская библиотеки. Не могу сказать, что в сургутских библиотеках социологической литературы было в достатке. В начале «нулевых» работ по социологии образования почти не было. Как сейчас помню, что нашел тогда только «Социальные проблемы образования» Ф. Г. Зиятдиновой и «Социологию образования» Ф. Р. Филиппова, кстати, и та, и другая книги стали сегодня уже большой редкостью. Позже появились очерки по социологии образования А. М. Осипова и его соавторов. Прикладные исследования по социологии образования Ф. Э. Шереги я нашел только в Московской библиотеке. Так как в Сургуте мы регулярно получали «Социс», мне, конечно, были известны работы Г. Е. Зборовского, и В. С. Собкина. После того, как работы Г. Е. Зборовского стали публиковать в «Гардариках», они появились и в Сургуте, а исследования В. С. Собкина и его коллег можно было уже найти в интернете на официальном сайте Института социологии образования РАО.

В сургутских же библиотеках чаще встречались работы по общей социологии и социологии труда Ж. Т. Тощенко, методологии социологического исследования В. А. Ядова, социологии культуры. Были работы по социологии молодежи В. Т. Лисовского и социологии северного города Г. В. Куцева. Что касается зарубежных авторов, то чаще можно было найти переводные работы П. Бурдьё, избранные произведения М. Вебера, разные издания книг и произведений П. А. Сорокина. Хорошо помню хрестоматию по американской социологии, изданную в конце 90-х, по-моему, в МГУ, там были отрывки из Роберта Мертона, Талкотта Парсонса, Чарльза Кули и других. Все эти книги были в одном, двух экземплярах и чаще для доступа только в читальном зале. В сургутских вузах социология почти не читалась, поэтому и особого спроса на эту литературу не было. Когда она стала входить в учебные планы, студенческий спрос на эту литературу увеличился. Тогда полки книжных магазинов заполонило огромное количество книг с названиями «Социология», «Основы социологии» и пр., поступавших по принципу доступности, а не качества. Хорошая, добротная социологическая литература, в том числе и классики, стала появляться гораздо позднее.

В систематическом виде через серьезные теоретические источники социология образования, да и социология в целом, открылась для меня только в 2004–2006 гг., когда я стал уже регулярно работать в этом направлении и, в связи с этим, целенаправленно ездить в Москву, чтобы знакомиться с этой литературой в РГБ, приобретать ее для себя. До этого все это напоминало хаотические бросания на любую книгу, название которой начиналось на «Социо...».

Клара Григорьевна Барбакова, к сожалению, уже несколько лет тяжело больна, и хотя нас связывают давние и очень добрые отношения, я не смог побеседовать с ней. Удалось ли Вам с ней поработать, если «да», то какие у Вас о ней воспоминания сохраняются?

Да, я знаю об этом. Не встречался с Klarой Григорьевной тоже очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе «круглого стола» по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом РОС. Именно там в РОС среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Klarой Григорьевной Барбаковой и ее коллегами.

С Klarой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Klаре Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, – она очень добрый и мудрый человек. Klара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержано отчитывала за мои ляпы, но так как-то всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Ее самый основной, как мне известно, да и не только, научный, но и жизненный интерес – это исследование такой сложной темы о том, что такое интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома ее книга, написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Klarой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это, не стыжась. Причем, самые запоминающиеся – это ее повествования о многих интересных и странных, хотя каких странных, вполне понятных, событиях становления социологии как науки в нашей стране, ее учителях. Так,

я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ведь еще до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного отечественного психолога. Я знал ее работы по социальной психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Еще до того, как я стал заниматься социологией, это были тогда мои междисциплинарные интересы (в лингвистике – это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и пр.). Это очень яркое воспоминание о неожиданной для меня актуализации такого знания. Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Узнал, что она в свое время кончила «ин-яз». Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила в основном у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда «Сургут – Тюмень», преодолев более 800 километров за 14–15 часов, утром я приезжал к ней. Уже дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Klarой Григорьевной по ее домашней очень богатой научной библиотеке. Она всегда обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы – с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (прим.: в кабинете) и изучайте!». Я оставался в кабинете, и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: и книги, и супы, и салаты, и пирог, второе, торт, мороженное. Мы шутили: я говорил спасибо и что ухожу, так как собственно все – сыт! Но это было только началом. Потом мы разговаривали..., удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т. д. В общем, шла работа, нормальная такая работа.

Клара Григорьевна – просто хороший, искренний, ответственный, многознающий и мудрый человек. Для меня это было незабываемым профессиональным и личностным общением и, конечно, Уроками. Уверен и знаю, что каждый докторант ощутил эту заботу на себе. Хочется пожелать выздоровления и здоровья Кларе Григорьевне!

Вы начали ездить в Москву... наверное, и в Институт социологии РАН? С кем из московских социологов Вашего возраста и постарше Вам удалось познакомиться, может быть, поработать?

Все, о чем я начал рассказывать, а также мои поездки в Москву, происходили почти одновременно. Да, поездок было много: это и конференции, и работа в библиотеках. В целом, куда бы ни ехал, везде записывался в библиотеку: Москва, Санкт-Петербург, Тюмень, и даже Геленджик и Анапа. Кстати, в небольших южных городах, точнее, в их библиотеках, можно было найти самые неожиданные источники по истории социологии, переводную литературу и т. д.

В Институт социологии РАН я стал ездить позднее, конечно, встречался и общался там и с Давидом Львовичем Константиновским, и Валерием Андреевичем Мансуровым, и Зинаидой Тихоновной Голенковой. Зинаида Тихоновна консультировала меня по проблеме моей докторской, за что я ей очень благодарен. Несколько раньше у меня была возможность познакомиться с социологами из Санкт-Петербурга. Я приезжал участвовать в научной конференции на факультет социологии СПбГУ, посвященной проблеме социологического диагноза культуры, организованной Владимиром Вячеславовичем Козловским, Русланом Геннадьевичем Браславским и их коллегами, опубликовал у них в «Журнале социологии и социальной антропологии» статью. Уже на этапе защиты докторской диссертации очно познакомился с Владимиром Самуиловичем Собкиным, директором Института социологии образования РАО. До этого и до сих пор с интересом слежу за их исследованиями. Что касается конкретно-социологических полевых исследований, то сотрудники моей лаборатории и я вместе с ними, помимо наших собственных, принимали участие в полевых исследованиях, проводимых Левада-Центром, но это только заочно, что называется, по запросу. Так сложилось, что мне выпала удача познакомиться и пообщаться с Вадимом Валерьевичем Радаевым, хотя не по социологическому поводу, он приезжал к нам в университет, если я не ошибаюсь, в рамках крупного проекта по разработке и подготовке стратегии развития высшего профессионального образования в стране. Они изучали региональные вузы, ну а я, будучи проректором, вместе с моими другими коллегами были в теме и поучаствовали в этом.

При Ваших знаниях языков Вам, наверное, хотелось поближе узнать зарубежных социологов, изучить их теоретические подходы и исследовательские методы. Смогли Вы это сделать?

Откровенно говоря, очень хотелось бы. Пока могу об этом говорить с частицей «бы». Только вот как-то не сложилось. Был печальный опыт общения с одним финским исследователем. Кратко, к нам в университет приехал магистрант из одного университета Финляндии и попросил помочь ему провести социологическое исследование у нас в Сургуте (он не социолог, его специализация – социальная география). Дал анкеты, матрицу, и сказал: «Проводите». В общем, уехал. Потом была переписка с его университетом. Мне объяснял в переписке его руководитель, что это нормальная практика академической взаимопомощи и общения. Правда, когда я задавал вопросы о совместных публикациях, сотрудничестве, договоре, то не услышал ответа. Финский исследователь уехал, а мы остались! Вы знаете, в Сургуте, надеюсь, социология постепенно набирает обороты. Даже появляются частные коммерческие конторы, но там чистой воды маркетинг. Хорошо, пусть зарабатывают. Ну, а мы до сих пор многому учимся, уже есть и результаты, и готовы поделиться тем, что нами делается. Мы просто пока очень «маленькие».

Клара Григорьевна, если я верно помню, налаживала международные связи с социологами, развивая контакты с университетами северных территорий: в Финляндии, Канаде, со Скандинавскими странами. Похоже, такие контакты есть и в Якутии... не пробовали?

Знаю, что она очень активно работала в этом направлении. Даже успешно. Студенты ее института ездили на стажировки. Мне было бы интересно поучаствовать или провести сравнительное исследование. Правда, особой активности в этом направлении пока не предпринимал, так как считаю, что должны быть свои наработки, принципы, предложения. Сейчас нам уже есть, что показать (я имею в виду лабораторию региональных исследований СурГПУ и Югорское отделение РОС), поэтому стоит задуматься и на эту тему. Что касается Якутии, то я был в Якутске на большом форуме, который был организован Арктическим университетом (это консорциум российских и зарубежных университетов), в который наш университет входит, но ни тогда, ни сейчас ничего интересного для нас пока я найти не могу. Там очень специальные направления, связанные с природопользованием, экологией Арктики и прочее.

Были контакты и с коллегами из США, Калифорнийский университет в Фуллертоне, я там был на семинаре, посвященном проблемам развития высшего образования, Ассоциация культурных и академических обменов (г. Сиэтл). Но также это все пока остается на уровне намерений. Идеальный вариант – это, конечно же, поучаствовать в конкурсах грантовой поддержки. Ну... будем искать!

Вы уже дважды в нашей беседе вспомнили о работе над докторской диссертацией. Пожалуйста, расскажите, когда Вы приступили к этой работе, какую проблематику Вы исследовали, что удалось показать.

Целенаправленно я начал работать над темой с 2004 г., это направление я предложил Кларе Григорьевне, и она после обсуждения согласилась консультировать меня. Завершал исследование под чутким руководством Гарольда Ефимовича Зборовского. Он в итоге и стал моим научным консультантом по диссертации, старшим наставником и, если он не будет против, другом. Тема докторской диссертации «Модернизация педагогического образования: социологический анализ». Было бы странным, если бы я взялся за другую тему, работая в педагогическом вузе и проработав в нем к тому времени уже 10 лет. Я начал углубляться в эту тему, уже имея задел и наработки по учительству, по мотивации школьников к получению именно педагогического образования, опросы учителей, родителей и т. д. Мне помогли и все те исследования, о которых я говорил раньше. Они помогли нащупать проблемы. Подтолкнула меня к этому реальная ситуация, сложившаяся в нашем регионе, да и не только в регионе, в стране в целом. Это и сокращение сети педагогических вузов, их закрытие и слияние, обвинения в адрес именно педагогических вузов в том, что во всех бедах в российском образовании виновны именно они; это и введение ЕГЭ, и изменение, скорее, усложнение роли и функций учительства и, как следствие, необходимость понимания глубоких изменений института педагогического образования, и многое другое.

Скажу так, что если бы я не сломал случайно, но, как сейчас понимаю, все-таки своевременно, ногу, то не завершил бы работу вовремя (это правда!). К началу 2010 г. у меня накопились результаты собственных проведенных исследований, большой теоретический материал (аутентичные источники) по зарубежным странам. Все это требовало систематизации. Причем, я понимал, что в условиях действительно интенсивных реформ в образовании многие из полученных данных могут устареть, точнее, потерять свою актуальность. То есть к времени «Ч», т. е. времени, когда можно и надо было все обобщить и концептуализировать, у меня уже было

достаточное количество наработок, публикаций в различных журналах и сборниках, и даже вышли две книжки, было также собрано много другого материала (статистики, исследований прошлых лет).

Это был самый трудный этап. Не хватало времени... И вдруг оно появилось... Появилась возможность спокойно дома все осмыслить, обдумать и изложить.

Что удалось показать? Удалось показать, что педагогическое образование – это основа для воспроизводства допрофессионального образования и профессиональной общности педагогов. А по-сему реформы в образовании надо начинать не с его уничтожения как вида образования и не с общей школы, т. е. внедрения ЕГЭ, ГИА и прочих аббревиатур, а именно с сохранения педагогического образования, создав необходимые для этого социальные условия и технологии, которые способствовали бы его развитию, так, в частности, чтобы «новый» учитель не воспроизводил в классе устаревших шаблонных схем обучения и воспитания, ставших революционными еще во времена Я. А. Коменского, но, к сожалению, остающихся до сих пор актуальными. Удалось показать, что модернизация модернизации рознь. Модернизация образования не может иметь ничего общего только с экономическими механизмами, товаризацией, по Марксу; и даже ее понимание как рационализации (по Веберу) здесь также не подходит, так как имеет отношение к обществу как социально-экономическому организму, а точнее к построению основ капитализма. А что значит капитализм в образовании? Это значит привнесение рыночных принципов и правил взаимодействия в этой социальной сфере. Для российского образования – это серьезная встряска, так как затрагивает его социально-культурные основы, принципы и традиции. А это, на мой взгляд, одна из причин того, что многие реформы идут со скрипом и встречают сопротивление общества. Модернизация образования не исходит напрямую, жестко из модернизации общества. У этих «модернизаций» разные «профили». Модернизация образования – это процесс социальный. Здесь мне близка позиция Шмуэля Эйзенштадта. Он, конечно, не писал о педагогическом образовании, но он говорил о том, что возрастающая автономность и специализация институциональных сфер, а это, на мой взгляд, то, что произошло с образованием и с педагогическим образованием, только открывают новые возможности для их развития. Действительно, возникает проблема интеграции различных социальных сфер, их взаимодополняемости, но ведь это не та проблема, которую нельзя решить или надо решать методом «ампутации». Имеется много способов преодолеть такой кризис. Мне кажется, что это неисчерпаемая тема.

Владислав, Вы – заведующий кафедрой и декан социологического факультета Сургутского государственного университета (если что-то не так, пожалуйста, поправьте меня). В любом случае, расскажите о Вашем факультете, составе кафедр, по каким специальностям Вы готовите студентов.

В Сургуте два государственных вуза регионального подчинения: Сургутский государственный университет и Сургутский государственный педагогический университет. Я с самого первого дня моего трудоустройства в Сургуте (август 1994) до сих пор работаю в педагогическом университете.

Первоначально Сургутский государственный педагогический университет был педагогическим училищем (1986), потом высшим педагогическим колледжем (1993), педагогическим институтом (1995), и, наконец, педагогическим университетом (2005). Сургутский государственный университет, в отличие от нашего вуза, создавался на пустом месте, если не ошибаюсь, в 1993 или 1994 гг. как муниципальный вуз, тогда это было можно, т. е. законодательство позволяло. Имея серьезную финансовую поддержку города, но полное отсутствие кадров, руководство этого вуза, с одной стороны, стало массово приглашать профессуру со всей России, с другой, поглощать имеющиеся на территории Сургута средние профессиональные учебные заведения. Получение нами статуса педагогического института стало своеобразной защитой от такой агрессивной местной политики. Хотя признаю, что «сливать» нас пытались и после этого еще несколько раз, и даже тогда, когда мы стали университетом. Мы, простите меня за такое сравнение, до сих пор стоим в защитной стойке. По-другому нельзя, в России за последний год-два количество педагогических вузов сократилось в 2,5 раза. В нашем случае все такие попытки не увенчались успехом благодаря работе коллектива и, конечно же, нашему бесценному ректору, ее имя я уже называл, Коноплиной Надежде Васильевне, доктору педагогических наук, профессору.

Мы – небольшой по российским меркам региональный вуз с очень хорошей базой и инфраструктурой, и эффективный педагогический вуз по оценкам федеральных и региональных властей. У нас около 2 500 студентов (бакалавров, магистров, аспирантов) очной и заочной форм обучения. Мы – единственный вуз в Тюменской области, который готовит выпускников по направлению «Социология». У нас есть группы студентов по направлению «Организация работы с молодежью» (тоже социологическое направление), уже четвертый год функционирует аспирантура по социологии, и в этом году мы делаем первый набор на направление подготовки бакалавров по социологии. Все это происходит на одном

из шести факультетов нашего педагогического университета, который называется: «Факультет социально-культурных коммуникаций», а именно на кафедре философии и социологии. Наш же сосед, Сургутский государственный университет, социологов не готовил и не готовит, а также не имеет соответствующей кафедры.

В Сургутском государственном педагогическом университете я с самого начала работал на должностях ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, проректора по научной работе. Сегодня занимаю должности первого проректора, заведующего научной лабораторией региональных исследований и по совместительству профессора кафедры философии и социологии того факультета, о котором я уже сказал. На кафедре все, кто задействован в подготовке социологов, имеют ученые степени кандидата наук. Кафедру философии и социологии возглавляет кандидат культурологии, доцент Салават Рифгатович Аминов, факультет социально-культурных коммуникаций – кандидат педагогических наук, доцент Римма Анатольевна Белошапка. На факультете еще ведется подготовка специалистов по социально-культурной (досуговой) деятельности и дизайну. Кафедра философии и социологии – молодая, ребята не старше 40 лет, активно занимаются наукой, социальным проектированием. У меня же в лаборатории как внештатные главные научные сотрудники трудятся хорошо известные Вам доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ Гарольд Ефимович Зборовский (УрФУ, г. Екатеринбург) и доктор социологических наук, профессор Елена Анатольевна Шуклина (УрФУ, г. Екатеринбург). В ближайшее время, очень надеюсь, ожидаются защиты кандидатских диссертации по социологии двух моих научных сотрудниц Ольги Владимировны Власовой (под руководством Г. Е. Зборовского) и Светланы Викторовны Овчаренко (под моим руководством) (стучу по дереву, мы, марксисты, народ суеверный!). Кроме того, для исследований я привлекаю специалистов из других сфер. Так, с нами, в коллективе лаборатории, уже несколько лет трудится кандидат филологических наук Светлана Сергеевна Дрига, она – начальник научного отдела нашего вуза, но, будучи специалистом в дискурс-анализе СМИ, с удовольствием подключается к нашей работе для проведения интервью. В нашем университете мы открыли региональное отделение (Югорское отделение) Российского общества социологов. Другими словами, в Сургуте социология прошла свой первый этап институционализации и не только благодаря созданию кафедр и открытию специальностей в Сургутском государственном педагогическом университете. Мы активно проводим полевые социологические исследования, публикуемся. Вот самые крупные из них: «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-

Югре», «Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность». В разработке тема по социологии детства «Дети в системе дополнительного образования северного города». Параллельно по заказам исследовательских центров мы проводим поля (анкетирование, глубинные и полуструктурированные интервью). В общем и целом работы много.

Похоже, все это прежде всего – следствие Вашей активности, но, можно думать, что Вас поддерживают местная власть и бизнес. Вам удалось найти с ними общий язык?

Прежде скажу, что все, что уже сделано, и, надеюсь, еще будет сделано – это во многом и целом благодаря Гарольду Ефимовичу Зборовскому. Ведь его научное консультирование моей докторской постепенно перетекло в совместную научную работу на базе нашей лаборатории, которая с 2010 г. коренным образом изменила направление своих исследований. Наверное, по-другому и быть не могло. Сейчас, думаю, было бы странным, если бы мы перестали работать совместно. Чуть позднее к нам присоединилась Елена Анатольевна Шуклина. В лаборатории она курирует методологические аспекты проводимых нами исследований. За несколько лет совместной работы у нас сложилась своя определенная система совместного взаимодействия и работы. Я это очень ценю. Тот социологический коллектив, который сформировался в университете, – заслуга наших уральских коллег. Что касается поддержки властей, то мы ее ощущали все последние годы. Здесь поймите меня правильно. В нашем университете, как я уже говорил, мы открыли направление подготовки бакалавриата по социологии при поддержке региональных властей, более того, нам удалось их убедить выделить бюджетные места для развития этого направления. Думаю, мы их не подведем, так как уже сегодня, в период приемной кампании мы имеем конкурс из 280 заявлений на 15 бюджетных мест, и это не предел (приемная кампания продолжается). Конечно, я понимаю, что это предварительные результаты, тем не менее такие цифры говорят об интересе, которые проявляют школьники и их родители к этому направлению подготовки (оговорюсь, не без наших усилий), а также о том, что эта специальность престижна, востребована на региональном рынке труда и, следовательно, имеет перспективы для развития. Более того, мы получали и получаем заказы на проведение социологических исследований в регионе от региональных и муниципальных властей и проводим их. Я не говорю о том, что наша научная лаборатория целиком финансируется из регионального бюджета. По результатам исследований сами власти организуют общественные слушания с при-

глашением всех заинтересованных лиц. Так, исследование «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре» мы проводили по запросу комитета по социальной политике Думы ХМАО-Югры. Кстати, его руководитель, Наталья Леонидовна Западнова, – кандидат социологических наук, что мне представляется вполне «симптоматичным». Комитет дважды организовал с нашим присутствием такие слушания с приглашением представителей департаментов образования, молодежной политики, социальной политики, представителей диаспор, общественных организаций, прессы и т. д. Затем такие встречи прошли и в муниципалитетах. Дело закончилось принятой исполнительной властью региона соответствующей программы, которая, по моему мнению, очень неплохо работает: увеличили количество часов на освоение русского языка для таких детей в тех школах, где это необходимо, стали создавать программные школы в этом направлении, подключили общественность, СМИ и т. д. К нашей одноименной монографии, написанной по результатам этого исследования, проявили интерес не только представители округа, она получила положительную оценку представителей других регионов России. Другими словами, проблема стала всеобщим достоянием, и обсуждать ее стали конструктивно. Надеюсь, что и в дальнейшем такой диалог будет сохраняться и развиваться.

Для заметок

Научное издание

**СОЦИОЛОГИЯ НА УРАЛЕ:
ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ И ПУТЬ В XXI ВЕК**

Подписано в печать 28.04.2015. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 12,88. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.